

**«ЦИФРЛЫҚ ШЫНДЫҚТАҒЫ ХАЛЫҚТЫҢ КӨШІ-ҚОНЫ:
ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ӘСЕРЛЕР ЖӘНЕ
БЕЙІМДЕЛУДІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТЕТІКТЕРІ»
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ-ПРАКТИКАЛЫҚ КОНФЕРЕНЦИЯНЫҢ ЖИНАҒЫ**

**PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
«MIGRATION IN THE DIGITAL REALITY:
SOCIOECONOMIC EFFECTS AND LEGAL ADAPTATION MECHANISMS»**

*** * ***

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ»**

УДК 314.7
ББК 60.73
М54

Коллектив авторов

Материалы международной научно-практической конференции «Миграция населения в цифровой реальности: Социально-экономические эффекты и правовые механизмы адаптации». – Q University, 2025. – 236 с.

ISBN 978-601-08-5587-8

Настоящий сборник представляет доклады участников Международной научно-практической конференции, состоявшейся 6 ноября 2025 года в Алматы. Материалы отражают ключевые аспекты трансформации миграции в цифровую эпоху: правовое регулирование, социальные и экономические эффекты, образовательную миграцию, а также вопросы национальной безопасности и киберрисков.

Обсуждая миграционные потоки в условиях стремительной цифровизации, авторы предлагают конкретные практические рекомендации и решения, которые будут полезны ученым, политикам и всем заинтересованным в формировании современной миграционной политики.

Конференция проводилась в рамках грантового финансирования МНВО РК на 2025-2027 годы (ИРН AP26103687 «Цифровая миграция: новые горизонты социально-экономического развития и правовая интеграция»).

Сборник адресован исследователям, практикам, преподавателям и студентам, а также всем, кто интересуется актуальными последствиями цифровизации для глобальных социальных процессов.

Рекомендован к изданию решением Ученого совета Q University

© Коллектив авторов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Есетова С.К. О ПРОЕКТЕ «ЦИФРОВАЯ МИГРАЦИЯ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПРАВОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ»	8
Джунусов А.М. МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ.....	11
Леденева В.Ю. АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ ЧЕРЕЗ ЦИФРОВЫЕ КОНТУРЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ.....	19
Ибраева А.С., Турсынкулова Г.А. ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ В РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ.....	27
Рахимова М.А. ЦИФРОВИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН	32
Жәлілханова Ы.Ш., Джумабеков О.Т. ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РАМКАХ ЦИФРОВОЙ МИГРАЦИИ.....	38
Свечников Н.И., Битюцкий Е.В. ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБЫ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСТВА И РЕГИСТРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН МВД РФ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	44
Ибраев Н.С. ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	49
Мухитдинова Ф.А. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ УЗБЕКИСТАНА	53

Михайленко Ю.А.	
ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	57
Ережепқызы Р.	
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И КЛИМАТИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ В ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ ВЫЗОВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ.....	61
Ашыралиева Б.С.	
ЦИФРОВАЯ МИГРАЦИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ.....	66
Тогжанова А.К.	
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖДУ КАЗАХСТАНОМ И РОССИЕЙ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ.....	71
Примбетова С.Ч., Бисенова Г.Н.	
МИГРАЦИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ НА ТРУДОВЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОТОКИ	77
Мусалиева Р.Д., Тажмуратова А.А.	
ЦИФРОВЫЕ МИГРАНТЫ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ.....	81
Касымжанова А.А.	
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	86
Жангалиева Р.У., Мустафина А.С., Зайдағали С.Н.	
ҚОҒАМНЫҢ ЦИФРЛЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ ЖАҒДАЙЫНДА ЭЛЕКТРОНДЫҚ АҚШАНЫ ЕСЕПКЕ АЛУ.....	90
Саломатин А.Ю., Макеева Н.В.	
ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИИ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ И ПОСТМОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	99
Есетова С.К., Куланова С.Ш.	
ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА И ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ	104
Джанегизова А.С., Ефанов А.В., Шаймерденова А.А.	
ESG КАК ИНСТРУМЕНТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ	111

Максут А.С.	
АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ С УЧЕТОМ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.....	117
Казакова Е.Б.	
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	123
Конарбаева М.М., Апахаев Н.Ж.	
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА В ОБЛАСТИ ЦИФРОВОЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ.....	127
Бегасилов Б.Т., Крахина В.В.	
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В СТРАНАХ ЕАЭС	132
Рустемова Г. Р., Хусаинова Ш.М.	
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ПРОФИЛАКТИКА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ЦИФРОВИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	137
Умурзаков Е.А., Жумаева М.С.	
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ (НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ)	140
Калыбаев В.С.	
НОВЫЕ УГРОЗЫ ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ ЖЕРТВ	144
Жангалиева Р.У., Мустафина А. С.	
БЛОКЧЕЙН ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫ МЕН КРИПТОВАЛЮТАЛАРДЫҢ ӘСЕРІНЕН БУХГАЛТЕРЛІК ЕСЕПТІ ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУ	150
Рустемова Г. Р., Хусаинова Ш.М.	
ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИИ	154

Ахметов Е.С.	
ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ	158
Максут А.С.	
ЭВОЛЮЦИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ИСТОРИКО- ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ	161
Турысбекова Г.Г.	
ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ МИГРИРУЮЩИХ МАТЕРЕЙ	166
Имангазиев Т.А.	
ПОНЯТИЕ «ЦИФРОВОЙ КОЧЕВНИК» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КАЗАХСТАНА И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....	172
Мухамедина А.Е.	
СТАЛКИНГКЕ ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛДЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ	179
Li Qian, Zharbolova A.Zh.	
CONCEPT OF ADMINISTRATIVE JUSTICE.....	183
Ахметов Е.С.	
ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ МИГРАНТОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	187
Рахимжанов Т.С.	
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	190
Lu Yizhen	
DIGITALIZATION AS A FACTOR IN TRANSFORMING ANTI- CORRUPTION POLICY: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF KAZAKHSTAN AND CHINA	194
Long Jiangping	
THE ROLE OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN COMBATING CORRUPTION IN CHINA: LEGAL AND INSTITUTIONAL ASPECTS	197

Lyu Fei	
THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN CORPORATE GOVERNANCE: LESSONS FROM THE EUROPEAN UNION, THE UNITED STATES, AND CHINA	200
Ye Teyong	
ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND HUMAN RIGHTS: LEGAL CHALLENGES AND PROSPECTS FOR GLOBAL GOVERNANCE	203
Zhang Yiqiu	
LEGAL MECHANISMS FOR PREVENTING AND REGULATING CONFLICTS OF INTEREST IN PUBLIC ADMINISTRATION: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE	207
Wang Yuqiao	
REQUIREMENTS FOR THE PROCESSING OF PERSONAL DATA IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: A COMPARATIVE ANALYSIS WITH GDPR	210
Gong Xuejun	
DIGITAL GOVERNANCE AND ANTI-CORRUPTION: LEGAL SAFEGUARDS AND EMERGING CHALLENGES	214
Ke Jinkun	
THE RELATIONSHIP BETWEEN THE RIGHT TO INFORMATION AND THE RIGHT TO PROTECTION OF THE CHILD'S PERSONAL DATA IN CYBERSPACE	217
Liu Guoxiong	
THE RIGHT TO PRIVACY IN THE AGE OF DIGITALIZATION: INTERNATIONAL STANDARDS AND THE CASE OF KAZAKHSTAN.....	221
Liu Shiqi	
DIGITAL INNOVATIONS IN ANTI-CORRUPTION POLICY: EXPERIENCE AND PERSPECTIVES OF KAZAKHSTAN.....	224
Liu Jiawei	
CORRUPTION: HISTORICAL ROOTS, CONTEMPORARY CHALLENGES, AND ANTI - CORRUPTION MEASURES IN KAZAKHSTAN.....	227
Li Qian, Zharbolova A.Zh.	
FUNCTIONS OF ADMINISTRATIVE JUSTICE	231
РЕЗОЛЮЦИЯ	2356

О ПРОЕКТЕ «ЦИФРОВАЯ МИГРАЦИЯ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПРАВОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ»

В условиях глобализации и стремительного развития цифровых технологий мир сталкивается с новыми вызовами и возможностями. Одним из наиболее ощутимых последствий этого процесса является увеличение миграционных потоков, что порождает необходимость исследовать и анализировать их влияние на социально-экономическое развитие стран. В частности, Казахстан, находясь на пересечении культур и экономических интересов, становится объектом пристального внимания в контексте цифровой миграции.

Цифровая миграция представляет собой процесс перемещения индивидуумов и групп в цифровом пространстве, обусловленный развитием информационно-коммуникационных технологий и изменениями в экономической структуре. Основными факторами, способствующими этому процессу, являются доступность интернета, рост онлайн-платформ для труда, образования и социальных взаимодействий. Эти факторы создают новые условия для общественного и экономического развития, что в свою очередь вызывает необходимость в научном исследовании аспектов цифровой миграции.

Правовая интеграция мигрантов в условиях цифровизации становится важной задачей для любого государства. В Казахстане, где проживает большое количество мигрантов из соседних стран, необходимо разработать адекватные правовые механизмы, которые обеспечат защиту прав мигрантов, их доступ к социальным услугам и возможность интеграции в экономическую среду. Необходимо создать правовую основу, которая будет учитывать сложные особенности цифровой миграции и соответствовать международным стандартам.

Научный проект представляет собой актуальную и многогранную тему, требующую всестороннего анализа. Предпосылки к его разработке укоренены в современных трендах цифровизации, социально-экономических изменениях, а также необходимости создания эффективной правовой базы для обеспечения интеграции мигрантов в новое цифровое общество. Внимание к данной теме откроет новые горизонты для исследования влияния цифровой миграции на развитие Казахстана и позволит разработать рекомендации по оптимизации миграционной политики и ее правового обеспечения в условиях стремительных изменений глобальной экономики.

Проект является логическим продолжением ранее проведенных членами исследовательской группы научных исследований. Так, научный руководитель проекта в 2007 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Государственное регулирование процесса возвращения репатриантов на историческую родину (теоретико-правовое исследование)»; руководила грантовым проектом «Государственное регулирование миграционных процессов в Республике Казахстан: структура, основные противоречия и проблемы совершенствования» (Грант Ректора Университета Нархоз, 2016); участвовала в выполнении тем

фундаментальных исследований – «Правовые и политические механизмы эффективного государственного управления молодежной миграцией в Республике Казахстан: проблемы и перспективы» (МОН РК, 2020); «Правовое регулирование миграционных правоотношений в Республике Казахстан в условиях глобализации: теоретическая основа и практические проблемы» (МОН РК, 2014). Научным консультантом по проекту AP22688447 «Материнство на перекрестке: проблемы защиты прав матерей-мигранток (опыт Казахстана и международные стандарты)» (МНВО РК, 2024).

Леденева В.Ю. была исполнителем в проекте «Климатические риски для населения и экономики регионов России: идентификация, оценка, управление» (РФФИ, научный проект №20-010-01006, 2021-2022 г.), в рамках которого изучала климатических мигрантов.

Ибраева А.С. являлась руководителем проекта «Правовое регулирование миграционных правоотношений в Республике Казахстан в условиях глобализации: теоретическая основа и практические проблемы» (МОН РК, 2014).

Новизна проекта выражается в нескольких аспектах:

Прежде всего, проект впервые в казахстанской науке предлагает целостную концепцию понимания цифровой миграции как многоаспектного явления, включающего не только физическое перемещение трудовых ресурсов, но и виртуальную мобильность, удаленную работу, цифровую интеграцию и адаптацию мигрантов в принимающем обществе. Данный подход позволяет по-новому взглянуть на миграционные процессы в эпоху цифровизации.

Инновационным аспектом исследования является разработка методологического инструментария для оценки влияния цифровой миграции на социально-экономическое развитие страны. Впервые предлагается система количественных и качественных индикаторов, позволяющих измерить эффективность цифровой интеграции мигрантов и их вклад в цифровую экономику Казахстана.

Особую научную ценность представляет предложенная авторами концептуальная модель правового регулирования цифровой миграции, учитывающая специфику казахстанского законодательства и международный опыт. Впервые будут разработаны правовые механизмы защиты прав цифровых мигрантов и регулирования их деятельности в виртуальном пространстве.

Проект вносит существенный вклад в развитие теории цифровой трансформации общества, предлагая новую парадигму понимания миграционных процессов в цифровую эпоху. Авторами впервые систематизированы и классифицированы формы цифровой миграции, характерные для современного Казахстана, что позволяет более точно прогнозировать и управлять миграционными потоками.

Значительным научным достижением будет разработка инновационной модели социальной адаптации цифровых мигрантов, основанной на использовании современных информационно-коммуникационных технологий. Данная модель учитывает культурные особенности Казахстана и специфику цифровой трансформации общества.

Проект также вносит существенный вклад в развитие теории правовой

интеграции, предлагая новые механизмы гармонизации национального законодательства с международными нормами в области регулирования цифровой миграции. Особое внимание уделяется вопросам защиты персональных данных и обеспечения цифровых прав мигрантов.

Инновационным является предложенный авторами подход к формированию цифровой инфраструктуры для поддержки мигрантов, включающий создание специализированных онлайн-платформ, систем цифровой идентификации и механизмов удаленного доступа к государственным услугам.

В методологическом плане проект предлагает новый междисциплинарный подход к исследованию цифровой миграции, сочетающий методы социологии, экономики, права и информационных технологий. Это позволяет получить более полное и глубокое понимание исследуемого феномена.

Таким образом, научная новизна проекта заключается в комплексном исследовании феномена цифровой миграции и его влияния на социально-экономическое развитие Казахстана, разработке инновационных подходов к правовому регулированию и социальной интеграции цифровых мигрантов, а также в создании методологического инструментария для оценки и прогнозирования миграционных процессов в цифровую эпоху.

Анализ предшествующих исследований показывает, что тема цифровой миграции находится на пересечении различных научных дисциплин и требует комплексного подхода. В Казахстане формируется собственная школа исследований в данной области, которая успешно интегрируется в международное научное пространство.

Преодоление недостатка знаний является критически важным фактором успешной реализации проекта, что позволит не только повысить уровень цифровой грамотности населения, но и создаст основу для устойчивого развития экономики и общества в целом. При этом важно помнить, что процесс преодоления недостатка знаний должен носить непрерывный характер, учитывая постоянное развитие цифровых технологий и появление новых вызовов в данной области.

Результаты проекта имеют практическую значимость для разработки государственной политики в области цифровой трансформации и миграции. Они могут быть использованы при формировании стратегических документов, направленных на развитие цифровой экономики и общества в Казахстане.

Сведения об авторе:

ЕСЕТОВА САЛТАНАТ КОНУСБАЕВНА, кандидат юридических наук,
Директор Центра правовых исследований Q University

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В данной статье рассмотрены ключевые исторические этапы формирования миграционной политики, современные аспекты регулирования миграционных процессов, а также роль международных организаций и глобальных вызовов. Мы опираемся на широкий набор источников, в том числе академические исследования, официальные документы, аналитические отчеты и новостные публикации, что позволяет комплексно охарактеризовать специфику миграционных процессов в Казахстане.

Ключевые слова: Миграционная политика Казахстана, Геополитические условия современности, Регулирование миграционных процессов, Социально-экономические аспекты миграции, Международное сотрудничество в сфере миграции

Введение

Миграционная политика Казахстана в современных геополитических условиях представляет собой динамично развивающуюся область государственного регулирования, в которой переплетаются исторические предпосылки, экономические и демографические процессы, а также влияние мировых и региональных конфликтов. В условиях глобализации, усиления интеграционных процессов и одновременно обострения региональных противоречий государство вынуждено адаптировать методы регулирования миграционных процессов, обеспечивать социальную интеграцию мигрантов, а также защищать национальные интересы. Исследование миграционной политики Республики Казахстан позволяет проследить эволюцию законодательной базы, институциональной структуры и стратегических приоритетов, отражающих как внутренние потребности страны, так и вызовы, связанные с внешнеполитической конъюнктурой.

Формирование миграционной политики Республики Казахстан имеет длительную историю, уходящую корнями в период обретения независимости в 1991 году. С началом репатриации этнических казахов после распада СССР государство сосредоточило внимание на создании правовой и организационной базы для приема и адаптации «кандасов» – репатриантов, возвращающихся на историческую родину. Принятый ряд законодательных актов и постановлений способствовал формированию правового поля, в рамках которого регулировался порядок въезда, регистрации и социальной поддержки репатриантов.

Первый период характеризовался созданием основ правового регулирования миграционных процессов. В 1991–2000 годах Казахстан разработал первичные положения, направленные на поддержку этнических репатриантов, что нашло отражение в ряде государственных программ. Принятие Закона «О миграции населения», утвержденного в 1992 году, стало важным этапом в формировании миграционной политики, определив как квоты

на въезд этнических представителей, так и механизмы финансовой поддержки и предоставления жилья.

Второй этап (2001–2011 гг.) характеризуется стабильным увеличением числа репатриантов, что позволило создать положительный миграционный баланс. В этот период государство значительно расширило перечень категорий лиц, претендующих на репатриацию, и внедрило комплекс социальных программ, направленных на обеспечение адаптации возвращающихся граждан в условиях рыночной экономики. Принятая «Секторная программа миграционной политики Казахстана на 2001–2010 годы» стала важным инструментом для реализации стратегических приоритетов.

Современный этап – начиная с 2012 года и до настоящего времени – характеризуется условиями, в которых Казахстан вынужден балансировать между внутренними демографическими потребностями и глобальными политико-экономическими вызовами. С одной стороны, государство продолжает поддерживать репатриацию этнических казахов, с другой – активно привлекает квалифицированные кадры из-за рубежа, что обусловлено дефицитом специалистов на внутреннем рынке труда. Реформирование миграционной политики также связано с необходимостью борьбы с нелегальной миграцией и обеспечения безопасного, упорядоченного потока мигрантов.

Современные геополитические вызовы и их влияние на миграционную политику

Мировые и региональные геополитические изменения существенно влияют на миграционную политику Казахстана. После окончания эры Назарбаева, а также на фоне военных конфликтов и экономических санкций, возникли новые вызовы, требующие корректировки стратегий миграционного регулирования. События, связанные с войной на территории Украины, оказали влияние на миграционные потоки в Центральной Азии, в том числе и в Казахстане, что привело к появлению новых сообществ, состоящих из беженцев и лиц, покинувших Россию в связи с политической репрессией.

С одной стороны, Казахстан вынужден адаптироваться к необходимости привлечения квалифицированных работников из-за рубежа, что обусловлено потенциальным дефицитом рабочей силы в условиях растущей экономики. С другой стороны, государство сталкивается с проблемой нелегальной миграции и необходимостью усиления контроля за незаконной занятостью, теневой экономикой и фиктивными контрактами. Эти вопросы стали актуальными во многом благодаря глобальным экономическим потрясениям, а также специфическим региональным тенденциям, таким как отток специалистов и внутренние миграционные процессы, сопровождающиеся концентрацией населения в мегаполисах.

Особое значение в данной сфере приобретает баланс между национальными интересами – обеспечением безопасности, защиты национального рынка труда и сохранением демографического баланса – и международными обязательствами, в том числе участие Казахстана в ряде соглашений и конвенций, направленных на защиту прав мигрантов. Отсюда

вытекает необходимость адаптации национальной миграционной политики к условиям глобальной политической нестабильности, что требует применения современных цифровых технологий для мониторинга потоков мигрантов и оперативного реагирования на возникающие угрозы.

Рисунок 1 иллюстрирует взаимосвязь между глобальными геополитическими вызовами, экономическими и демографическими изменениями и ответными мерами миграционной политики в Казахстане.

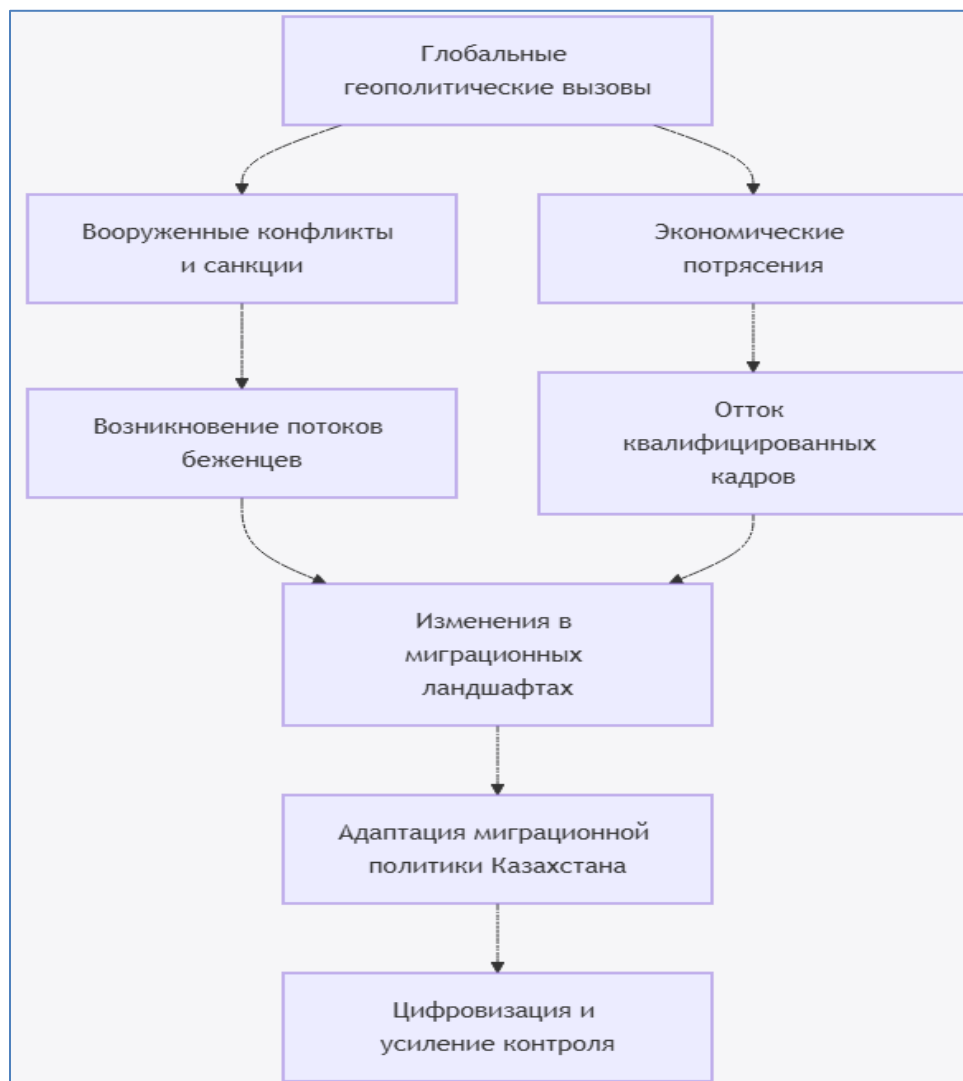

Рисунок 1: Поток влияния геополитических трендов на миграционную политику Казахстана

Регулирование миграционных процессов и социальная интеграция мигрантов

Социальная интеграция мигрантов является одним из важнейших аспектов миграционной политики, поскольку успешное включение мигрантов в общество способствует снижению социальной напряженности и развитию экономического потенциала страны. Проблемы интеграции коснулись как репатриантов, так и трудовых мигрантов. В частности, исследования показывают, что репатрианты сталкиваются с рядом вызовов, включая трудности в поиске постоянной работы,

языковые барьеры, проблемы с получением гражданства и доступом к жилью. Такие проблемы требуют разработки комплексных мер поддержки, включая специальные социальные программы и государственную поддержку недооцененных групп населения.

Для эффективного разрешения вопросов интеграции мигрантов государство проводит политику, ориентированную на снижение барьеров между мигрантами и местным населением. Среди основных мер следует отметить:

Предоставление государственных гарантий в виде специальной социальной поддержки для групп, находящихся в уязвимом положении, включая репатриантов.

Реализацию программ по обучению языкам и профессиональной переподготовке для мигрантов, что способствует их более быстрой адаптации на рынке труда.

Разработка и внедрение цифровых платформ и информационных систем, позволяющих оперативно отслеживать миграционные потоки и обеспечивать прозрачное планирование социальных мер.

Эффективное взаимодействие государственных органов и международных организаций в области интеграции мигрантов позволяет не только повышать качество жизни мигрантов, но и стимулировать экономическое развитие страны, улучшать демографическую ситуацию, а также создавать благоприятную социально-политическую среду в условиях современного глобального мира. Таблица 1 демонстрирует комплекс мер, направленных на создание эффективной системы социальной интеграции мигрантов в Казахстане.

Мера интеграции	Описание	Цель
Государственная поддержка	Программа социальной поддержки уязвимых групп, включая репатриантов	Обеспечение жизненного уровня и адаптации в обществе
Обучение и повышение квалификации	Курсы казахского языка, профессиональная переподготовка	Улучшение трудовых навыков и ускорение интеграции на рынке труда
Цифровизация управления миграцией	Внедрение информационных систем для мониторинга миграционных потоков	Прозрачное планирование и оперативное реагирование на изменения
Поддержка культурной интеграции	Организация культурных обменов и интеграционных программ для мигрантов	Повышение уровня взаимопонимания между мигрантами и местным населением

Таблица 1: Основные меры по улучшению социальной интеграции мигрантов

Роль международных организаций в формировании миграционной политики Казахстана

Международные организации играют неопределимую роль в поддержке и развитии миграционной политики Казахстана. Международная организация по миграции (МОМ) является одним из ключевых партнеров государства, предоставляя техническую, консультационную и информационную поддержку в

реализации программ по адаптации мигрантов и контролю за миграционными потоками. С момента своего основания в Казахстане МОМ активно участвует в разработке стратегических инициатив, способствует обмену опытом с другими странами, а также помогает во внедрении современных цифровых технологий для улучшения мониторинга и регулирования миграции.

Кроме того, Казахстан является участником ряда международных форумов и инициатив, таких как Глобальный форум по миграции и развитию (GFMD) и другие региональные консультационные процессы, что позволяет обеспечивать межгосударственное сотрудничество в сфере миграционной политики. Такие инициативы не только способствуют повышению эффективности национальной политики, но и усиливают позиции Казахстана на международной арене как страны, активно нацеленной на создание гуманного и упорядоченного миграционного режима.

Роль международных организаций также проявляется в разработке нормативных документов и рекомендаций, которые становятся основой для совершенствования законодательной базы Казахстана. Международные соглашения и конвенции обеспечивают соответствие национальной политики мировым стандартам и способствуют защите прав мигрантов, что имеет важное значение для поддержания правопорядка и социальной стабильности.

Рисунок 2 демонстрирует схему взаимодействия между государственными структурами Казахстана и международными организациями, такими как МОМ и GFMD, что позволяет обеспечить комплексное регулирование миграционных процессов.

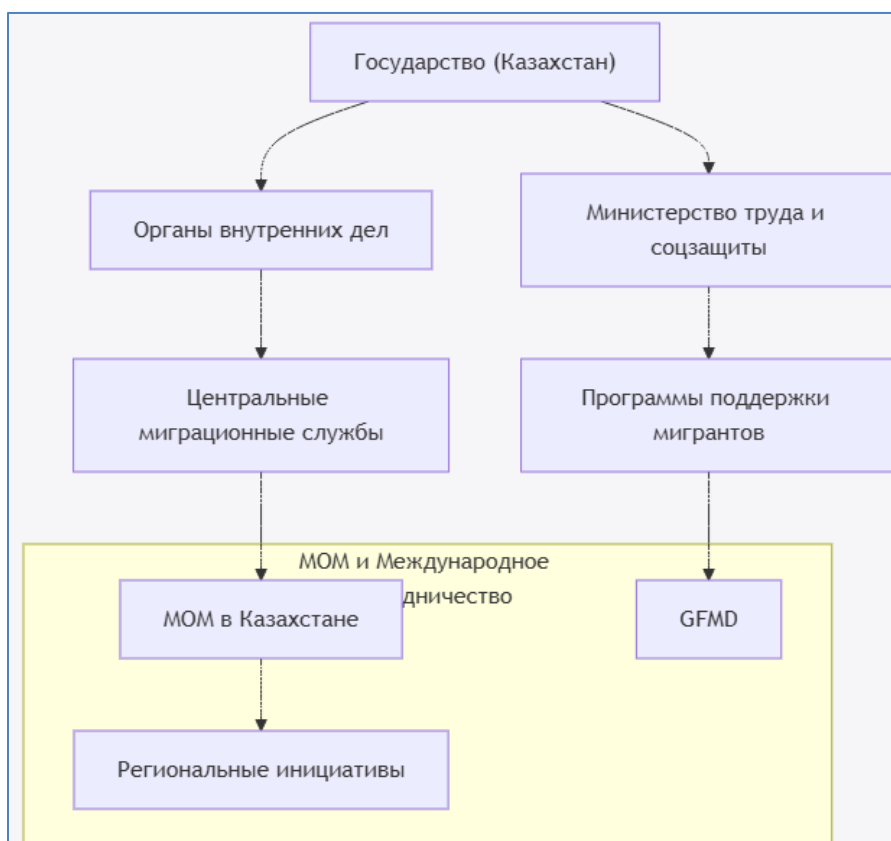

Рисунок 2. Структура взаимодействия Казахстана с международными организациями в области миграции

Перспективы и стратегические направления развития миграционной политики

Современные вызовы требуют от Казахстана выработки новых стратегических направлений по совершенствованию миграционной политики. Актуальные задачи включают цифровизацию административных процессов, усиление контроля за нелегальной миграцией, а также развитие программ поддержки для репатриантов и иностранных специалистов.

Цифровизация и автоматизация миграционных процессов.

Внедрение единой цифровой платформы позволит не только ускорить процедуру оформления документов, но и обеспечить оперативное обновление данных о миграционных потоках. Переход на электронное управление миграцией способствует прозрачности процессов и повышению эффективности контроля.

Усиление контроля за нелегальной миграцией и теневой экономикой.

Разработка и внедрение системы мониторинга с использованием информационных технологий позволит оперативно выявлять и пресекать факты нелегальной занятости, фиктивных трудовых контрактов и других нарушений миграционного законодательства.

Поддержка социально уязвимых групп.

Рассмотрение репатриантов и других мигрантов как социально уязвимых групп ведет к необходимости формирования специальных программ поддержки, включающих жильё, языковые курсы и меры по профориентации. Такие меры положительно влияют на ускорение процесса социальной интеграции и способствуют созданию благоприятного имиджа миграционной политики в стране.

Модернизация законодательной базы.

Для решения современного спектра задач требуется системное обновление законодательства. Принятие новых нормативных актов, регламентирующих вопросы цифровизации, а также гармонизация национального законодательства с международными стандартами, является важным этапом для устойчивого развития миграционной политики.

Развитие программ международного сотрудничества.

Активное участие Казахстана в международных инициативах и обмен опытом с ведущими мировыми странами позволит создавать оптимальные условия для мигрантов и обеспечивать высокие стандарты защиты их прав. Совместные программы и двусторонние соглашения помогут повысить уровень интеграции и ускорить процесс адаптации мигрантов в стране.

Анализ рисков и возможностей

В условиях меняющейся геополитической обстановки миграционная политика должна учитывать как внутренние, так и внешние вызовы. Риски, связанные с нелегальной миграцией, демографическим дисбалансом и социальной неустойчивостью, могут быть компенсированы благодаря активной работе государства в направлении цифровизации и совершенствования законодательства. Возможности, такие как привлечение высококвалифицированных специалистов и увеличение позитивного

миграционного баланса, открывают перспективы для экономического роста и устойчивого развития страны.

В заключении можно отметить, что миграционная политика Казахстана является сложной и многогранной системой, которая включает в себя исторически сложившиеся механизмы поддержки репатриантов, современные принципы регулирования миграционных потоков, а также меры, направленные на социальную интеграцию иностранных граждан.

Итоговая Таблица 3 подчеркивает основные направления и меры, способствующие устойчивому развитию миграционной политики Казахстана.

Направление развития	Описание	Ключевая цель
Цифровизация процессов	Внедрение единой цифровой платформы для автоматизации миграционных процедур	Повышение прозрачности и эффективности управления
Усиление контроля	Разработка информационных систем для мониторинга нелегальной миграции и теневой экономики	Снижение случаев нелегальной занятости
Поддержка уязвимых групп	Реализация программ социальной поддержки для репатриантов и трудовых мигрантов	Социальная интеграция и адаптация мигрантов
Модернизация законодательной базы	Адаптация нормативных актов к современным условиям и международным стандартам	Гармонизация национального законодательства
Международное сотрудничество	Участие Казахстана в глобальных и региональных инициативах, обмен опытом через MOM и GFMD	Повышение качества и эффективности миграционной политики

Таблица 3. Основные направления и меры

Заключение

Государству необходимо не только привлекать квалифицированных специалистов и создавать позитивный миграционный баланс, но и обеспечивать защиту прав мигрантов, учитывая демографические изменения и глобальные геополитические вызовы. В этом контексте цифровизация административных процессов, модернизация законодательства и активное международное сотрудничество представляют собой ключевые инструменты, способные обеспечить устойчивое развитие миграционной политики в будущем.

Казахстан, обладая богатым историческим опытом, имеет все основания для того, чтобы превратить вызовы в возможности. Современные реформы и внедрение инновационных цифровых решений в управлении миграцией важны как для безопасности страны, так и для укрепления её позиций на мировой экономической и политической арене. Успех этих преобразований напрямую зависит от своевременного реагирования на возникающие глобальные вызовы и оперативного осуществления стратегических мер поддержки миграционного процесса.

Для дальнейшего успеха необходимы постоянные реформы, основанные на научных исследованиях, тесное взаимодействие с международными

организациями и использование современных технологических решений. Это обеспечит не только рост экономики, но и создание комфортных условий для жизни и работы всех категорий мигрантов, что, в свою очередь, будет способствовать стабильности и процветанию страны.

Список источников

1. Smailkhan, L., Perlenbetov, M., Tazhbayeva, S., Assylkhanova, M. (2014). Problems of Social Integration for Repatriates in Kazakhstan. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5(20), 2625–2630. <https://doi.org/10.5901/mjss.2014.v5n20p2625>
2. Aubakirova, S., Alimkhan, Y. (2023). Homeland integration: Assessing the experiences of repatriates (Qandas) in Kazakhstan and state policies associated with them. *Policy Analysis Exercise (Thesis)*.
3. Vorobyova, D. (2003). About the migration process of population: Theory and national migration policy. *Problems of legal regulation of migration processes on the territory of the Russian Federation: Analytical compendium of the Federation Council*, (9), 35.
4. МОМ в Казахстане (2025). Официальный сайт Международной организации по миграции в Казахстане. <https://www.iom.kz>
5. BÖRITIMES (2025, 22 июля). Новую концепцию миграционной и демографической политики разработают в Казахстане. <https://www.boritimes.kz>
6. Электронное правительство Республики Казахстан (2025). Вопросы по миграционному законодательству. <https://egov.kz>
7. "Северный Казахстан" (2025, 5 августа). О реализации Концепции миграционной политики.
8. ИОМ (2018). Migration Governance Profile: Republic of Kazakhstan. Migration Data Portal. <https://migrationdataportal.org>
9. Historical Review (2023). Major Milestone of Kazakh Independence: Repatriation.
10. Forbes Kazakhstan (2025, 22 июля). Контроль над миграцией и демографией: в Казахстане разрабатывают новую концепцию.
11. Портал "Качественный Казахстан" (2025, 12 марта). Тренды миграции в Казахстане: вызовы и перспективы.
12. Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV «О миграции населения».
13. Служба иммиграционных услуг Казахстана (2025). Миграционное законодательство Республики Казахстан. <https://immigration.kz>
14. Официальный сайт Премьер-Министра РК (2022, 29 ноября). Migration Policy Concept 2023-2027 approved by Kazakhstan Government. <https://primeminister.kz>
15. Eurasian Monitoring (2025). Impacts of Russia's War in Ukraine on Migration in Central Asia.

Информация об авторе:

ДЖУНУСОВ АДІЛЬ МАУЛЕНОВИЧ, доктор политических наук, профессор Института политологии и философии Академии наук Республики Казахстан, советник ректора Казахского национального педагогического университета имени Абая

АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ ЧЕРЕЗ ЦИФРОВЫЕ КОНТУРЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется роль цифровых контуров трудовой миграции в процессе адаптации мигрантов. Цифровой контур рассматривается как комплексная система, включающая цифровые идентификаторы, реестры, межведомственные данные, пользовательские сервисы и аналитические инструменты, которые сопровождают мигранта на всех этапах - от до-миграционного планирования до трудоустройства и социально-культурной интеграции в принимающее общество. Цель статьи - показать, как формирование «цифровых контуров» трудовой миграции может выступать инструментом адаптации мигрантов, расширяя доступ к ключевым услугам. На примерах России, государств-членов ЕАЭС показано, что цифровизация миграционных процессов способствует ускорению легализации, снижению транзакционных издержек, повышению прозрачности трудовых отношений и персонализации мер адаптации. Выявлены ключевые преимущества, риски и перспективы развития цифровых контуров, а также предложены рекомендации для дальнейшего совершенствования данной экосистемы в России и ЕАЭС.

Ключевые слова: цифровой контур, трудовая миграция, адаптация мигрантов, цифровизация, ЕАЭС, электронные сервисы, биометрические данные.

Введение

Современная трудовая миграция является неотъемлемой частью глобальной экономики, однако процесс адаптации мигрантов на новом месте традиционно сопряжен с многочисленными трудностями: языковым барьером, правовой неопределенностью, сложностями с поиском работы и жилья, а также рисками эксплуатации [1].

Для России и государств-членов Евразийского экономического союза (далее - ЕАЭС) трудовая миграция становится одним из немногих инструментов компенсации демографического сжатия и восполнения дефицита рабочей силы в базовых отраслях экономики. На этом фоне возрастает значение не только регулирования въезда и контроля нарушений, но и управления полными миграционными траекториями: от момента выбора страны и работодателя до профессиональной и социокультурной интеграции.

Традиционная модель, основанная на бумажных процедурах, разрыве между ведомствами и доминировании посредников, увеличивает транзакционные издержки для мигрантов и бизнеса, стимулирует теневую занятость и затягивает адаптацию. В ответ формируется «цифровой контур» трудовой миграции - система связанных цифровых сервисов: электронные визы и разрешения, цифровой профиль мигранта, биометрическая идентификация на границе, межведомственные реестры, онлайн-платформы занятости, интегрированные сервисы доступа к образованию, медицине и социальной

поддержке.

Впервые о цифровой миграции более 20 лет назад в своей книге заявили Ц. Макимото и Д. Мэннерс [2]. Их идея состояла в том, что в будущем всё больше людей будут работать, оставаясь «в постоянном движении». На этой основе в научный оборот вошли понятия «цифровой мигрант» и «цифровая миграция», описывающие особенности цифрового поколения; со временем они закрепились в исследовательском поле и получили различные трактовки. Так, С. Марино интерпретирует цифровую миграцию как форму «цифрового единения» [3], Л. Балдассар с соавторы как «виртуальную близость», а Э. Саху и Дж. Круиджфа рассматривают её как разновидность онлайн-транснационализма [4].

Международная организация по миграции в своих регулярных публикациях всё заметнее акцентирует тему цифровой трансформации [5]. Созвучную повестку продвигает и Международная организация труда публикуя отчёты о роли цифровых работников и платформ, раскрывая, как платформенная экономика меняет организацию труда и влияет на компании, занятых и общество в целом [6]. В совокупности эти работы показывают, что цифровые технологии упрощают доступ к информации, соединяют людей и открывают значительные возможности для упрощения, защиты и ускорения миграционных процедур; цифровые инструменты и платформы уже прочно вошли в практику управления трудовой миграцией и в систему услуг для трудящихся-мигрантов.

Основная часть

Архитектура цифрового контура трудовой миграции включает несколько важных элементов:

1. цифровую идентичность мигранта: установка личности, создание учетной записи, разрешение пребывания в стране;
2. реестры и межведомственные базы данных обеспечивающие обмен между миграционными, налоговыми, медицинскими и другими ведомствами;
3. пользовательские сервисы, мобильные приложения, порталы, чат-боты, предоставляющие доступ к государственным услугам;
4. аналитические системы мониторинга и прогнозирования миграционных процессов.

Цифровизация миграции в ЕАЭС развивается как ответ на институциональный запрос общего рынка труда: правовые гарантии свободы перемещения работников, закреплённые в ст. 98 Договора о ЕАЭС, требуют практических процедур найма, легализации и признания социальных прав в трансграничной занятости. Именно цифровые решения - межгосударственная интеграция порталов вакансий, доверенные электронные услуги (электронная подпись, удостоверяющие сервисы), обмен реестровыми данными - позволяют снизить транзакционные издержки, ускорить оформление документов и обеспечить «дорожную карту» мигранта, начиная с поиска вакансии и заканчивая заключением трудового договора с работодателем и доступом к социальным гарантиям.

Правовая и институциональная основа этой трансформации опирается на несколько уровней.

Во-первых, это сам Договор о ЕАЭС, который закрепляет свободу передвижения рабочей силы и набор социальных прав трудящихся и членов их семей и, по сути, является базовой основой для цифровизации услуг занятости и социального обеспечения трудящихся.

Во-вторых, Соглашение о пенсионном обеспечении работников государств ЕАЭС от 20.12.2019 (в силе с 01.01.2021) решает вопросы экспорта пенсий и суммирования стажа, создавая стимулы к легальной мобильности и цифровому учёту пенсионных прав [7].

В-третьих, «Цифровая повестка ЕАЭС–2025» и решения ЕЭК по цифровой трансформации формируют рамку для кросс-граничных платформ, взаимного признания доверенных услуг и внедрения машиночитаемых регламентов, обеспечивая технологическую совместимость участников общего рынка труда [8].

На уровне прикладных решений выделяются несколько ключевых проектов. Единый агрегатор «Работа без границ» задуман как единая платформа, объединяющая вакансии национальных систем стран ЕАЭС и обеспечивающая реальный доступ соискателей и работодателей ко всему массиву предложений на пространстве Союза [9]. Параллельно Фонд цифровых инициатив ЕАБР развивает проект «Работа в ЕАЭС» - приложение и веб-платформу, интегрированную с государственными информационными системами. Технологической конструкцией выступает взаимное признание электронной подписи в трансграничных взаимодействиях, утверждённое ЕЭК в 2023 г., а также запуск в 2025 г. сегментов «доверенной третьей стороны» в интегрированной информационной системе Союза. Политическая направленность на цифровизацию подтверждается дискуссиями на Евразийском экономическом форуме 2025 г., где обсуждались барьеры общего рынка труда и роль цифровых инструментов в их устранении.

Все цифровые решения напрямую поддерживают адаптацию трудовых мигрантов.

Во-первых, межгосударственный поиск и сопоставление вакансий уменьшает информационный вакуум и сокращает «пустые переезды».

Во-вторых, взаимное признание и функционирование электронных сервисов делают возможными дистанционные юридически значимые действия заключение и регистрация трудового договора, подача заявлений и жалоб.

В-третьих, цифровой учёт стажа и пенсионных прав при работе в другой стране ЕАЭС снижает риск потери социальных прав и усиливает стимулы к «белой» занятости.

Несмотря на прогресс, процесс цифровизации сталкивается с рядом системных вызовов, сохраняются неотработанные в должной мере способы и методы развития и взаимодействия цифровых технологий. Например, технологическая фрагментация - неполная интеграция национальных информационных систем вынуждает пользователей обращаться к разным кабинетам и дублировать данные. Выявляется проблема унификации справочников и расширение среди государств-членов ЕАЭС единых

регламентов [10].

Сохраняется проблема нострификации дипломов, электронных аттестаций и квалификаций между странами, отсутствуют общесоюзные механизмы электронной верификации аттестаций.

Административная разнородность: различия в миграционном администрировании (сроки, форматы справок) требуют дальнейшей унификации и внедрения машиночитаемых регламентов. разнородности практик миграционного администрирования (сроки, форматы справок, проверки работодателей), цифровое неравенство, языковые сложности в мобильных интерфейсах и другие барьеры для успешного внедрения цифровых технологий на пространстве ЕАЭС.

Цифровое неравенство: кадровые и языковые барьеры ограничивают доступность цифровых сервисов для части пользователей, что актуализирует необходимость в многоязычных интерфейсах и гибридных (офлайн-онлайн) моделях обслуживания.

В России в ноябре 2024г. запущен курс на создание цифрового профиля иностранного гражданина и биометрическую регистрацию при въезде, а также эксперимент с предварительной цифровой регистрацией въезжающих по безвизовому режиму через мобильное приложение. Целью эксперимента является создание общедоступного информационного ресурса «Цифровой профиль иностранного гражданина» - набора сведений, предоставляемых в общедоступные информационные системы иностранными гражданами, уполномоченными органами и организациями, участвующими в эксперименте, в объеме и порядке, предусмотренных Правилами проведения эксперимента [11].

Цифровой профиль мигранта - это единая электронная система, содержащая личные и биометрические данные лиц. Она позволит иностранцам получать различные услуги на территории страны, а органам власти — контролировать и управлять миграционными процессами.

Профиль мигранта включает следующую информацию об иностранном гражданине:

- персональные данные;
- миграционный статус;
- биометрию;
- историю пересечения границы;
- трудовую деятельность;
- финансовые операции;
- медицинские данные;
- контакты.

Цифровой профиль иностранного гражданина (ЦПИГ) с 30 июня 2025 года начинает формироваться как единая электронная система, содержащая персональные и биометрические данные, миграционный статус, историю трудовой деятельности и другую ключевую информацию. Он призван заменить бумажные носители и стать единым документом для всех юридических операций. Вместо большого количества документов, подтверждающих статус мигранта, начиная от миграционной карты и заканчивая видом на жительство,

иностранный гражданин будет иметь электронную ID карту, в которую будет «защита» вся информация о дате и цели въезда, регистрации, месте работы, биометрических данных, налоговых отчислениях, медицинских показателях и других данных, собираемых разными службами по работе с мигрантами. Важный факт заключается в том, что эти данные будут загружать разные ведомства и воспользоваться смогут также любые государственные структуры, участвующие в реализации миграционной политики.

В России полный отказ от бумажных носителей планируется в 2026 году. Вместо бумажного патента будет электронный, вместо бумажной регистрации — QR-код мигранта, а при приеме на работу — цифровая подпись работодателя.

Воздействие цифрового контура на адаптацию носит многомерный характер. С начала 2021 года в России введена единая электронная виза. Виза действует в течение 60 дней с момента получения, но находиться по ней в России разрешается не более 16 суток [12]. Электронные визы, онлайн-подача документов на патент и разрешение на работу, цифровая регистрация через портал «Госуслуги» или приложение RuID значительно ускоряют легализацию. Снижается информационная асимметрия, минимизируются риски мошенничества и нарушений.

Создание единой цифровой платформы для учёта мигрантов невозможно без нормативно-правового сопровождения. В России приняты законодательные меры по развитию цифровой направленности в сфере миграции. 15 октября 2025г. подписал Указ Президента РФ об утверждении Концепции государственной миграционной политики на 2026–2030 годы (Указ Президента РФ №738) [13]. Документ предусматривает расширение практики использования цифровых технологий в сфере миграции, в том числе для профилирования данных об иностранных гражданах.

Введены изменения в ст. 7 ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан» о биометрической идентификации, которая помогает однозначно связать человека с его профилем, исключив возможность передачи документов другому лицу или оформления на фиктивное имя.

С 1 сентября 2025 года в Москве и Московской области заработал эксперимент по цифровому контролю мигрантов через смартфон. Эксперимент включает регистрацию в специальном мобильном приложении, обязательное дактилоскопирование и биометрическое фото, сбор геолокационных данных, в рамках которого иностранцы обязаны самостоятельно сообщать в МВД России о месте своего фактического нахождения через мобильное приложение «Амина». Мобильное приложение «Амина» - это локатор, который позволяет сотрудникам МВД РФ в онлайн-режиме сверять заявленный мигрантом адрес пребывания с фактическим его местоположением. Приложение направляет в территориальное подразделение МВД уведомления о месте проживания и изменениях адреса.

Через цифровые технологии вводится упрощенная процедура постановки на миграционный учёт, оформления патентов, разрешений на работу, ВНЖ и гражданства. Цифровые технологии помогают осуществлять контроль за миграционными потоками, отслеживать перемещения, сроки пребывания и занятость иностранных граждан, бороться с нелегальной миграцией, выявлять

нарушителей с просроченными визами, фиктивной регистрацией, на незаконной работе.

В контексте стратегического курса России на цифровую трансформацию экономики наблюдается стремительная динамика на рынке труда. Для максимизации положительного эффекта от цифровизации миграции государству целесообразно реализовать комплекс мер, направленных на интеграцию мигрантов. Ключевыми направлениями являются развитие распределенной сети образовательных IT-центров мирового уровня, а также активное привлечение зарубежных специалистов для работы и передачи опыта как в очном, так и в онлайн-формате. Создание благоприятной среды проживания и труда в российских регионах через развитие цифровой инфраструктуры, сервисов и комфортной городской среды.

Закрепление физического присутствия цифровых мигрантов на территории России дает значимый мультипликативный эффект и становится не только вопросом миграционной политики, но и важным элементом стратегии развития человеческого капитала через применение цифровых технологий и прозрачности процедур привлечения мигрантов и удержания высококвалифицированных специалистов.

Заключение

Цифровизация процессов трудовой миграции в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) представляет собой стратегическую инициативу, направленную на создание прозрачной, эффективной и инклюзивной среды для свободного перемещения рабочей силы. Этот процесс приносит комплексные преимущества всем участникам рынка труда, формируя прочную основу для углубления экономической интеграции.

Для миллионов трудовых мигрантов цифровизация открывает принципиально новые возможности. Благодаря внедрению электронных платформ и механизмов удаленной идентификации процедуры легализации становятся значительно проще и быстрее, что ведет к существенному снижению как временных, так и финансовых издержек. Прозрачность трудоустройства, обеспечиваемая доступом к проверенным вакансиям и возможности электронного заключения договоров, усиливает защищенность их трудовых прав. Кроме того, стирание информационных границ через общесоюзные порталы занятости предоставляет им беспрецедентный доступ к актуальным предложениям со всего пространства ЕАЭС, позволяя делать более осознанный и выгодный карьерный выбор.

Работодатели, в свою очередь, получают мощный инструмент для оптимизации кадровых процессов. Цифровизация кардинально упрощает процедуру найма, сводя к минимуму административные барьеры и бюрократическую нагрузку через внедрение уведомительного порядка и электронного документооборота. Это не только высвобождает значительные организационные ресурсы, но и принципиально расширяет их доступ к обширному и разнообразному рынку труда пяти стран, позволяя быстро и эффективно находить квалифицированных специалистов для решения бизнес-задач.

Для государств-членов Союза системная цифровизация миграции становится ключом к решению целого ряда стратегических задач. Легализация трудовых отношений, стимулируемая удобством цифровых каналов, напрямую ведет к росту налоговых поступлений и сборов социальных взносов, пополняя бюджеты. Одновременно снижается уровень нелегальной миграции, поскольку создаются простые и прозрачные легальные альтернативы. На макроуровне агрегированные данные с цифровых платформ предоставляют органам власти бесценный аналитический инструментарий для эффективного управления человеческими ресурсами, позволяя прогнозировать потребности экономик и выстраивать сбалансированную образовательную и миграционную политику. В конечном счете, все это способствует укреплению доверия между странами-участницами и углублению экономической интеграции в рамках ЕАЭС.

Что касается перспектив развития, то вектор дальнейшей цифровизации четко обозначен. В ближайшем будущем усилия будут сосредоточены на полной реализации и масштабировании флагманских проектов, таких как портал «Работа без границ». Дальнейший качественный скачок ожидается за счет внедрения передовых технологий, в частности, распределенных реестров (blockchain), которые обеспечат новый уровень надежности и неизменности миграционных записей. Стратегической целью является создание комплексных «суперсервисов» для мигрантов, которые объединят в едином цифровом окне все этапы — от поиска работы и оформления документов до уплаты налогов и получения социальных услуг. Углубление интеграции с другими цифровыми системами ЕАЭС, такими как финансовые сервисы и логистические платформы, позволит создать целостное цифровое пространство. Наконец, использование больших данных и искусственного интеллекта откроет возможности для перехода к предиктивному управлению — прогнозированию миграционных потоков, точному анализу потребностей экономик в кадрах и заблаговременному выявлению потенциальных рисков.

Таким образом, цифровая трансформация трудовой миграции в ЕАЭС выходит далеко за рамки технической модернизации. Она является краеугольным камнем для построения динамичного, справедливого и truly единого рынка труда, который станет мощным драйвером устойчивого экономического роста и процветания всего евразийского пространства.

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант №АР26103687 «Цифровая миграция: новые горизонты социально-экономического развития и правовая интеграция»).

Список литературы:

1. Зинич Л.В., Плаксина А.В. Особенности и последствия миграционного процесса в России // Актуальные вопросы современной экономики. – 2024. – № 8. – с. 336– 342.
2. Макимото, Цугио и Маннерс, Дэвид. (1997). Цифровой кочевник / Цугио Макимото и Дэвид Маннерс. Нью-Йорк : Wiley <http://www.loc.gov/catdir/toc/wiley022/97020247.html>
3. Волков Ю. Г., Кривоусков В. В., Курбатов В. И. Цифровые мигранты и цифровая диаспора: новые проблемы и тренды международной миграции // Цифровая социология. 2021.

Т. 4. № 4. С. 102–108..

4. Суслов, И. Д. Трансформация подходов к пониманию цифровой миграции / И. Д. Суслов, О. В. Карабанова // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. – 2023. – № 3(37). – С. 8-19. – DOI 10.25688/2312-6647.2023.37.3.01. – EDN OPGEQW.

5. The Power of Digitalization in the Age of Physical Distancing // IOM. URL: https://www.iom.int/sites/default/files/documents/disc_digest_4th_edition_digitalization_and_migrant_inclusion_final.pdf

6. World Employment and Social Outlook. ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-dgreports/-dcomm/-publ/documents/publication/wcms_771749.pdf

7. О вступлении в силу Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся стран ЕАЭС// https://www.enpf.kz/ru/press-center/news/18295/?utm_source=chatgpt.com

8. ЦИФРОВАЯ ПОВЕСТКА Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации//<https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/864/Obzor-VB.pdf>

9. Платформа «Работа без границ»// https://astanahub.com/en/article/poiskovaia-platforma-rabota-bez-granits-po-podboru-otkrytykh-vakansii-i-spetsialistov-v-stranakh-eaes-z?utm_source=chatgpt.com

10. Цифровая повестка ЕАЭС// https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая_повестка_ЕАЭС?utm_source=chatgpt.com

11. Пресс-релиз МИД Российской Федерации https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/1984293/?utm_source=chatgpt.com

12. Постановление Правительства РФ от 7 ноября 2020 года №1793// <http://government.ru/docs/40817/>

13. Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 г. № 738// <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490>

Информация об авторе:

ЛЕДЕНЕВА ВИКТОРИЯ ЮРЬЕВНА, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель отдела этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва Россия

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ В РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

1. По вопросу миграции сегодня во всем мире существуют две разные точки зрения. Одна точка зрения гласит, что, чем больше мигрантов приезжает, тем более динамичным становится развитие государства, цивилизации, культуры. Другая отражает мнение, что мигранты - зло и любыми возможными путями необходимо сохранить собственную национальную идентичность. Во многих странах происходит столкновение приверженцев этих двух точек зрения. Те, кто выступает против миграции, требуют ограничения возможности развития миграционных потоков. Те же, кто выступает за активную миграцию, требуют все большей открытости для своих государств и возможности попадания туда новых мигрантов. Эти противоречия в обществе отражает и государственная политика различных стран.

2. ООН и другие международные организации пытаются решить проблемы миграции. Отметим, что найти компромисс в этом вопросе крайне трудно. В настоящее время в Европейском союзе наблюдается кризис солидарности, который подрывает управление нелегальной миграцией. По географическим и геополитическим причинам миграция не оказывает одинакового влияния на различные государства как в качестве стран назначения, так и в качестве стран транзита. Управление гуманитарным аспектом миграции представляет собой сложную и критическую политическую область, где интересы государств расходятся. Поэтому трудно добиться солидарности в сфере миграции.

3. Казахстан придерживается точки зрения открытости в сфере миграции. Действует политика нормативного регулирования миграционных отношений. Согласно ст. 20 Конституции РК Каждому, кто законно находится на территории Республики Казахстан, принадлежит право свободного передвижения по ее территории и свободного выбора местожительства, кроме случаев, оговоренных законом. Каждый имеет право выезжать за пределы Республики. Граждане Республики имеют право беспрепятственного возвращения в Республику.

Отметим, что в 1992 года в Алматы прошел Первый Всемирный курултай казахов. Главной целью курултая стало культурное воссоединение казахов. Проводится политика активного переселения в Казахстан этнических казахов – кандасов. Переселение кандасов в Казахстан началось с 1990 г. Создана Всемирная Ассоциация казахов.

4. На 1 октября 2025 года, население Казахстана составляет 20 445 231 человек. Большая часть населения проживает в городах, а именно 12 953 785 человек, в то время как в сельской местности проживают 7 472 783 человека.

Общее население: 20 445 231 человек (на 1 октября 2025 г.)

Городское население: 12 953 785 человек

Сельское население: 7 472 783 человека

Плотность населения в Казахстане составляет около 7,5 чел./км², что является одним из самых низких показателей в мире. Самая высокая плотность наблюдается

в Алматы (около 3131 чел./км²), а самая низкая – в Улытауской области (1,25 чел./км²).

- Общая плотность:

Приблизительно 7,5 человек на квадратный километр.

- Наибольшая плотность:

В Алматы, городе республиканского значения.

- Наименьшая плотность:

В Улытауской области.

- Причины низкой плотности:

Обширная территория страны и большие площади степей и пустынь, которые мало пригодны для постоянного проживания.

Для сравнения:

Россия - 8,56;

Монголия – 2;

Австралия – 3,4

Канада – 3,9.

Кыргызия – 32;

Иран – 47;

Узбекистан - 76;

Украина – 75,

Белоруссия – 46,

Афганистан – 45,

США – 32;

Китай – 139;

Франция -118;

Сингапур – 8 569, 6;

Япония – 336

Великобритания – 255

Германии – 230

Пакистан – 229

Индия – 357

Турция – 100

5. Концепция миграционной политики Республики Казахстан утверждена Постановлением Правительства 5 сентября 2000 Г. Цель миграционной политики - управление миграционными процессами, обеспечение устойчивого демографического развития, укрепление государственной безопасности страны и создание условий для реализации прав мигрантов. Новая миграционная политика предусматривает решение 4 задач: привлечение востребованных кадров; привлечение инвестиций; использование потенциала этнических казахов, проживающих за рубежом; защита трудовых прав казахстанцев, работающих за рубежом. В настоящее время действует Закон «О миграции населения», Закон «О беженцах», Закон «О правовом положении иностранцев». Также действуют Правила въезда и пребывания иммигрантов в Республике Казахстан, а также их выезда из Республики Казахстан. Также Правила осуществления миграционного контроля, а также учета иностранцев и лиц без гражданства, незаконно

пересекающих Государственную границу Республики Казахстан, незаконно пребывающих на территории Республики Казахстан, а также лиц, которым запрещен въезд на территорию Республики Казахстан.

6. Прибывающее население согласно законодательству можно разделить на следующие категории:

Кандасы – этнические казахи, прибывающие из за рубежа с 1990 г.

Беженцы - люди, которым пришлось покинуть родную страну, обоснованно опасаясь за свою жизнь или свободу, при этом они не могут пользоваться защитой своего государства.

Мигранты – лица, меняющие место жительства в силу разных причин, делятся на внутренние и внешние,

Эмигранты – граждане РК, выезжающие за рубеж на постоянное место жительства, то есть покидающие страну

Иммигранты – иностранцы или лица без гражданства, прибывшие в Республику Казахстан для временного или постоянного проживания;

Переселенцы - внутренние мигранты

7. Причины внешних миграций - улучшение уровня жизни, политические столкновения, войны, стихийные бедствия.

Внутренние процессы - поиск работы, смена образа жизни, жилищных условий.

Минусы трудовой миграции

межнациональные конфликты;

рост преступности;

проблема непрофессионализма мигрантов, особенно работающих в транспортной отрасли;

распространение радикального ислама среди мигрантов.

8. В зависимости от цели въезда на территорию Республики Казахстан и пребывания на территории Республики Казахстан различают следующие основные виды иммиграции:

с целью возвращения на историческую родину;

с целью воссоединения семьи;

с целью получения образования;

с целью осуществления трудовой деятельности;

по гуманитарным и политическим мотивам.

9. В Казахстане осуществляется государственная политика переселения населения из густонаселенного юга на север страны. Наблюдается рост миграции в мегаполисы. В Республике Казахстан три города республиканского значения – Астана, Алматы, Шымкент. Также 19 областей.

Прирост численности населения в городах Астана, Алматы и Шымкент опережает остальные регионы. В городах живут 11 млн 460,5 тыс. казахстанцев, что составляет 59,6% населения. В сельской местности обосновались 7 млн 762,1 тыс. человек (40,4%).

Благодаря естественному и миграционному приросту в Мангистауской области, численность населения с 2019 года по сентябрь 2022 года выросла на 12,0 %, в Атырауской – на 8,6 %, в Жамбылской области – на 7,9 %, в Алматинской

области – на 7,6 %, в Актюбинской – на 6,3 %.

Центральные, северные и восточные регионы страны в силу низкого естественного демографического прироста, не обеспечивающего восполнение численности населения и покрытия миграционного оттока, понесли потери численности населения.

Наиболее значительные в Костанайской области (-4,6 %), в Северо-Казахстанской области (- 3,5 %) и Восточно-Казахстанской области (- 2,7 %).

10. Всего с 1991 года в Республику вернулись 1 млн 101,2 тыс. этнических казахов. На сегодняшний день наиболее актуальны следующие проблемы для кандасов:

жилищные проблемы и проблемы обустройства,
проблемы трудоустройства, языковой барьер – незнание русского языка.
высокая доля безработных -52%.
нет возможности получить кредиты в банковских учреждениях.

По экспертным оценкам, вернулось в страны выезда не менее 1/3 прибывших.

11. По подсчетам МВД Республики Казахстан, с начала 2022 года в страну въехали 1,66 млн россиян, выехали — 1,64 млн.

С 21 сентября 2022 года с начала объявления мобилизации из России в Казахстан въехало более 200 тысяч россиян, а выехало из страны 147 тысяч. Ежедневный приток составлял более 20 тыс. человек.

Россияне могут находиться в Казахстане без виз или вида на жительство не более трех месяцев. Чтобы оформить вид на жительство, необходимо согласие государства, из которого выезжает человек, — без него в виде на жительство будет отказано.

Всего за девять месяцев 2022 года в Казахстан на постоянное место жительство переехали 9279 иностранцев. Это почти на 90% больше, чем в январе — сентябре 2021 года.

12. Существуют угрозы со стороны образовательной миграции – выезд из страны креативной умной молодежи, выезд высококвалифицированных специалистов или кадров в разные страны. К примеру, граждане РК массово выезжают в Южную Корею, Турцию;

Иностранцы могут занять рабочие места в Казахстане. Тем самым возможны социальные конфликты в условиях нехватки рабочих мест для национальных кадров. К примеру в Казахстан прибыло большое количество молодых специалистов из России, особенно в сфере IT-технологий, здравоохранения, нефтегазового сектора и др.

Рост незаконной миграции, вовлечение трудовых незаконных мигрантов в преступные группировки, нарушение прав незаконных мигрантов, появление «трудового рабства»;

Возрастает количество мигрантов, которые могут попасть в деструктивные течения. В Казахстане, по судебному решению, запрещена деятельность 23 организаций, признанных террористическими или экстремистскими;

Рост количества мигрантов возле крупных городов. Это создает определенную угрозу конфликтов между местными жителями и мигрантами.

13. Новое в законодательстве РК относительно мигрантов.

Граждане стран, с которыми у Казахстана имеются соответствующие миграционные соглашения, могут въехать, выехать, следовать транзитом, передвигаться и временно пребывать в нашей стране по внутренним документам.

Однако для получения иностранцем разрешения на постоянное проживание в Республике Казахстан необходим заграничный паспорт.

Иностранцам необходимо предоставлять свой заграничный паспорт, срок действия которого будет составлять не менее 180 календарных дней на день подачи заявления на постоянное проживание.

Для получения разрешения на временное проживание также необходимо личное присутствие собственника жилья, лица, действующего от него по доверенности, либо нотариально заверенное согласие собственника. Согласно изменениям, адрес, указываемый при оформлении разрешения должен иметь Регистрационный код адреса.

Эти меры приняты с целью исключения возможности регистрации иностранцев на несуществующие адреса, а также на адреса, не имеющих отношения к заявителю.

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP26103687 «Цифровая миграция: новые горизонты социально-экономического развития и правовая интеграция»).

Информация об авторах:

ИБРАЕВА АЛУА САЛАМАТОВНА, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

ТУРСЫНКУЛОВА ДИНАРА АХАНОВНА, кандидат юридических наук, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Аннотация. Трудовая миграция остаётся важным фактором социально-экономического развития и демографического баланса стран Центральной Азии. В статье рассматривается роль легальной трудовой миграции граждан Республики Узбекистан в обеспечении занятости населения, формировании валютных поступлений и повышении человеческого капитала. На основе статистических данных, официальных отчётов и международного опыта анализируется современное состояние миграционных потоков, выявляются ключевые тенденции и проблемы, включая нелегальную занятость, правовую незащищённость и ограниченный доступ к высокооплачиваемым видам труда. Особое внимание уделено цифровизации миграционной политики, развитию электронных платформ трудоустройства и цифровых систем мониторинга миграционных процессов. В заключении представлены рекомендации по совершенствованию миграционной политики с учётом цифровой трансформации, международного сотрудничества и социальной реинтеграции мигрантов. В перспективе особое значение приобретает развитие образовательных программ и профессиональной подготовки трудовых мигрантов, направленных на повышение их конкурентоспособности, адаптацию к требованиям зарубежных рынков труда и устойчивое социально-экономическое развитие страны.

Исследование было поддержано проектом «Незападные миграционные режимы в глобальной перспективе», финансируемым Европейской комиссией (МАРС, номер проекта 101130177).

Ключевые слова: трудовая миграция, цифровизация, демографический дивиденд, социально-экономическое развитие, электронное правительство, миграционная политика, Республика Узбекистан.

Введение

Трудовая миграция и демографическая мобильность представляют собой важнейшие механизмы адаптации национальных экономик к глобальным изменениям на рынке труда. Республика Узбекистан, характеризующаяся устойчивым ростом трудоспособного населения, рассматривает легальную трудовую миграцию как инструмент реализации демографического потенциала и снижения внутренней безработицы (Госкомстат, 2025).

В последние годы правительство Узбекистана уделяет особое внимание цифровизации процессов миграционного регулирования — от электронных баз данных трудовых мигрантов до интеграции онлайн-платформ трудоустройства и цифровых сервисов консульской поддержки. Эти меры направлены на повышение прозрачности миграционных потоков, сокращение нелегальной занятости и обеспечение безопасности граждан за рубежом (МОМ, 2024).

Цифровизация миграционных процессов всё чаще рассматривается в международно-правовом контексте, включая реализацию принципов Глобального договора о безопасной, упорядоченной и регулярной миграции (ООН, 2018) и Конвенций МОТ №97 и №143, закрепляющих права трудящихся-мигрантов (МОТ № 97, 143).

Цель исследования — определить вклад легальной и цифрово поддерживаемой трудовой миграции в социально-экономическое развитие Республики Узбекистан и оценить эффективность механизмов государственного регулирования и цифровых инноваций в данной сфере.

Методология

Исследование базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем экономический, демографический и правовой анализ.

Использованы:

- официальные статистические данные Государственного комитета по статистике и Центрального банка Республики Узбекистан;
- отчёты Международной организации по миграции (МОМ) и Всемирного банка;
- сравнительный анализ практик цифрового управления миграцией в странах Азии и СНГ;
- контент-анализ национальных стратегий «Цифровой Узбекистан–2030» и программ по внешней занятости.

Методы:

- количественный анализ динамики миграции и денежных переводов;
- структурный анализ отраслей занятости мигрантов;
- качественный анализ цифровых инструментов управления миграцией.

Результаты

Таблица 1. Основные страны назначения трудовых мигрантов из Узбекистана (2024–2025 гг.)

Страна	Начало 2024 г.	Начало 2025 г.
Россия	1,2 млн (60%)	698 тыс.
Казахстан	191,8 тыс. (10%)	322,7 тыс.
Турция	119,8 тыс. (6%)	88,7 тыс.
Республика Корея	68,1 тыс. (3%)	—
Прочие	424,4 тыс. (21%)	—

Источник: МОМ, 2024.

Таблица 2. Организованное трудоустройство граждан Узбекистана (2023–2024 гг.)

Страна	2023 г.	2024 г.
Россия	29 249	123 681
Южная Корея	4 882	10 120
Казахстан	1 326	10 695
Великобритания	1 929	4 886
Германия	477	1 051

Страна	2023 г.	2024 г.
Турция	227	2 731
Прочие страны	–	4 348

Источник: Агентство по внешней трудовой миграции, 2025.

Таблица 3. Распределение мигрантов по секторам занятости (2024 г.)

Сектор	Доля, %
Строительство	52,7
Промышленность	12,8
Сфера услуг	9,7
Общественное питание	6,9
Торговля	6,7
Транспорт	4,3
Сельское хозяйство	4,1

Источник: Министерство занятости и сокращения бедности, 2024.

Цифровые тенденции в сфере трудовой миграции

С 2022 года в Узбекистане внедряется Национальная электронная платформа трудовой миграции, объединяющая данные о мигрантах, вакансиях за рубежом и лицензированных агентствах занятости.

- Более 160 тыс. граждан прошли через систему онлайн-регистрации в 2024 г.;
- Созданы мобильные приложения для мигрантов с доступом к правовым консультациям и переводам документов;
- Разработаны цифровые модули для обучения языкам и основам трудового права (на базе Центра “Ishga Marhamat”).

Эти инструменты повышают уровень прозрачности, снижают риски обмана со стороны посредников и упрощают процесс репатриации мигрантов.

Международно-правовые аспекты регулирования трудовой миграции и цифрового управления миграционными процессами

Международно-правовое регулирование трудовой миграции является одним из ключевых инструментов защиты прав мигрантов и обеспечения устойчивого развития стран происхождения и назначения. Республика Узбекистан активно интегрирует международные нормы и стандарты в национальное законодательство, что способствует гармонизации внутренней правовой базы с глобальными и региональными инициативами.

Базовые международные документы

К числу основополагающих международных актов, регулирующих вопросы трудовой миграции, относятся:

- Конвенция МОТ №97 «О трудящихся-мигрантах (пересмотренная)» (1949 г.), закрепляющая принципы равного обращения в сфере занятости, оплаты труда и социального обеспечения между гражданами принимающей страны и трудящимися-мигрантами.
- Конвенция МОТ №143 (1975 г.) «О злоупотреблениях в области миграции и обеспечении равенства возможностей и обращения для трудящихся-мигрантов»,

предусматривающая борьбу с нелегальной миграцией и эксплуатацией.

- Международная конвенция ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990 г.), ратифицированная Узбекистаном в 1997 году, устанавливающая универсальные стандарты правовой защиты мигрантов, включая право на справедливое судебное разбирательство, консульскую защиту и пересылку заработанных средств.

Кроме того, положения Глобального договора о безопасной, упорядоченной и регулярной миграции (ООН, 2018) служат руководством для формирования современной миграционной политики, основанной на принципах цифровой прозрачности, межведомственной координации и международного обмена данными.

Региональные механизмы и двусторонние соглашения

В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Содружества Независимых Государств (СНГ) осуществляется постепенная унификация правового регулирования трудовой миграции. В частности, двусторонние соглашения Узбекистана с Российской Федерацией, Казахстаном, Южной Кореей, Турцией и странами ЕС определяют правовой статус трудовых мигрантов, их доступ к социальному страхованию и порядок признания квалификаций.

Особое значение имеет Соглашение о трудовой деятельности и защите прав трудящихся-мигрантов (СНГ, 2008), предусматривающее взаимное признание трудового стажа и социального страхования.

Международно-правовые аспекты цифровизации миграции

Современный этап развития миграционной политики характеризуется активным внедрением цифровых инструментов управления миграционными потоками. В международно-правовом контексте это требует соблюдения норм в сфере:

- защиты персональных данных (в соответствии с Конвенцией Совета Европы №108+);
- кибербезопасности и защиты информационных систем, включая стандарты ISO/IEC 27001 и рекомендации ООН по цифровому управлению миграцией;
- электронного взаимодействия между государствами — на основе Меморандумов МОТ, МОМ и ШОС о создании общих цифровых платформ мониторинга миграционных процессов.

Республика Узбекистан принимает участие в этих инициативах, продвигая концепцию «цифрового коридора миграции» — интегрированной системы обмена данными между государственными органами стран происхождения и назначения мигрантов, обеспечивающей легальность, прозрачность и безопасность миграционных процессов.

Обсуждение

Рост организованной трудовой миграции и активная цифровизация государственных сервисов подтверждают эффективность новой модели управления миграционными потоками. Цифровые инструменты позволяют не только повысить прозрачность трудоустройства, но и интегрировать сбор данных для анализа тенденций, прогнозирования потребностей рынка труда и мониторинга соблюдения прав мигрантов.

Однако, несмотря на прогресс, сохраняются проблемы:

1. Недостаточная координация между ведомствами, ограничивающая обмен данными между цифровыми системами (МОМ, 2024).
2. Низкий уровень цифровой грамотности среди сельского населения, что снижает доступ к онлайн-сервисам.
3. Отсутствие единой цифровой платформы на уровне СНГ, что затрудняет взаимное признание квалификаций и контрактов.

Заключение

Легальная трудовая миграция, усиленная цифровыми технологиями, становится ключевым инструментом социально-экономического развития Узбекистана. Цифровизация процессов миграционного управления обеспечивает прозрачность, сокращает нелегальные потоки и способствует защите прав мигрантов.

В будущем успех миграционной политики будет зависеть от интеграции цифровых сервисов, международного сотрудничества и комплексной правовой базы, обеспечивающей баланс между экономическими интересами государства и правами граждан.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать следующие предложения рекомендационного характера:

1. Разработка единой цифровой экосистемы миграционного управления, включающей онлайн-регистрацию, визовые сервисы и контроль за деятельностью агентств занятости.
2. Создание интегрированной межведомственной базы данных мигрантов и работодателей.
3. Введение системы электронных сертификатов квалификаций, признанных в странах СНГ и ЕАЭС.
4. Расширение онлайн-обучения и тестирования мигрантов перед выездом (на языки, профессиональные стандарты, правовую грамотность).
5. Развитие мобильных приложений для обратной связи и правовой поддержки мигрантов за рубежом.
6. Международная цифровая кооперация — участие в проектах МОТ, МОМ и ШОС по созданию общих цифровых платформ трудовой мобильности.

Проведённый анализ подтверждает, что международно-правовые стандарты и цифровизация миграционной политики выступают взаимодополняющими механизмами формирования справедливого, безопасного и прозрачного миграционного пространства на евразийском уровне. Эффективное внедрение международных норм и цифровых инноваций позволит странам региона гармонизировать миграционное управление и укрепить социальную защищённость трудящихся-мигрантов.

Список источников

1. Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration. United Nations, 2018.
2. ILO Convention No.97 (1949) and Convention No.143 (1975).
3. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. (2025). Демографический ежегодник Узбекистана за 2024 год. Ташкент.
4. Международная организация по миграции (МОМ). (2024). Migration Trends in Central

Asia: Uzbekistan Country Report. Женева.

5. Всемирный банк. (2024). Listening to Citizens of Uzbekistan Project Report. Вашингтон, D.C.

6. Центральный банк Республики Узбекистан. (2024). Объем денежных переводов физических лиц: статистический бюллетень. Ташкент.

7. International Labour Organization (ILO). (2022). Digital Governance of Labour Migration: Global Practices. Geneva: ILO.

8. Министерство занятости и сокращения бедности Республики Узбекистан. (2024). Отчёт о состоянии трудовой миграции. Ташкент.

9. UN General Assembly. (1990). International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families.

10. Asian Development Bank. (2023). Labour Migration and Remittances in Central Asia. Manila.

11. Кабинет Министров Республики Узбекистан. (2020). Национальная стратегия «Цифровой Узбекистан–2030». Ташкент.

12. Центр содействия решению трудовых споров. (2023). Годовой отчёт о защите прав мигрантов. Ташкент.

Информация об авторе:

РАХИМОВА МУАТТАРА АБДУСАТТАРОВНА, доктор наук юридических наук, профессор, Ташкентский государственный юридический университет, Республика Узбекистан

ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РАМКАХ ЦИФРОВОЙ МИГРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу вызовов, связанных с обеспечением безопасности персональных данных в условиях активного перехода к цифровым технологиям. В работе рассматриваются риски утечки, несанкционированного доступа и использования персональных данных, возникающие при цифровизации различных сфер деятельности. Особое внимание уделяется проблемам, обусловленным трансграничной передачей данных, использованием облачных сервисов и развитием больших данных. Автором исследуются существующие правовые рамки, регулирующие обработку персональных данных, и предлагаются рекомендации по их совершенствованию с целью повышения эффективности защиты прав субъектов персональных данных в эпоху цифровой трансформации. В статье также подчеркивается необходимость повышения осведомленности о рисках и мерах безопасности как со стороны операторов, обрабатывающих данные, так и со стороны граждан.

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант №АР26103687 «Цифровая миграция: новые горизонты социально-экономического развития и правовая интеграция»).

Ключевые слова: Персональные данные, Цифровая миграция, Защита данных, Информационная безопасность, Конфиденциальность

Введение

В условиях стремительной цифровизации и глобальной миграции информация становится одним из самых ценных активов. Казахстан, как страна, активно переходящая на цифровые технологии, сталкивается с новыми вызовами в области защиты персональных данных и кибербезопасности. Проблема утечек информации, несанкционированного доступа и коммерциализации государственных баз данных становится всё более острой [1]. Наряду с этим, цифровая миграция открывает новые горизонты для инноваций, но одновременно требует надежного механизма защиты личных данных граждан. Данная статья направлена на комплексный анализ деятельности Министерства искусственного интеллекта Республики Казахстан в свете обеспечения информационной безопасности, рассмотрения изменений в законодательстве и оценки эффективности принятых мер в условиях цифровой миграции.

Особое внимание уделяется сравнению национальных норм с международными стандартами, в частности, с положениями Регламента ЕС (GDPR). Работа опирается на широкий спектр источников, включая законодательные акты, постановления правительства, материалы СМИ и научные публикации. Целью данного исследования является выявление основных тенденций и проблем в сфере защиты персональных данных в Казахстане, а также предложения по совершенствованию системы контроля и мониторинга в условиях цифровой

трансформации.

Методы исследования

В рамках исследования использовался комплексный подход, сочетающий следующие методы:

Анализ нормативно-правовых актов: изучались ключевые законодательные документы, такие как Закон Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года и внесённые в него изменения, а также Постановление Правительства РК от 9 октября 2025 года об утверждении Положения о Министерстве искусственного интеллекта и цифрового развития [2]. Особое внимание уделялось анализу соответствия национального законодательства требованиям GDPR [3].

Контент-анализ публикаций в СМИ: для выявления актуальных проблем и практических примеров утечек персональных данных были проанализированы материалы СМИ, в том числе публикации о киберпреступности и борьбе с мошенничеством в Казахстане [4]. Отчёты органов внутренних дел и финансовых учреждений также использовались для оценки эффективности мер по обеспечению кибербезопасности.

Сравнительный анализ международного опыта и национальной практики: проведено сопоставление международных стандартов защиты данных (GDPR) с реальной практикой в Казахстане на примере изменений в законодательстве и внедрения современных технологий контроля за информационными потоками [5].

Применение данных методов позволяет дать комплексную оценку текущего состояния защиты персональных данных в контексте цифровой миграции, выявить существующие разрывы в законодательстве и предложить пути совершенствования системы.

Законодательное регулирование защиты персональных данных

Законодательство Казахстана в области защиты персональных данных претерпевает значительные изменения, связанные с цифровизацией государственных услуг и увеличением объема обрабатываемой информации. Основопологающим документом остаётся Закон Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года [6]. Однако с 2024 года в законодательную систему внесены дополнительные изменения, направленные на ужесточение контроля за обработкой данных, введение понятия «нарушение безопасности персональных данных» и возможность проведения внеплановых проверок субъектов предпринимательства [7].

Также важен переход на цифровые форматы обмена данными, что подтверждается положениями нового Цифрового кодекса, обсуждаемого в парламенте [8]. Эти изменения отражают мнение депутатов, подчеркивавших необходимость создания единой базы биометрических данных с обеспечением высоких стандартов информационной безопасности. В законодательной базе прослеживается тенденция к адаптации положений ЕС (GDPR) к национальным условиям, что является важным шагом в гармонизации стандартов защиты персональных данных на международном уровне.

Для наглядного сравнения приведем таблицу, иллюстрирующую основные

различия между GDPR и законодательством Казахстана:

Параметр	GDPR	Закон «О персональных данных и их защите»
Принципы обработки данных	Законность, справедливость, прозрачность	Законность, соблюдение прав и свобод граждан
	ограничение целей; минимизация данных; точность	конфиденциальность персональных данных
	ограничение хранения, целостность и конфиденциальность	гарантии безопасности данных
Согласие субъектов данных	Должно быть свободным, осознанным и недвусмысленным	Требование однозначного согласия, без ясного указания
Передача данных за пределы ЕС	Требуется соблюдение требования адекватности	Необходимо обеспечение адекватной защиты данных
Ответственность контролёра	Высокие штрафы до 20 млн евро или 4% оборота	Фискальные меры до 2000 MCI (примерно 15000 евро)

Таблица 1. Сравнительный анализ принципов защиты персональных данных в ЕС (GDPR) и законодательстве Казахстана

Деятельность Министерства искусственного интеллекта и цифрового развития

В свете цифровой трансформации организации государственного управления Казахстана была произведена реорганизация ведомств с целью усиления контроля за информационной безопасностью. Министерство искусственного интеллекта и цифрового развития выступает центральным органом, координирующим не только вопросы развития цифровых технологий, но и защиты персональных данных, включая хранение биометрической информации.

Особенности деятельности Министерства включают следующие направления:

✓ Межотраслевое взаимодействие: министерство объединяет несколько комитетов, в том числе по информационной безопасности, телекоммуникациям и государственным услугам, что способствует комплексной политике контроля за персональными данными.

✓ Разработка нормативных актов: в функции министерства входит формирование новых стандартов и требований, обязательных для цифровизации процессов в государственных и коммерческих организациях.

✓ Контроль за проведением биометрии: министерство принимает меры по созданию единой базы данных биометрии, обеспечивая при этом защиту конфиденциальной информации, что является крайне актуальным в условиях постоянного увеличения числа мошеннических инцидентов.

✓ Интеграция международного опыта: при разработке новых указаний учитываются лучшие международные практики, в том числе положения GDPR, что позволяет обеспечить высокое качество защиты персональных данных.

Инциденты утечек данных и меры по борьбе с киберпреступностью

Практика показывает, что угроза утечек персональных данных остается одной из наиболее актуальных проблем в Казахстане. Частые случаи мошенничества,

когда гражданам поступают звонки и сообщения кибермошенников с требованием передать личные данные, негативно сказываются на доверии населения к цифровым услугам. Например, информация о базе данных 16 миллионов граждан, обнаруженная в социальных сетях, вызвала широкую общественную реакцию и стала предметом расследований.

Одновременно с этим на государственном уровне принимаются меры по борьбе с киберпреступностью. С 1 ноября 2025 года ужесточены требования к информационной безопасности финансовых организаций: внесены ограничения на проведение денежных переводов во время телефонного разговора, внедрены автоматические блокировки операций при активности микрофона на устройстве клиента и усилен контроль за дистанционным управлением устройством. Создание антифрод-центра позволяет оперативно реагировать на инциденты, блокируя подозрительные операции и предотвращая масштабные утечки средств.

Кроме того, систематически проводится оценка уязвимостей информационных систем, их модернизация и внедрение резервного копирования данных, что сокращает риски кибератак и вымогательских программ. Важно отметить, что кибермошенники активно используют искусственный интеллект для воспроизведения голосов, создания поддельных биометрических записей и подделки цифровой подписи, что требует постоянного совершенствования мер защиты.

Обсуждение

На основе анализа нормативно-правовых актов и практических случаев можно сделать вывод, что казахстанская модель защиты персональных данных находится на этапе активной трансформации. Основные выводы и проблемы, выявленные в ходе исследования, следующие:

1. Гармонизация с международными стандартами: Казахстан делает значительные шаги для адаптации законодательства к требованиям GDPR. Это проявляется в уточнении принципов обработки данных, требованиях к получению согласия субъектов и ограничении трансграничной передачи информации. Однако адаптация системы требует дальнейших улучшений, особенно в части обеспечения прозрачности и контроля за обработкой данных.

2. Усиление роли государственных органов: создание Министерства искусственного интеллекта и цифрового развития позволило централизовать управление данными и усилить контроль за их обработкой. Межотраслевое взаимодействие различных комитетов дает возможность более оперативно реагировать на инциденты, однако проблема асимметричного доступа к данным между государством и гражданином остается актуальной.

3. Технологические и организационные вызовы: быстрое развитие цифровых технологий требует постоянного обновления систем безопасности, внедрения современных механизмов аутентификации и контроля доступа. Практика показывает, что недостаточное тестирование цифровых приложений и отсутствие двойной защиты могут приводить к утечкам персональных данных в коммерческих структурах.

4. Киберугрозы и борьба с мошенничеством: усиливающаяся активность кибермошенников, использование ИИ в мошеннических схемах создает

необходимость в разработке инновационных решений и строгой кибергигиены. Важной является также просветительская работа с гражданами, направленная на повышение критического мышления и осторожности при предоставлении личной информации.

Ниже представлена таблица, иллюстрирующая сравнительный анализ ключевых вызовов и мер, применяемых в Казахстане для защиты персональных данных в условиях цифровой миграции:

Проблема	Вызовы	Меры по борьбе с угрозой
Угроза утечек данных	Массовые утечки, атаки киберпреступников	Усиление контроля, автоматические блокировки
Несанкционированный доступ	Фишинг, смишинг, использование ИИ для обмана	Биометрическая аутентификация, обновление ПО
Асимметричный доступ к данным	Государство имеет микро-данные, граждане остаются вне системы	Разработка единой базы, прозрачная политика
Организационные проблемы	Недостаточное тестирование и согласование систем	Согласование ИБ и IT-департаментов, аудит систем

Таблица 2. Анализ угроз и мер информационной безопасности в Казахстане

Также следует отметить, что международный опыт, представленный такими источниками, как Migration Data Portal, предоставляет модели эффективного управления миграционными данными с учетом защиты личной информации [9]. Эта практика может стать основой для дальнейшей модернизации национальной системы защиты данных.

Для улучшения ситуации предлагаются следующие рекомендации:

- Усиление контроля за обработкой биометрических данных с внедрением независимого аудита.
- Проведение регулярных образовательных кампаний для граждан и сотрудников компаний.
- Интеграция передовых международных технологий для мониторинга и быстрой реакции на киберинциденты.
- Создание централизованной платформы для обмена информацией о киберинцидентах между государственными органами и частным сектором.

Заключение

Основные выводы можно подытожить следующим образом:

1) С усилением цифровизации и миграционных процессов угрозы утечки персональных данных становятся все более насущными. Законодательство Казахстана активно адаптируется для обеспечения высокого уровня защиты информации, однако существуют существенные разрывы между теоретическими нормами и практической реализацией.

2) Создание Министерства искусственного интеллекта и цифрового развития способствовало централизации управления данными и позволило внедрять новые технологии контроля, однако вопросы прозрачности и асимметрии доступа требуют дальнейшего внимания.

3) Меры по борьбе с киберпреступностью, в том числе внедрение

автоматических блокировок транзакций и усиление биометрической аутентификации, демонстрируют положительную динамику, однако остаются области для совершенствования.

4) Сравнительный анализ с GDPR показывает, что Казахстан находится на пути адаптации лучших международных практик, что открывает перспективы для дальнейшей гармонизации законодательства.

Основные рекомендации включают усиление независимого аудита систем безопасности, повышение уровня осведомленности граждан и регулярное обновление технологической базы для обеспечения защиты данных.

Список литературы

1. Абжекенова Н. Из цифровой трансформации - в цифровой тоталитаризм. - <https://www.taj.report/cybersecurity>
2. Положение о Министерстве искусственного интеллекта и цифрового развития Республики Казахстан. - <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500000846#z100>
3. Martysheva A. On Aligning Kazakhstan's Data Protection Legislation with GDPR to Enhance Digital Trade. - Harvard Undergraduate Law Review. - <https://hulr.org/spring-2024/on-aligning-kazakhstans-data-protection-legislation-with-gdpr-to-enhance-digital-trade>
4. Seitova A. Kazakhstan adopts real protections of personal data. - <https://www.dentons.com/en/insights/articles/2022/april/13/kazakhstan-adopts-real-protections-of-personal-data>
5. Khamidullina Ye. Kazakhstan – The impact of the GDPR outside the EU. - <https://iuslaboris.com/insights/kazakhstan-the-impact-of-the-gdpr-outside-the-eu/>
6. Закон Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года №94-V. - <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094/z13094.htm>
7. Ахметова С. Защита персональных данных. Государственный контроль и другие изменения. - <https://gratanet.com/ru/publications/persona-data-protection-state-oversight-and-legislative-updates>
8. Аскарлов А. Цифровой кодекс: депутаты требуют защитить биометрию казахстанцев. - <https://kapital.kz/tehnology/142301/cifrovoj-kodeks-deputaty-trebuyut-zashitit-biometriyu-kazahstancev.html>
9. Handbook on data protection in humanitarian action. - Migration and data protection. - <https://www.migrationdataportal.org/themes/migration-and-data-protection>

Информация об авторах:

ЖӘЛІЛХАНОВА БҰРЫСТЫ ШОҚАНҚЫЗЫ, Начальник отдела защиты персональных данных Комитета информационной безопасности Министерства искусственного интеллекта и цифрового развития Республики Казахстан, Астана

ДЖУМАБЕКОВ ОЛЖАС ТАЛГАТУЛЫ, руководитель центра IT сопровождения Q University.

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБЫ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСТВА И РЕГИСТРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН МВД РФ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей деятельности Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации (Миграционной службы МВД России) в контексте цифровизации миграционных процессов. Деятельность Миграционной службы МВД России направлена на обеспечение законности и правопорядка в сфере миграции, защиту прав и законных интересов иностранных граждан и лиц без гражданства, а также на противодействие незаконной миграции. От того, насколько эффективно Миграционная служба МВД России осуществляет свою деятельность зависит эффективность реализации государственной миграционной политики. Особую важность при этом приобретают процессы цифровизации деятельности Миграционной службы МВД России.

Ключевые слова: миграционные процессы, органы внутренних дел, миграционная политика, цифровизация.

Проблема обеспечения соблюдения правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации приобретает особо важное значение в условиях расширения процессов глобализации, увеличения и усложнения миграционных потоков и, как следствие, в условиях необходимости обеспечения национальной безопасности. Миграционный режим как любой другой административно-правовой режим, должен обеспечиваться государством в лице уполномоченных органов государственной власти [1].

В современных условиях в Российской Федерации именно органы внутренних дел стали играть главенствующую роль в реализации государственной миграционной политики и в осуществлении надзора за исполнением законодательства, регулирующего пребывание иностранных граждан и апатридов [2].

В настоящее время преобладающее значение в обеспечении миграционного режима принадлежит Службе по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации (Миграционной службе МВД России), образованной 2 апреля 2025 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 апреля 2025 г. № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» на базе Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации [3].

Указанная Служба действует на основании Положения, утвержденного приказом МВД России от 10 июня 2025 г. № 360 [4], что вполне закономерно, т.к. регулирование миграционных процессов является составной частью регулирования отношений в сфере внутренних дел [5, с. 52]. Таким образом, именно на Миграционную службу МВД РФ возложена основная нагрузка по поддержанию

правопорядка в миграционной сфере.

Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД РФ является самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата МВД РФ, обеспечивающим и осуществляющим в пределах своей компетенции функции Министерства по выработке и реализации государственной политики, а также нормативно-правовому регулированию в сфере миграции. Миграционная служба МВД России выполняет функции головного подразделения в системе Министерства в сфере миграции.

Одной из основных задач Миграционной службы МВД России является обеспечение реализации законодательства Российской Федерации в сфере миграции при осуществлении функций в сфере паспортной и регистрационной деятельности; разрешительновизовой работы; цифрового развития и информационных технологий; внешней трудовой миграции; гражданства Российской Федерации; работы с беженцами, соотечественниками и вынужденными переселенцами.

Одной из приоритетных задач Миграционной службы МВД России является противодействие нелегальной миграции. Служба ведет активную работу по выявлению и пресечению каналов незаконной переправки иностранных граждан, а также по борьбе с фиктивными браками и оформлением поддельных документов. Для реализации указанных целей сотрудниками Миграционной службы МВД России проводятся профилактические мероприятия, которые направлены на выявление возможных нарушений миграционного законодательства в местах проживания и работы граждан иностранных государств.

Деятельность Миграционной службы МВД России имеет важное значение для обеспечения национальной безопасности государства и поддержания его экономического развития.

Ранее с 2016 г. по 2025 г. данные полномочия осуществляло Главное управление по вопросам миграции МВД РФ, которому, в свою очередь, в 2016 г. были переданы полномочия упраздненной Федеральной миграционной службы России (ФМС России).

В 2016 году ФМС России была упразднена указом Президента Российской Федерации и её функции были переданы Главному управлению по вопросам миграции МВД России. Причины подобного решения были связаны с оптимизацией и повышением эффективности государственного управления в сфере миграции:

Во-первых, упразднение ФМС России было частью более широкой реформы, направленной на сокращение административного аппарата и оптимизацию бюджетных расходов.

Во-вторых, передача полномочий упраздненной ФМС РФ другому ведомству, МВД России, была обусловлена необходимостью комплексного усиления государственного контроля за миграционными процессами.

В-третьих, упразднение ФМС России было направлено на повышение качества государственных услуг, предоставляемых населению в сфере миграции.

В целом важность деятельности Миграционной службы МВД России состоит в том, что она направлена на создание цивилизованной и безопасной миграционной среды, что напрямую способствует социально-экономическому развитию государства.

В этой связи Миграционная служба МВД России активно внедряет цифровизацию процессов миграции в России посредством внедрения современных информационных технологий в управление миграционными потоками, что направлено не только на повышение эффективности деятельности государственных органов, но и на создание более комфортных условия для мигрантов.

Именно на сотрудников Миграционной службы МВД России возложена задача по внедрению новых цифровых технологий, позволяющих оптимизировать процедуры регистрации, учета и контроля за пребыванием иностранных граждан на территории страны.

Важным аспектом цифровизации является также внедрение систем биометрической идентификации и контроля. Цифровизация позволяет значительно повысить эффективность работы подразделений ОВД по вопросам миграции. Внедрение электронных сервисов и платформ сокращает время обслуживания граждан, упрощает процедуры получения разрешительных документов и снижает административную нагрузку на сотрудников, что позволяет значительно сократить временные и финансовые затраты как для самих мигрантов, так и для государства.

Электронные сервисы и онлайн-платформы минимизируют коррупционные риски и повышают уровень доверия к государственным органам. Вместе с тем, цифровизация способствует повышению эффективности межведомственного взаимодействия, обеспечивая оперативный обмен необходимой служебной информацией.

При этом важным аспектом в контексте цифровизации является обеспечение информационной безопасности. Персональные данные представляют собой ценный актив, требующий надежной защиты от несанкционированного доступа и киберугроз.

В соответствии с указом Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 года № 467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина» МВД России в срок до 30 июня 2026 г. необходимо обеспечить создание государственного информационного ресурса «Цифровой профиль иностранного гражданина».

Цифровой профиль иностранного гражданина формируется в составе государственной информационной системы миграционного учета (ГИС МУ) на базе информационно-телекоммуникационной инфраструктуры МВД России. Оператором ресурса является МВД России.

При въезде в Россию через любой пункт пограничного контроля иностранному гражданину или лицу без гражданства будет необходимо сдать отпечатки пальцев и фотографию. Данные сведения в дальнейшем будут служить основой цифрового профиля.

При этом сам иностранный гражданин или лицо без гражданства может самостоятельно создать свой цифровой профиль через приложение «RuID». Подобный ресурс выступает в качестве своеобразного аналога «Единого портала Госуслуг» для иностранных граждан. В данном приложении можно будет сообщить о своем намерении посетить Россию и получать услуги, находясь на её территории, например, оформить медицинскую страховку либо получить услуги по линии МВД России. Как планируется, подобный цифровой профиль будет иметь уникальный

идентификатор и в будущем, возможно, заменит существующий бумажный патент.

Данный информационный ресурс должен включать сведения обо всех иностранных гражданах и лицах без гражданства, въезжающих в Россию, выезжающих из нее и проживающих (пребывающих) в ней. Создание подобного ресурса вызвано необходимостью обеспечения безопасности государства, охраны правопорядка и совершенствования государственной миграционной политики в России. При этом включаемые в информационный ресурс сведения должны предоставляться соответствующими организациями и органами. Например, органами внутренних дел предоставляются сведения о привлечении иностранных граждан и лиц без гражданства к административной ответственности за совершение правонарушений на территории Российской Федерации, о наличии для них ограничений на въезд в Российскую Федерацию.

Вместе с тем, сами иностранные граждане и лица без гражданства также будут иметь возможность вносить сведения о себе в собственный цифровой профиль через «Единый портал Госуслуг». При этом указанным лицам предоставляется доступ к содержащейся в цифровом профиле информации для получения услуг и сервисов на «Едином портале Госуслуг».

Тем самым, внедрение информационного ресурса «Цифровой профиль иностранного гражданина» означает осуществление автоматизированного контроля и ведение единой базы данных о каждом иностранном гражданине или лице без гражданства и его документах, доступ к которому будет не только у органов государственной власти, но и у самого гражданина.

Функционирование подобного цифрового профиля направлено на оптимизацию учета и контроля в сфере миграции, а также на более широкое внедрение использования иностранными гражданами и лицами без гражданства электронных сервисов.

Таким образом, в контексте обеспечения национальной безопасности, Миграционная служба МВД РФ играет ключевую роль в «фильтрации» миграционных потоков, предотвращая въезд лиц, представляющих угрозу для общества и государства. Своевременное выявление подобных попыток, пресечение фактов незаконной миграции, а также депортация нарушителей миграционного законодательства, являются приоритетными задачами, решаемыми Миграционной службой МВД России и направленными на поддержание стабильности в государстве и защищенность общества от противоправных посягательств.

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что вектор миграционной политики, реализуемой в Российской Федерации, направлен не только на соответствующие ограничения и контроль, но и на создание условий для привлечения квалифицированных иностранных специалистов, способных внести собственный вклад в развитие экономики и социальной сферы Российской Федерации. Для реализации подобной цели в России разрабатываются и внедряются специальные программы, упрощающие процедуру получения разрешения на работу и вида на жительство для тех, кто соответствует установленным критериям и готов на легальных основаниях интегрироваться в российское общество.

Деятельность Миграционной службы МВД РФ носит комплексный характер, сочетающий в себе функции контроля и регулирования миграционных потоков, а

также содействия интеграции законопослушных мигрантов в российское общество. Эффективная реализация миграционной политики является важным фактором обеспечения национальной безопасности, экономического развития и социальной стабильности в современной России.

Список литературы

1. Гришковец А.А. Миграционный режим в современной России как фактор обеспечения безопасности и правопорядка // Вестник ВИПК МВД России. 2025. №3 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-rezhim-v-sovremennoy-rossii-kak-faktor-obespecheniya-bezopasnosti-i-pravoporyadka> (дата обращения: 10.11.2025).
2. Орфаниди Н.И., Сухоруков М.С., Петросян М.А. Роль органов внутренних дел в обеспечении соблюдения правил пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства // Аграрное и земельное право. 2025. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organov-vnutrennih-del-v-obespechenii-soblyudeniya-pravil-prebyvaniya-v-rossiyskoy-federatsii-inostrannyh-grazhdan-i-lits-bez> (дата обращения: 10.11.2025).
3. Указ Президента РФ от 02.04.2025 N 205 "О совершенствовании государственного управления в сфере миграции" // Собрание законодательства РФ. 07.04.2025. N 14, ст. 1692.
4. Приказ МВД России от 10.06.2025 № 360 «Об утверждении Положения о Службе по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации» // МВД России [официальный сайт]. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/13062754> (дата обращения - 10.11.2025).
5. Краюшкин А.В. Особенности методов административно-правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // Вестник ВИПК МВД России. 2020. № 1. С. 47-53.

Информация об авторах:

СВЕЧНИКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ, кандидат юридических наук, кандидат технических наук, заведующий кафедрой «Правоохранительная деятельность», Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

БИТЮЦКИЙ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правоохранительная деятельность», Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы внутренней миграции в современном Казахстане. Выявляются причинно-следственные факторы миграции населения. Проводится оценка социально-экономических и культурных эффектов перемещения населения, а также устанавливаются рекомендации по решению миграционных проблем в Республике Казахстан.

Ключевые слова: Миграция, внутренняя миграция, миграция населения, государство, право, проблемы миграции.

Внутренняя миграция — один из ключевых механизмов адаптации общества к структурным изменениям экономики, пространственной организации производительных сил и демографическим трендам. Для Казахстана, государства с огромной территорией, низкой плотностью населения и выраженной региональной асимметрией в развитии, внутренняя миграция выступает одновременно двигателем модернизации и источником сложных вызовов. Перемещения «село → город», «юг → центр/север», «малые моно-города → крупные агломерации» радикально меняют социальную ткань, рынок труда, нагрузку на инфраструктуру, систему образования и здравоохранения, а также влияют на качество институтов и социальный капитал.

Классический взгляд объясняет миграцию межрегиональными различиями в заработках и занятости. Люди движутся туда, где ожидаемая заработная плата выше, а риск безработицы ниже. В реальности Казахстана эту роль выполняют крупные агломерации — Алматы, Астана, Шымкент, а также ряд областных центров с диверсифицированной экономикой. «Полюса роста» аккумулируют капитал, сервисы, университеты, культурные индустрии, создавая «магнит» для молодежи.

Концентрация населения и бизнеса в центрах формирует экономию на масштабе: расширяются рынки сбыта, возрастает плотность сетевых связей, снижаются издержки обмена знаниями. Это усиливает центростремительный поток и закрепляет неравенство «центр — периферия».

На уровне семьи миграция — инвестиция в будущее: доступ к лучшим школам, вузам, медицинским услугам, карьерным траекториям. Важен и «эффект предшественников»: куда ранее уехали родственники или земляки, туда легче интегрироваться новым приезжим.

Регуляторные правила (регистрация по месту жительства, доступ к госуслугам, целевые программы занятости и жилья) либо уменьшают транзакционные издержки перемещения, либо — напротив — сдерживают мобильность, оставляя потенциальные выгоды нереализованными.

Одним из наиболее устойчивых и мощных векторов внутренней миграции является движение населения из сельской местности в города. Урбанизация в Казахстане продолжается ускоренными темпами, формируя новые социальные и экономические траектории. Сокращение потребности в рабочей силе в сельском

хозяйстве — следствие механизации производственных процессов и трансформации аграрного сектора — приводит к высвобождению значительной доли молодых людей. При этом в ряде сельских регионов отсутствуют альтернативные несельскохозяйственные рабочие места, что делает сельскую молодежь особо уязвимой к безработице и вынуждает её искать возможности за пределами малой родины. Города оказываются привлекательными не только благодаря доступности рабочих мест, но и благодаря концентрации образовательных учреждений, медицинских услуг, социальных лифтов, культурной среды и инфраструктуры. Таким образом, урбанизация приобретает форму не только экономической потребности, но и стратегического выбора семей, стремящихся обеспечить детям лучшие условия будущего.

Особую роль в пространственном перераспределении населения играют крупные агломерации, которые становятся не просто центрами притяжения, но и новыми узлами экономического и социального развития. Алматы и Астана выступают своеобразными «портами возможностей», объединяя в себе высококонкурентные сектора экономики — финансы, IT, медиа, консалтинг, медицинские услуги, креативные индустрии. Шымкент и ряд областных центров создают агломерационные кластеры среднего уровня, укрепляя региональную урбанизацию. В таких центрах формируется густая сеть профессиональных, образовательных, предпринимательских и культурных связей, что дополнительно стимулирует миграцию и укрепляет роль агломераций как ключевых двигателей модернизации. Однако этот процесс сопровождается возрастающей нагрузкой на городские коммуникации, транспорт, жильё и социальную сферу. Перенасыщение агломераций требует детального и дальновидного планирования, поскольку стихийное разрастание городских окраин ведёт к снижению качества жизни и росту социальной поляризации.

Внутренняя миграция в Казахстане — это многослойный процесс, который формируется на стыке экономических стимулов, социальных ожиданий, институциональных правил и культурных практик. Понимание глубинных драйверов и сдерживающих факторов позволяет увидеть не только причины перемещения людей, но и те системные напряжения, которые накапливаются в городских агломерациях и исходных регионах. Одновременно миграция задаёт «двойной эффект» в социально-экономическом развитии: расширяя возможности для принимающих территорий, она обнажает уязвимости для регионов-доноров и отдельных домохозяйств. Особое значение в этой картине приобретают уязвимые группы — молодежь, женщины, многодетные семьи, работники из моно-городов, — для которых переезд несёт специфические риски и требует адресной политики сопровождения.

Социальные мотивы усиливают экономическую логику. Речь идёт о доступе к качеству образования — от сильных школ и лицеев до крупных вузов и программ дополнительного профессионального обучения, — и качеству медицинских услуг, где важны не только оснащённость и профиль специалистов, но и скорость доступа к сервису. Культурная среда крупных городов — библиотеки, музеи, медиацентры, коворкинги, инкубаторы стартапов — выступает дополнительным магнитом, позволяющим капитализировать таланты молодежи. Для женщин города

открывают больше формальной занятости, гибких графиков и услуг, снижающих «невидимую» нагрузку по уходу: детские сады, досуговые центры, курсы, удобная транспортная сеть. В результате миграция становится не просто ответом на нехватку рабочих мест в «точке отправления», а инвестиционной стратегией в человеческий капитал семьи.

Регуляторные ограничения усиливают действие инфраструктурных барьеров. Привязка доступа к части социальных услуг к месту регистрации (прописки) формирует парадокс «юридической невидимости»: человек фактически живёт и работает в городе, но не может быстро прикрепить ребёнка к школе или оформить льготы. Переоформление документов, подтверждение квалификаций и стажа для бюджетных вакансий нередко требуют времени и материальных затрат, что особенно болезненно для работников из моно-городов и сельских территорий. Программы поддержки мобильности кадров — жилищные сертификаты, подъёмные, компенсации аренды — пока часто недостаточно адресны: они не всегда синхронизированы с реальным спросом на профессии и с пропускной способностью городской инфраструктуры.

Регионы-доноры сталкиваются с иным набором последствий. Денежные переводы мигрантов поддерживают семьи на местах и периодически становятся источником стартового капитала для малого бизнеса. Возвратная миграция и «обратный перенос» навыков способны обновлять локальные практики — от сервисов до предпринимательства. Но системные минусы ощутимее: «утечка мозгов» и молодёжи ведёт к старению населения, сжатию налоговой базы, снижению спроса на социальную и культурную инфраструктуру. Школы и медицинские учреждения в малых городах теряют критическую массу кадров и учеников, что затрудняет их устойчивое финансирование. Возникает риск «спирали депопуляции», когда ослабление институтов само по себе подталкивает новые волны оттока.

На уровне домохозяйств баланс «плюсов» и «рисков» также неоднозначен. С одной стороны, переезд повышает ожидаемые доходы, открывает доступ к лучшим образовательным и медицинским услугам, расширяет социальные горизонты и карьерные лестницы. С другой — повышает финансовую волатильность бюджета: аренда и транспорт часто «съедают» значимую долю доходов, а непредвиденные расходы (переезд, депозиты за жильё, лечение, обучение) создают долговую нагрузку. При семейной миграции нередко возникает фрагментация: один взрослый едет первым, остальные подтягиваются позже. Это разрывает привычные режимы ухода за детьми и пожилыми, повышает риск эмоционального выгорания и снижает устойчивость интеграции. Особым фактором остаётся неформальная занятость: хотя она облегчает вход на рынок труда, отсутствие социальных гарантий повышает уязвимость при кризисах.

Проблемы мобильности усиливаются и тем, что рост пригородов происходит быстрее, чем расширение сети высокоскоростного и удобного общественного транспорта. Люди оказываются заложниками личных автомобилей, и город сталкивается с пробками, ухудшением экологии и потерей времени, что снижает общую производительность и качество городской жизни. В отсутствие интеллектуальных транспортных систем — выделенных полос, оптимизированных

светофоров, перехватывающих парковок — машина становится не роскошью, а вынужденным инструментом выживания. Это создаёт регрессию в развитии устойчивой городской мобильности.

Современный характер внутренней миграции требует не стихийных мер, а системной стратегии, где каждый элемент политики усиливает другой. Одним из ключевых направлений становится реформа жилищной сферы. В условиях высокой арендной нагрузки важна социальная аренда, арендные дома с выкупом и стимулирование профессиональных арендодателей, работающих по прозрачным правилам. Не менее важна принципиальная реформа планирования: школа, детсад и поликлиника должны вводиться одновременно с жильём, а не постфактум.

Другим направлением становится упрощение регистрации и доступ к социальным услугам. Мигранты не должны терять возможность прикрепиться к поликлинике или отправить ребёнка в школу из-за формальностей прописки. Гибкая временная регистрация, электронные механизмы подтверждения адреса и система «школьных ваучеров» позволят снизить социальные риски на этапе адаптации.

Особое внимание должно уделяться балансировке пространственного развития страны. Пакеты «работа + жильё + садик/школа» для учителей, врачей, инженерных и IT-специалистов могут стимулировать переселение кадров в северные и центральные регионы. Индустриальные парки возле транспортных коридоров способны создать рабочие места для молодых семей, а развитие университетских кампусов и колледжей в малых городах превращает их в образовательные и экономические «якоря».

Профессиональная мобильность во многом зависит от рескиллинга и карьерной навигации. Модульные программы переобучения, микросертификация, электронные биржи навыков, карьерные центры при ЦОНах и вузах могут сократить период адаптации мигрантов к требованиям крупных городов.

Для полноценной интеграции важны также обеспечение безопасности и создание сообществ. Освещённые улицы, безопасные маршруты до школ, культурные центры и дворовые клубы помогают мигрантам адаптироваться.

Внутренняя миграция в Казахстане — это не временная «аномалия», а структурная реакция общества на экономические различия, институциональные правила и новые возможности. Она приносит стране очевидные дивиденды — ускорение инноваций, обновление человеческого капитала, развитие сервисов, — но одновременно генерирует риски перегрузки агломераций, жилищной нестабильности и региональной поляризации. Главная задача политики — превратить миграцию из «вынужденной эвакуации» в управляемую циркуляцию: чтобы переезд был осознанным выбором, а выгоды — разделёнными и для людей, и для территорий.

Казахстан — большая страна с амбициями и ресурсами. Управляя внутренней миграцией умно и гуманно, мы можем не только снизить текущие издержки, но и заложить фундамент новой территориальной справедливости, где место рождения не ограничивает траекторию жизни, а перемещение внутри страны — это безопасный и результативный путь к лучшему образованию, работе и качеству жизни в современном казахстанском обществе.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Казахстан 1995 года.
2. Послание Президента Республики Казахстан К. К. Токаева народу Казахстана. – Астана, 2025 гг.
3. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Демографические и миграционные отчёты за 2020–2024 гг. – Астана.
4. Стратегия развития Алматы – 2050. Акимат г. Алматы. – Алматы, 2020.
5. Ибраева Г. К. Молодёжная мобильность и миграция в Казахстане // Вестник КазНУ. – 2021.

Информация об авторе:

ИБРАЕВ НУРЛАН САЛАМАТОВИЧ, заң ғылымдарының кандидаты, Q университетінің профессоры

Мухитдинова Ф.А.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. В статье анализируются основные направления и правовые особенности миграционной политики Республики Узбекистан в контексте современных правовых реформ, проводимых под руководством Президента Ш. Мирзиёева. Рассматриваются теоретико-правовые основы регулирования миграционных процессов, механизмы защиты прав и свобод граждан, а также значение внешней трудовой миграции в системе государственного управления и обеспечения занятости населения.

Исследование проведено в рамках изучения современных тенденций правового регулирования миграции в Республике Узбекистан.

Ключевые слова: миграционная политика, трудовая миграция, цифровизация, защита прав мигрантов, Узбекистан, международное сотрудничество.

Введение

На сегодняшний день в мировом сообществе миграция населения стала одним из наиболее значимых и многослойных явлений, определяющих развитие глобальной экономики, социальной структуры и международных отношений. Современные миграционные потоки имеют комплексный характер и формируются под воздействием целого ряда факторов — экономических, демографических, политических, экологических и технологических. В мире проживает около 290 миллионов международных мигрантов, из которых порядка 170 миллионов являются трудовыми мигрантами, чья деятельность играет ключевую роль в формировании глобального рынка труда.

Перемещение рабочей силы стало важнейшим фактором мирового экономического роста и неотъемлемым элементом национальной экономической и социальной политики. Особое место занимает цифровизация миграционных процессов: современные технологии радикально изменили способы управления

миграцией, контроля границ и взаимодействия мигрантов с государственными структурами. Всё чаще используется термин «цифровая миграция», отражающий не только физическое перемещение, но и цифровую идентичность человека, его онлайн-взаимодействие с социальными и экономическими системами □1□.

Основная часть

В Узбекистане под руководством Президента Ш. Мирзиёева вопросам регулирования миграционных процессов и эффективного использования трудового потенциала уделяется приоритетное внимание. Миграционная политика рассматривается как ключевой элемент стратегии устойчивого социально-экономического развития. Также растёт цифровой компонент миграционных процессов. Развитие современных технологий радикально изменило способы управления миграцией, контроля границ и взаимодействия мигрантов с государственными институтами. С 1990-х и 2000-х годов цифровые технологии радикально преобразили жизнь людей, находящихся в движении, а также сам подход к изучению миграционных процессов. Сегодня мигранты могут поддерживать постоянный контакт со своими семьями, находящимися на большом расстоянии, и быть доступными ежедневно, в любой точке мира. Всё чаще используется термин «цифровая миграция», отражающий не только перемещение людей, но и их виртуальное присутствие, цифровую идентичность и онлайн-взаимодействие с социальными и экономическими структурами. В этой связи цифровизация становится неотъемлемым элементом современной миграционной политики, создавая новые возможности для интеграции и самореализации мигрантов.

В таких условиях в Узбекистане под руководством Президента Ш. Мирзиёева вопросам регулирования миграционных процессов и эффективного использования трудового потенциала уделяется особое внимание. Миграционная политика страны рассматривается как важная составляющая стратегии устойчивого социально-экономического развития и модернизации рынка труда. Ежегодно на рынок труда Узбекистана выходят 600-700 тысяч человек. В результате принимаемых мер по развитию отраслей экономики и регионов в год создается до 500 тысяч рабочих мест. Следовательно, занятость почти 200 тысяч человек приходится обеспечивать за счет внешней трудовой миграции. Это естественный процесс, через который проходят все развивающиеся страны. Там, где трудовая миграция организована должным образом, наблюдается рост занятости и доходов семей, увеличение квалифицированной рабочей силы.

На сегодняшний день в Узбекистане сформирован уникальный и комплексный механизм обеспечения безопасности, законности и удобства миграционного процесса для граждан, направленный на системное регулирование всех стадий внешней трудовой миграции. Этот механизм представляет собой целостную модель государственной поддержки мигрантов, включающую три ключевых направления:

1. Подготовка и обучение граждан до выезда за границу. На данном этапе реализуются программы профессиональной подготовки и переподготовки, изучения иностранных языков, а также ознакомления с трудовым и миграционным законодательством принимающих стран. Это позволяет будущим мигрантам успешно адаптироваться к условиям зарубежного рынка труда, минимизировать

риски нарушения законодательства и повысить свою конкурентоспособность.

2. Защита прав и свобод граждан, находящихся за рубежом. Государство активно развивает дипломатические и консульские механизмы поддержки соотечественников, находящихся за границей в качестве трудовых мигрантов.

3. Обеспечение занятости граждан, вернувшихся после трудовой миграции, создание условий для их социальной реинтеграции, в частности, адаптации к социальной среде. Для мигрантов, завершивших трудовую деятельность за границей, создаются условия для трудоустройства на родине, развития предпринимательства и социальной адаптации.

От эффективности миграционной политики зависит решение ряда социально-экономических проблем, в частности, вопросы обеспечения занятости населения, особенно для развивающихся стран, где наблюдается, как правило, избыток рабочей силы. Однако, миграция имеет различные формы, и миграционные процессы порождают ряд проблем, которые требуют комплексного подхода. Миграция порождает проблемы как для развитых стран, которые принимают мигрантов, так и развивающихся стран, из которых идут потоки мигрантов.

В рамках совершенствования правового регулирования миграционной сферы в Узбекистане за последние годы была создана устойчивая нормативно-правовая база, направленная на повышение прозрачности, безопасности и управляемости миграционных процессов. На сегодняшний день принято 13 нормативно-правовых документов, регулирующих вопросы трудовой миграции, социальной защиты граждан за рубежом и их последующей реинтеграции. Данные акты образуют целостную систему, охватывающую как организационные механизмы подготовки граждан к выезду, так и правовые гарантии их защиты во время трудовой деятельности за пределами страны. С целью повышения эффективности государственного управления в данной сфере и обеспечения открытости рынка труда было создано Агентство по внешней трудовой миграции, деятельность которого направлена на реализацию государственной политики в области занятости и социальной поддержки мигрантов. Для обеспечения территориальной доступности его услуг открыто 14 региональных филиалов, что позволило выстроить систему «шаговой доступности» государственной поддержки.

На период 2024-2026 годов утверждён новый комплекс мер по защите прав и законных интересов граждан, работающих за рубежом. Данные инициативы отражают стратегический подход государства к формированию современной, ориентированной на человека миграционной политики, обеспечивающей не только экономическую эффективность, но и социальную безопасность трудовых мигрантов. Согласно документам, в предстоящие годы будут предприняты системные шаги по совершенствованию условий внешней трудовой миграции в странах Азии, Европы, США и Канады. Особое внимание уделяется защите прав мигрантов, развитию взаимодействия с узбекской диаспорой и повышению уровня правовой осведомлённости граждан. Одним из ключевых направлений станет изучение актуальных проблем трудовых мигрантов и усиление мониторинга случаев нарушения их прав. Для этого создаются специальные каналы обратной связи, расширяются функции консульских учреждений и внедряются цифровые инструменты анализа обращений. Для граждан Узбекистана, работающих в Южной

Корею и Японию, планируется внедрение системы мониторинга трудовых условий, которая позволит своевременно выявлять и предотвращать нарушения со стороны работодателей. Одновременно организуются информационно-разъяснительные кампании, направленные на предупреждение рисков нелегальной миграции. В рамках этих мероприятий проводятся консультации, обучающие семинары и встречи, где специалисты подробно разъясняют трудовые и миграционные права граждан, механизмы правовой защиты и получения помощи за рубежом.

В европейских странах акцент делается на укрепление взаимодействия с соотечественниками и представителями узбекской диаспоры, а также с дипломатическими миссиями Узбекистана. Одним из приоритетов станет оказание содействия гражданам, потерявшим работу, в поиске новых возможностей трудоустройства и социальной поддержки. В Северной Америке (в частности, в США и Канаде) основное внимание уделяется развитию культурных и гуманитарных связей с диаспорой, а также поддержке граждан, ищущих работу или временно оказавшихся в сложной ситуации.

В целом, миграционная политика Узбекистана на современном этапе отличается сбалансированным, прагматичным подходом, основанным на сочетании экономических интересов государства и социальной защиты граждан. В стране формируется современная модель управления миграцией, в которой приоритетами выступают законность, безопасность, цифровизация и международное сотрудничество. Системность проводимых реформ обеспечивает не только защиту прав трудовых мигрантов, но и превращает миграционные процессы в ресурс развития, в том числе источник новых компетенций и инвестиций

Заключение

Миграционная политика Узбекистана на современном этапе отличается сбалансированным и прагматичным характером. Её ключевые принципы — законность, безопасность, цифровизация и международное сотрудничество. Созданная система не только обеспечивает защиту прав трудовых мигрантов, но и превращает миграционные процессы в фактор устойчивого развития. Миграция сегодня рассматривается как ресурс — источник новых знаний, компетенций и инвестиций, способствующих модернизации национальной экономики и укреплению человеческого капитала страны.

Список источников

1. Goodman S. W. Controlling Immigration through Language and Country Knowledge Requirements. — *West European Politics*, 2011, №34(2), p. 235–255. — <https://doi.org/10.1080/01402382.2011.546569>
2. De Vito E., de Waure C., Specchia M.L. et al. Are undocumented migrants' entitlements and barriers to healthcare a public health challenge for the European Union? — *Public Health Rev.*, 2016, №37(13). — <https://doi.org/10.1186/s40985-016-0026-3>

Информация об авторе:

МУХИТДИНОВА ФИРУЗА АБДУРАШИДОВНА, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Ташкентского государственного юридического университета

ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Научно-технический прогресс влияет на характер труда. Бурное развитие цифровых технологий, роботизация, 3D-принтинг и другие “прорывные” технологии порождают проблемы, требующие опережающего правового регулирования. Одной из новых форм занятости стали активно развивающиеся цифровые рабочие платформы, многие из которых являются трансграничными, тем самым, опосредуя «цифровую миграцию». В статье анализируются данные, представленные в различных докладах Международной организации труда, с учетом которых в ближайшем будущем следует трансформировать и российское трудовое законодательство.

Ключевые слова: цифровизация; цифровые рабочие платформы; цифровая миграция; Международная организация труда.

Введение

По оценкам МОТ, несмотря на то, что последствия COVID 19 ликвидированы, вызванные им изменения в составе трудовых отношений, такие как неформальная самозанятость, рост удаленной работы и различные тенденции в отношении временной работы, все еще оказывают влияние на качество условий труда. Одним из таких преобразования стало распространение цифровых платформ.

Основная часть

Международное бюро труда МОТ (далее – МБТ), на основе опросов 12 000 работников в 100 странах, а также данных, полученных от 70 компаний, 16 платформ и 14 ассоциаций работников платформ, в 2021 году представило свою оценку текущей ситуации на рынке труда и прогнозы ее развития [1].

Все цифровые платформы можно разделить на три категории: 1) предлагающие цифровые услуги или продукты отдельным пользователям (поисковые системы или социальные сети); 2) являющиеся посредниками между различными пользователями (например, обмены между предприятиями, “B2B”); и 3) цифровые рабочие платформы. Хотя большинство платформ можно отнести к одной из этих категорий, некоторые «гибридные» предлагают услуги сразу в нескольких направлениях [1, с. 42]. Возможность быстро и недорого обмениваться большими объемами данных и информации заложила основу для роста цифровой экономики и рабочих платформ. Предприятия и потребители как в развитых, так и в развивающихся странах восприняли эту трансформацию, поскольку услуги и товары доставляются более дешевыми и удобными способами.

Что касается рабочих платформ, их можно условно разделить два типа: онлайн-платформы, где задачи выполняются работниками онлайн и удаленно, и платформы, базирующиеся на местоположении, где задачи выполняются в определенном физическом месте отдельными лицами, такими как водители такси и доставщики. Сегодня цифровые рабочие платформы стали частью повседневной жизни, вовлекая в трудовую деятельность и лиц, ранее мало востребованных на рынке труда

(инвалидов, лиц с семейными обязанностями). Однако МБТ отмечает и отрицательные тенденции. Новая экономическая модель позволяет организовать работу без серьезных вложений в основные средства или найм сотрудников. Вместо этого платформы выступают посредниками между работниками, выполняющими задачи, и клиентами, и управляют всеми рабочими процессами с помощью алгоритмов, лишая работников гарантий защиты трудовых прав и исключая их из отношений социального партнерства.

По оценке МОТ, платформы цифрового труда предлагают два типа трудовых отношений: одних работников платформа нанимает напрямую (внутренняя занятость), другие получают работу с ее помощью (внешняя занятость). В первом случае они классифицируются как наемные работники, вступившие в трудовое правоотношение с работодателем, а во втором случае – как самозанятые или независимые подрядчики. Те, кто работает в рамках трудового правоотношения, как правило, обеспечивают функционирование платформ, и по сравнению с остальными работниками таких относительно немного. Так, фрилансерская платформа PeoplePerHour со штатом примерно 50 сотрудников обеспечивает работой 2,4 млн квалифицированных работников. Фактическая численность тех, кто получает работу с помощью цифровых платформ, с трудом поддается оценке, поскольку эти данные ими не разглашаются. Опросы, проведенные исследовательскими институтами и статистическими бюро в странах Европы и Северной Америки в период с 2015 по 2019 год, показывают, что доля взрослого населения, занятого на цифровых платформах, колеблется от 0,3 до 22 процентов [1, р. 96-98].

Платформы на основе геолокации нанимают намного больше работников, чем платформы на основе веб-технологий. У платформ такси их численность колеблется от 1.200 (Careem) до 26.900 человек (Uber), хотя она ничтожно мала по сравнению с 5 млн водителей, получающих работу с помощью Uber в 69 странах. Платформы доставки также напрямую нанимают больше работников (более 5.000 человек), чем платформы других типов; например, у Meituan численность работающих на условиях полной занятости составляет 54.580 человек.

Это преимущественно связано с тем, что эти компании нанимают курьеров, чтобы закрепиться на рынке. После решения этой задачи некоторые из них меняют кадровую стратегию, нанимая работников на условиях временной занятости или сдельной оплаты труда. Так, Delivery Hero (Германия), PedidosYa (Аргентина) и Swiggy (Индия), первоначально нанимавшие работников на условиях полной занятости, уволили многих из них после того, как закрепились на рынке, перейдя к найму по требованию и постепенно сократив свои кадры. Напротив, Meituan (Китай) нанимал работников с помощью сторонних кадровых агентств (Sun, Chen and Rani). У рассматриваемых платформ численность собственных кадров (внутренняя занятость) ничтожно мала по сравнению с численностью работников, получающих работу с их помощью (внешняя занятость).

На фоне продолжающейся дискуссии об ошибочной классификации работников платформ некоторые платформы на основе геолокации бесплатно обеспечивают своих работников страховкой и госпитализацией при несчастном случае. Например, страховой полис Deliveroo обеспечивает курьерам страховое

покрытие с момента дистанционного приема заказа и в течение часа после выхода из системы; при этом они получают пособие в случае нетрудоспособности вследствие травмы. В частности, во Франции курьеры имеют право на оплату отпуска по временной нетрудоспособности в размере 30 евро в день в течение 15 дней при условии, что в течение предыдущих восьми недель они не менее 30 раз оказывали услуги доставки. Uber предлагает курьерам страховку на время поездки и пособия социальной защиты, размер которых зависит от конкретной страны, а в Индии все платформы такси обязаны страховать здоровье и жизнь водителей. На европейском рынке Uber в партнерстве с AXA страхует водителей и курьеров от целого ряда рисков, в т.ч. от несчастного случая, травмы и болезни, а также предоставляет оплачиваемый родительский отпуск. Те же меры защиты обеспечиваются компанией в ЮАР и Австралии в партнерстве с Chubb. Некоторые платформы доставки (например, Swiggy) также страхуют работников и их близких от временной нетрудоспособности и несчастного случая.

С развитием цифровых платформ обостряется проблема защиты персональных данных их работников. Пользовательские данные в значительной степени принадлежат, контролируются и управляются платформами. Они используются для машинного обучения, разработки новых продуктов, повышения эффективности и производительности, регулирования ценообразования и организации труда, однако ни пользователи, ни работники платформы, часто не имеют на них прав.

Между тем случаи разглашения персональных данных далеко не единичны. Наиболее известна их утечка в 2016 году в компании Uber, когда в связи с нарушением требований безопасности персональных данных, хакерам удалось завладеть личными данными около 60 миллионов пользователей. На компанию во Франции был наложен штраф 400 тысяч евро, однако ее общие убытки от взлома значительно превысили эту сумму (в 2024 году Uber достигла мирового соглашения с американскими властями, выплатив компенсации и штрафные санкции на сумму 129 миллионов евро). В июле 2024 года Нидерландское управление по защите данных по жалобе водителей налагает на компанию штраф уже в размере 290 миллионов евро за передачу персональных данных в 2021-2023 годах за пределы ЕС без достаточных мер защиты. Таким образом, в обеспечении защиты персональных данных заинтересованы как работники, так и работодатели, но если первые – непосредственно, то последние – под угрозой значительных штрафных санкций.

Заключение

Чтобы решить проблемы, связанные с платформенной занятостью, во многих странах начинает формироваться соответствующее законодательство, в том числе прямо признающее возникающие с работниками таких платформ отношения трудовыми. По информации Всемирной организации здравоохранения и Международной организации труда, на законодательном уровне устанавливаются стандарты безопасности и гигиены труда, а также социальной защиты телеработников [2]. Однако проблема усугубляется тем, что многие рабочие платформы работают в нескольких странах и юрисдикциях, что приводит к неопределенности в правовом регулировании.

В России, как и в большинстве европейских стран судебные процессы пока, в основном возникают с интернет-платформами, оказывающими услуги такси, по

поводу недобросовестной конкуренции либо возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью пассажиров [3]. Между тем, число пользователей рабочих интернет-платформ в России существенно возросло. Об этом косвенно свидетельствует и снижение уровня безработицы. Таким образом, в ближайшем будущем суды могут столкнуться с массовыми требованиями о защите прав лиц, выполняющих работы (оказывающих услуги) посредством цифровых платформ, связанных с отказом в доступе к платформе либо связанные с охраной их труда [4].

Список источников

1. *Emploi et questions sociales dans le monde. Le rôle des plateformes numériques dans la transformation du monde du travail / Bureau international du Travail.* – Genève, Suisse: Organisation internationale du Travail, 2021. URL: <https://www.ilo.org/fr/publications/flagship-reports/le-role-des-plateformes-numeriques-dans-la-transformation-du-monde-du>
2. *Healthy and safe telework: technical brief / World Health Organization and International Labour Organization,* 2021 [сайт] URL: <https://iris.who.int/server/api/core/bitstreams/77c97846-da9b-45d0-9ccb-d117301c1ffd/content>
3. Зайцева Л. В., Митрясова А. С. Труд водителей такси на основе интернет-платформ: отдельные вопросы правового регулирования. – Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 435. – с. 239-245. – <https://doi.org/10.17223/15617793/435/30>.
4. Киселева Е. В. К вопросу о признании судами трудовых отношений с гражданами, оформленными как самозанятые. – Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 2. – с. 23-27. – <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2024-2-23-27>.

Информация об авторе:

МИХАЙЛЕНКО ЮЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА, кандидат юридических наук, доцент юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул), Россия

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И КЛИМАТИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ В ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ ВЫЗОВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются правовые, социальные и технологические аспекты экологической миграции в Казахстане в контексте глобальных климатических изменений. На основе анализа международных документов, научной литературы, а также национальных нормативных актов Казахстана обосновывается необходимость юридического признания категории «экологический мигрант».

Показано, что экологическая миграция становится правовым вызовом и требует разработки комплексной системы регулирования, включающей защиту прав, социальную поддержку и использование цифровых технологий. Предлагается модель цифровой системы адаптации экологических мигрантов, основанная на интеграции климатических, миграционных и социальных данных. Работа демонстрирует, что Казахстан способен стать региональным центром компетенций в сфере климатической миграции. Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № АР26103687 «Цифровая миграция: новые горизонты социально-экономического развития и правовая интеграция»).

Ключевые слова: экологическая миграция, климатические риски, международное право, Приаралье, Казахстан, цифровая миграционная система.

Современные климатические изменения всё чаще проявляются не только в виде засух, наводнений и потери биоразнообразия, но и в изменении самой географии человеческой жизни. Экологическая миграция становится одним из важнейших индикаторов этой трансформации. В XXI веке она перестала быть лишь предметом экологических или социологических исследований и заняла место в повестке международного права, прав человека и государственной политики. Масштабные перемещения населения, вызванные деградацией окружающей среды, превращаются в новый тип мобильности — климатическую или экологическую миграцию, требующую юридического осмысления и институционального ответа.

По оценкам Всемирного банка, к 2050 году число людей, вынужденных покинуть свои дома из-за климатических факторов, превысит 216 миллионов, треть из которых придётся на Африку и Азию[1]. Эти прогнозы подтверждаются устойчивой динамикой роста числа лиц, перемещающихся вследствие стихийных бедствий, что делает климатические риски реальным фактором международной безопасности [2].

Климатические риски становятся не гипотетическими угрозами, а повседневной реальностью, формирующей новое пространство международных отношений и правовых обязательств.

Казахстан является страной, где экологическая миграция имеет конкретные исторические и социальные формы. Наследие Аральской катастрофы,

опустынивание южных территорий, деградация пастбищ и обмеление рек уже изменяют расселение населения и структуру трудовой миграции. Согласно данным Министерства экологии и природных ресурсов Республики Казахстан, за тридцать лет в Кызылординской области площадь сельскохозяйственных земель, потерявших продуктивность, увеличилась почти на 40 %, а численность сельского населения сократилась более чем на треть [3].

В период 1991–2021 гг. Аральский и Казалинский районы демонстрируют отрицательное сальдо миграции, что подтверждает устойчивый отток населения. При этом, несмотря на положительное миграционное сальдо по Казахстану, именно эти районы продолжают терять население, что отражает влияние экологических факторов на миграционные решения. Наиболее яркий пример — Приаралье. Закон Республики Казахстан «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие экологического бедствия в Приаралье» от 30 июня 1992 года закрепил зоны экологического бедствия, включая территории экологической катастрофы, кризиса и предкризисного состояния. Однако данный закон, несмотря на социальную поддержку, не признаёт жителей этих территорий мигрантами, если они покинули опасную зону, что приводит к отсутствию их правового статуса [4].

Отсутствие юридического признания экологической миграции является первым и наиболее серьёзным вызовом. В Законе «О миграции населения» определены трудовые, внутренние и внешние мигранты [5], но не выделена категория лиц, вынужденно покидающих территорию из-за угроз жизни и здоровью, вызванных деградацией природной среды. В результате экологические переселенцы оказываются вне сферы правового регулирования: им не предоставляются меры социальной поддержки, компенсации или гарантии адаптации.

Проблема не ограничивается национальным уровнем. На международном уровне отсутствует юридически признанное понятие «климатический» или «экологический мигрант». В научной литературе используются различные концепты, включая *climate migration*, *environmentally induced displacement*, *forced environmental migration* и *climate induced mobility* [6]. Женевская Конвенция о статусе беженцев 1951 года не распространяется на лиц, покидающих территорию по экологическим причинам, так как основана на критерии преследования [7]. Поэтому климатические мигранты выпадают из сферы конвенционной защиты, что создаёт фундаментальный правовой вакуум [8]. Это создаёт правовой вакуум, о котором пишет Колманнског, указывая, что природные факторы сами по себе не образуют юридического основания для предоставления убежища [9].

Несмотря на отсутствие формального статуса, в международной практике появляются тенденции к признанию климатических факторов юридически значимыми. В решении по делу Иоане Теитиота против Новой Зеландии Комитет ООН по правам человека впервые признал, что воздействие изменения климата может создавать угрозу праву на жизнь, что влечёт запрет на высылку в соответствии с принципом *non-refoulement* (UNHRC, 2020) [10]. Этот подход является проявлением модели комплементарной защиты, включающей в себя применение международного права прав человека и гуманитарного права [11].

Региональные системы международного права демонстрируют большую

гибкость. Африканская Конвенция 1969 и Картахенская декларация 1984 года предусматривают расширенные основания для защиты, включающие массовые нарушения общественного порядка, что открывает возможность учитывать природные катастрофы в качестве юридически значимых обстоятельств [12].

Климатическая миграция получает отражение также в документах мягкого права. Канкунские договорённости впервые связали климатические изменения с перемещением населения [13]. Парижское соглашение подчёркивает необходимость защиты уязвимых групп населения в контексте климатической политики [14]. Рамочная программа Сендай рассматривает перемещения как элемент управления рисками бедствий [15]. Глобальный договор о миграции фиксирует климатические факторы как одну из ключевых причин будущей мобильности [16]. Нансенская инициатива систематизировала подходы к защите лиц, пересекающих границы вследствие бедствий, и стала основой Платформы по перемещениям в условиях бедствий [17].

В 2015 году Новая Зеландия впервые предоставила временное убежище жителям Тувалу — островного государства, находящегося под угрозой исчезновения из-за подъёма уровня моря [18].

В 2021 году Комитет ООН по правам человека постановил, что высылка человека в страну, где изменение климата угрожает его жизни, может нарушать статью 6 Международного пакта о гражданских и политических правах [19]. Это решение стало первым прецедентом признания климатических факторов юридически значимыми для применения международных стандартов защиты.

Таким образом, международное право стоит перед необходимостью расширить гуманитарные рамки, включив климатические и экологические причины в систему оснований для международной защиты. Предлагается использовать модель комплементарной защиты, при которой лица, перемещённые из-за климатических бедствий, получают временный статус и доступ к правам, предусмотренным международным гуманитарным и правом прав человека.

Вторым вызовом является социальная адаптация. Экологические мигранты сталкиваются не только с утратой жилья и источников дохода, но и с разрывом социальных связей, утратой идентичности, культурной среды и жизненного уклада. Адаптация экологических мигрантов требует комплексной поддержки, включающей обеспечение жильём, медицинской помощью, доступом к образованию, а также программами переобучения и трудоустройства. Казахстан обладает опытом интеграции этнических репатриантов и внутреннего переселения из трудоизбыточных южных регионов в северные, однако этот опыт требует адаптации к условиям экологической миграции.

Третий вызов связан с цифровой трансформацией. Современные технологии создают условия для перехода от реактивных мер к превентивным стратегиям. Анализ больших данных, геоинформационные системы и спутниковый мониторинг позволяют прогнозировать перемещение населения, определять зоны риска и разрабатывать сценарии адаптации задолго до наступления кризиса. Казахстан становится одним из пионеров цифровизации миграционной политики в Центральной Азии.

С 1 ноября в Казахстане начал работу портал migration.enbek.kz, разработанный

как цифровая система централизованного управления миграционными процессами и унификации данных о прибывающих иностранных гражданах. Его функционирование направлено на повышение качества государственных услуг в сфере миграции и развитие онлайн-сервисов, таких как присвоение статуса «Қандас», включение в региональную квоту, оформление карты «Ата жолы» и другие процедуры[20]. Запуск платформы отражает стратегический курс на цифровизацию миграционной политики и согласуется с современными подходами к управлению экологической мобильностью населения.

Платформа интегрирует данные министерств внутренних дел, труда, экологии и чрезвычайных ситуаций, что позволяет учитывать не только внешние и трудовые миграционные потоки, но и внутреннюю мобильность, обусловленную изменениями природно-климатических условий.

Цифровая трансформация открывает перспективу для построения единой системы управления экологической миграцией, основанной на трёх компонентах — праве, социальной поддержке и технологиях. Правовой компонент предполагает признание статуса экологического мигранта и закрепление его в национальном законодательстве, а также разработку процедур переселения и компенсации. Социальный компонент связан с созданием национальной программы адаптации и интеграции, включающей обеспечение жильём, занятостью, образованием и психологической поддержкой. Технологический компонент — это формирование цифровой инфраструктуры, объединяющей климатические, демографические и социальные данные для прогнозирования и управления миграционными потоками.

Включение этих элементов в единый механизм позволит Казахстану реализовать принципы устойчивого развития, зафиксированные в Повестке ООН-2030, включая цели № 10 (сокращение неравенства), № 13 (борьба с изменением климата) и № 16 (укрепление эффективных институтов). Таким образом, цифровая система адаптации экологических мигрантов станет не только инструментом миграционной политики, но и элементом национальной стратегии устойчивого развития.

Важным направлением дальнейшего развития является международное сотрудничество. Казахстан участвует в деятельности ПРООН, Международной организации по миграции (МОМ), РЭЦЦА и других институтов, однако способен занять более активную позицию, став площадкой для регионального диалога по климатической миграции. На основе национальных инициатив и цифровых решений страна может предложить создание Центральноазиатского центра по управлению экологической мобильностью населения, который объединит исследовательские, правовые и технические ресурсы стран региона.

Заключение. Экологическая миграция представляет собой не только вызов, но и возможность для модернизации правовой и социальной системы. Она требует переосмысления роли государства, международных организаций и гражданского общества в условиях климатических перемен. Казахстан уже сделал первые шаги — в цифровизации миграционной политики, в участии в международных инициативах и в создании институтов взаимодействия с международными партнёрами. Следующим этапом должно стать законодательное закрепление категории «экологический мигрант» и принятие Национальной программы адаптации, которая

объединит правовые, социальные и технологические механизмы. Это позволит обеспечить защиту граждан, повысить устойчивость территорий и превратить Казахстан в региональный центр компетенций по вопросам экологической миграции.

Экологическая миграция — зеркало нашего времени. От того, насколько своевременно и гуманно государство и международное сообщество ответят на этот вызов, зависит не только судьба отдельных людей, но и устойчивость будущего поколений.

Литература

1. Всемирный банк: изменение климата обернется массовой внутренней миграцией // <https://news.un.org/ru/story/2021/09/1409822>
2. Warner, K. & Afifi, T. (2014). 'Where the Rain Falls: Climate Change, Food Security and Human Mobility'. United Nations University Press.
3. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Кызылординская область Динамические ряды // <https://stat.gov.kz/ru/region/kyzylorda/dynamic-tables/1485/>
4. О социальной защите граждан, пострадавших вследствие экологического бедствия в Приаралье Закон Республики Казахстан от 30 июня 1992 года № 1468-ХІІ. // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z920002600_/history
5. О миграции населения Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-ІV. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477>
6. Biermann, F. & Boas, I. (2010). 'Preparing for a Warmer World: Towards a Global Governance System to Protect Climate Refugees'. *Global Environmental Politics*, 10(1), 60–88.
7. Конвенция о статусе беженцев Принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созданной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_core/refugees.shtml
8. McAdam, J. (2012). *Climate Change, Forced Migration, and International Law*. Oxford University Press.
9. Kolmannskog, V. (2012). 'Climate Change, Environmental Displacement and International Law'. *International Journal of Refugee Law*, 24(4), 103–122
10. UN Human Rights Committee (UNHRC). (2020). Views adopted on communication No. 2728/2016, Ioane Teitiota v. New Zealand. CCPR/C/127/D/2728/2016.
11. Kälin, W. & Schrepfer, N. (2012). *Protecting People Crossing Borders in the Context of Climate Change: Normative Gaps and Possible Approaches*. UNHCR Legal and Protection Policy Research Series.
12. Rigaud, K. K., de Sherbinin, A., Jones, B., et al. (2018). *Groundswell: Preparing for Internal Climate Migration*. Washington: World Bank.
13. UNFCCC. (2010). *Cancun Adaptation Framework*. Decision 1/CP.16.
14. Международный пакт о гражданских и политических правах Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
15. United Nations. (2015). *Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015–2030*.
20. Портал миграционных ресурсов // <https://migration.enbek.kz/main>

Информация об авторе:

ЕРЕЖЕПҚЫЗЫ РОЗА, PhD, ассоциированный профессор, Шымкентский университет

ЦИФРОВАЯ МИГРАЦИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. В статье анализируются подходы к определению миграции как правовой категории, приводятся аргументации представителей научного сообщества по формированию понятия «цифровая миграция». В современных условиях она получает все большее распространение в контексте стремительного развития цифровых технологий. В вопросах регулирования и охраны прав цифровых трудящихся-мигрантов существует проблема отсутствия в основополагающих международно-правовых документах категории «цифровая миграция», а также наличие в национальном законодательстве о труде коллизии и пробелов в области регламентации дистанционного труда иностранных граждан, не проживающих на территории страны нахождения работодателя. Для решения обозначенной проблемы, предлагается разработать и принять базовые универсальные документы международно-правового характера.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая миграция, цифровые трудящиеся-мигранты, трудящиеся-мигранты, трудовая миграция, права наемных работников

В настоящее время проблема трудовой миграции является одним из ключевых вопросов для всего международного сообщества. В условиях глобализации и цифровой трансформации практически все государства мира участвуют в процессе обмена рабочей силой в качестве ее импортеров или экспортеров, что свидетельствует о международном характере трудовой миграции.

На протяжении всей истории люди мигрировали, отправляясь на поиски лучшей жизни, спасаясь от конфликтов, стремясь оказаться в безопасности или просто найти новые возможности.

По данным Организации Объединенных Наций, в мире насчитывается около 281 миллиона международных мигрантов, что соответствует 3,6 процента мирового населения [1].

Известно, что сфера информационных и IT-технологий выдвигается в качестве флагмана современной мировой экономики. Динамичное развитие рассматриваемого сектора обусловлено, прежде всего, трансформацией традиционных сфер общественной деятельности вследствие широкого применения различных информационных и коммуникационных технологий, оказав сильное влияние на современные трудовые отношения и миграционные процессы.

Это связано с формированием «цифровых мигрантов» под которыми понимается социальная группа, профессиональная сфера которой сопряжена с значительным применением информационных технологий, а непосредственный функционал осуществляется в цифровом пространстве без физического перемещения в страну, отличную от страны происхождения. К указанной

группе следует отнести лиц, занятых в сфере програм-мирования, IT-разработок, включая персонал, задействованный на постоянной или временной основе на удаленной (дистанционной) работе.

Ронин В.С., Перегудова А. П. отмечают, что дефиниция «цифровая миграция» существует в науке и практике как теоретическая концепция, которая в различных исследованиях встречается так же как «электронная диаспора», «кибер-диаспора», «сетевая диаспора» и др. [2, с. 142].

Указанные авторы предлагают относить к категории цифровых трудящихся-мигрантов лиц, осуществляющих свою трудовую деятельность посредством использования сети Интернет и цифровых технологий на территории государства, которое не является страной его происхождения, не пересекая при этом физической границы, а «цифровая миграция» – процесс, направленный на интеграцию лица как трудовой единицы в пространство другой страны посредством использования сети Интернет и цифровых технологий [2, с. 142].

Понятие «цифровой мигрант» используется для указания на мигранта, который реализует свои информационные потребности посредством информационных цифровых технологий. Это порождает новые тренды международных миграционных процессов, среди которых можно выделить глобальную информатизацию.

Указанное понятие представляется весьма неоднозначным и неоднородным, в соответствии с чем в числе целей настоящего исследования выступает осмысление этого понятия с точки зрения его различных смысловых коннотаций и многообразных исследовательских подходов. Этим обусловлена необходимость уточнения характеристик цифровой диаспоры в качестве базы функционирования, адаптации и формирования цифровой идентичности мигрантов.

Цифровой мигрант, как указывается в исследовании Волкова Ю.Г., Кривоускова В.В., Курбатова В.И., представляет собою новый объект информационной цифровой реальности, выступающий одновременно и как субъект сложных социальных и информационно-коммуникационных отношений, так и достаточно многозначный концепт с точки зрения разных исследовательских подходов [3, с. 105].

Следует указать, что в современном международном праве не существует общепринятого определения дефиниции «мигрант», причем международно-правовые документы универсального и регионального характера в семантическом плане сходятся в том, чтобы понимать факт физического пересечения границы и нахождения на территории страны, отличной от страны происхождения мигранта, как узловой в вопросах разграничения мигрантов от других категорий.

Под мигрантом понимается лицо, которое вне зависимости от причин покинуло свою страну постоянного проживания, а трудящийся-мигрант – как лицо, которое покинуло территорию своей страны-проживания в целях осуществления трудовой деятельности на территории иностранного государства.

Такие трактовки данного понятия содержатся в следующих универсальных актах:

- 1) Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. [4],
- 2) Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. [5],
- 3) Рекомендации Международной организации труда № 86 «О работниках-мигрантах» 1949 г. [6],
- 4) Конвенции № 143 Международной организации труда «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» 1975 г. [7] и др.

Очевидно то, что все вышеуказанные соглашения были разработаны в те периоды, когда дистанционных занятости не было вовсе либо они имели единичный характер.

Субъектов «цифровой миграции» формально следует относить к трудящимся-мигрантам, поскольку де-факто они выполняют свою трудовую деятельность на территории иностранного государства. Вместе с тем они не пересекают физической границы страны, вследствие чего ни один документ в сфере защиты прав трудящихся-мигрантов на рассматриваемых субъектов не распространяется.

В условиях динамичного развития технологий и увеличения объемов цифровой экономики в общемировых масштабах, рост количества «цифровых мигрантов» выступает в качестве закономерной тенденции.

Определенную роль в этом процессе сыграла пандемия COVID-19, наглядно показавшая, что фактор физического местоположения работника в отдельных секторах экономики не оказывает существенного влияния на его трудоспособность и качество труда, особенно в IT-сфере, в связи с чем организацию дистанционного формата работы можно оценивать, как один из наиболее адекватных ответов на современные вызовы времени.

В настоящее время применение труда дистанционных работников выступает весьма распространенным явлением во всем мире, в том числе и в Казахстане. Это обусловлено тем, что имеющиеся современные информационные технологии позволяют осуществлять организацию наемного труда удаленно, не находясь в офисе работодателя. Так, в частности, на дистанционной основе организуют труд представителей множества профессий и видов работ: дизайнеров, переводчиков, журналистов, копирайтеров, юристов, бухгалтеров, финансовых аналитиков и т.д. [7, с. 341].

По общему правилу, на дистанционных работников распространяется действие трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, регламентирующих трудовые отношения, с учетом некоторых особенностей, определенных Главой 12 действующего Трудового кодекса Республики Казахстан (далее по тексту – ТК РК) «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников» [8].

Следует отметить, что специфике дистанционной работы посвящена всего одна статья указанной главы – ст. 138 ТК РК.

Регулирование дистанционного труда, в ситуациях, когда стороны

трудовых отношений являются резидентами разных государств, имеет весьма неоднородный и разобщенный характер на национальном уровне. Вследствие отсутствия международных руководящих документов и универсальных стандартов в сфере регулирования данного аспекта, спорные вопросы и коллизии, возникающие в трудовых отношениях «цифровых мигрантов», разрешаются по аналогии закона или права.

В свою очередь, Совет по правам человека ООН в резолюции A/HRC/32/L.20 задекларировал: «Те же самые права, которые человек имеет в офлайн-среде, должны также защищаться в онлайн-среде» [9].

ТК РК не дает ссылок на алгоритм действия работодателя в случае заключения трудового договора с сотрудником, являющегося гражданином другого государства и проживающим на его территории, однако работающим на компанию или иное образование, которое находится в стране нахождения работодателя.

Отсутствие международно-правового закрепления в универсальных документах трактовки понятия «цифрового трудящегося-мигранта», алгоритма действий для работодателей и цифровых мигрантов, приводит к тому, что правовое регламентация указанных отношений носит неупорядоченный и неоднородный характер, вследствие чего уровень защиты трудовых и социальных прав сотрудников-иностранцев зависит от условий трудовых договоров, заключенных с ними без учета международных стандартов в области труда.

Подобная практика сильно упирается в вопросы национального законодательства страны-работодателя и страны-нахождения иностранного сотрудника, где могут быть значительные расхождения в регулировании трудовых правоотношений.

Тем самым категории цифровых трудящихся-мигрантов, по сути, не являются объектом охраны ни одной из существующих конвенций универсального или регионального уровней.

Исходя из этого, полагаем, что для решения названных проблем созрела необходимость принятия на универсальном международном уровне конвенции или иного соглашения по правовому статусу цифровых трудящихся-мигрантов, в котором были бы определены базовые стандарты труда указанных категорий работников, получив в дальнейшем детализацию в актах регионального характера.

Принятие такого документа будет способствовать реализации концепции Глобального цифрового договора, принятого ООН на Саммите будущего, состоявшемся 22 сентября 2024 года, нацеленного на преодоление цифрового, информационного и инновационного разрыва в мировом сообществе [10].

Резюмируя все вышеописанное, можно утверждать, что регламентация отношений цифровых трудящихся-мигрантов, а также реализации и охраны их трудовых прав нуждается в универсальном и региональном международно-правовом регулировании.

Список использованной литературы:

1. Маколифф М., Оучо Л.А. (под ред.), 2024. Доклад о миграции в мире 2024. Международная организация по миграции (МОМ), Женева. // <https://publications.iom.int/system/files/pdf/pub2023-081-1-world-migration-report-2024-ru.pdf>
2. Ронин В.С., Перегудова А.П. Цифровые трудящиеся-мигранты как феномен современного международного права: проблемы определения и регламентации правового статуса // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 1. – С. 141-146.
3. Волков Ю.Г., Кривоусков В.В., Курбатов В.И. Цифровые мигранты и цифровая диаспора: новые проблемы и тренды международной миграции// Цифровая социология. – 2021. Т. 4. – № 4. – С. 102-108.
4. Международная конвенция ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml
5. Конвенция ООН о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml
6. Рекомендация Международной организации труда № 86 «О работниках-мигрантах» (пересмотренная в 1949 году) // https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@norme
7. Ашыралиева Б.С. Особенности правового регулирования отношений по дистанционной работе. // «XXI Ғасырдағы ғылым және білім» атты V Халықар. ғыл.-тәж. конф. материалдары/ Құраст.: Ж. Қалиев, Ә. Сатылғанов, т.б.– Нур-Султан, 2018. – С. 341-345.
8. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г. № 414-V ЗРК // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414#z138>
9. Резолюция Совета по правам человека ООН A/HRC/32/L.20 // 2016 г. Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете // <https://docs.un.org/ru/A/HRC/32/L.20>
10. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 22 сентября 2024 года. Пакт во имя будущего (Приложение I Глобальный цифровой договор). // <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/1>

Информация об авторе:

АШЫРАЛИЕВА БАЯН СОВЕТБЕКОВНА, кандидат юридических наук, профессор, Алматинский филиал Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖДУ КАЗАХСТАНОМ И РОССИЕЙ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ

Аннотация. Казахстан играет значимую роль в формировании миграционных потоков на евразийском пространстве. Республика выступает одним из центров притяжения трудовых мигрантов из стран Центральной Азии — в частности, из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. Одновременно наблюдается и обратный процесс — эмиграция граждан Казахстана за рубеж в целях трудоустройства, получения образования и улучшения условий жизни.

Среди основных направлений миграции особое место занимает Россия, что обусловлено географической близостью, безвизовым режимом, историческими связями и более высоким уровнем социально-экономического развития.

В статье рассматриваются особенности миграционных процессов между Российской Федерацией и Республикой Казахстан, преимущественно в приграничных регионах. На основе анализа статистических данных выявлены основные направления миграционных потоков, их динамика и факторы, влияющие на масштабы и характер перемещений населения.

Ключевые слова: миграция, эмиграция, иммиграция, трудовые мигранты, приграничные регионы, Россия, Казахстан.

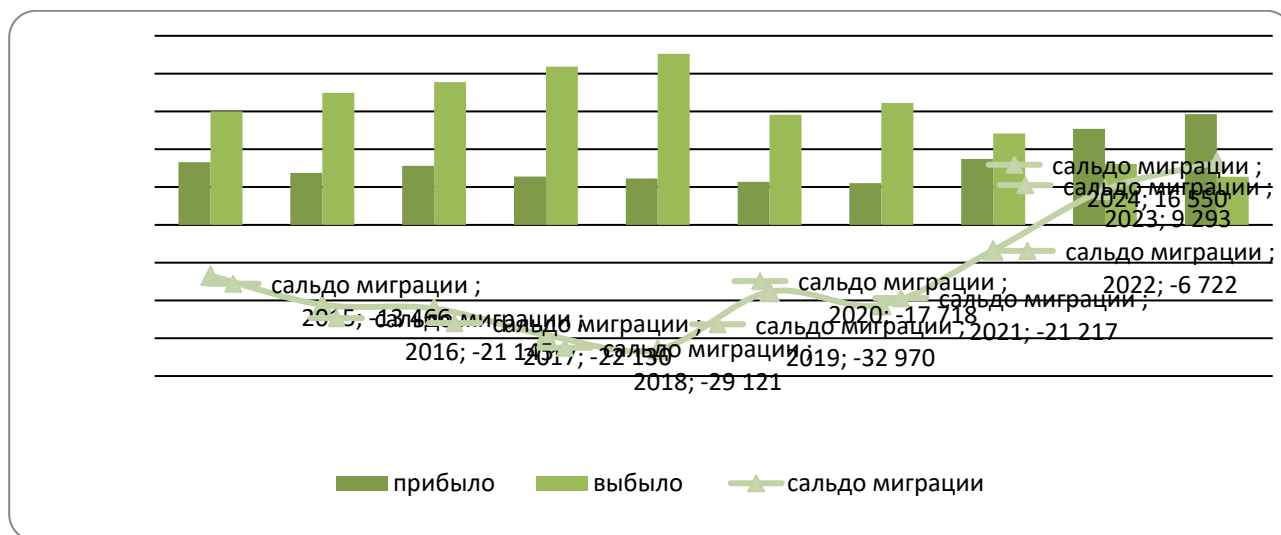
В условиях глобализации миграция населения приобретает всё более выраженный и масштабный характер, оказывая существенное воздействие на социально-экономическое развитие государств. Массовые перемещения людей, связанные с длительным изменением места жительства, формируют новые социальные, культурные и демографические тенденции. На современном этапе в Казахстане присутствуют практически все формы миграционных процессов: внутренняя и внешняя миграция, временная и постоянная, легальная и нелегальная, добровольная и вынужденная. Наиболее распространённым видом остаётся миграция, обусловленная экономическими факторами, включая трудовые, торговые и деловые перемещения. Эмиграционные потоки из Казахстана характеризуются территориальной концентрацией. Наиболее активный отток населения наблюдается в Восточно-Казахстанской, Костанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской и Карагандинской областях. Согласно демографическим прогнозам, при сохранении текущих тенденций к 2050 году численность населения северных регионов Казахстана может сократиться примерно на 600 тысяч человек, тогда как в южных областях ожидается прирост населения на 1,6 миллиона человек. Таким образом, плотность населения южных регионов к середине XXI века может превысить показатели северных областей более чем в четыре раза.

В российских регионах, расположенных вдоль границы с Казахстаном, фиксируется отрицательный миграционный прирост, что сопровождается ростом трансграничной мобильности населения. Одновременно наблюдаются активные межрегиональные перемещения, отражающие специфику трудовых и

образовательных миграционных потоков. Для обеспечения устойчивого социально-экономического развития приграничных территорий требуется проведение взвешенной государственной миграционной политики, учитывающей этнокультурные и демографические особенности регионов. Особое значение приобретает разработка эффективных механизмов социальной адаптации и интеграции иммигрантов, направленных на снижение уровня миграционной напряженности и укрепление социальной стабильности в приграничных районах.

Казахстан, с общей численностью населения около 19 млн человек, одновременно выступает страной как иммиграции, так и эмиграции. За последнее десятилетие для страны характерно отрицательное сальдо миграции: за рассматриваемый период территорию республики покинули около 360,0 тыс. человек, тогда как прибыло порядка 230,0 тыс. человек. Начиная с 2005 года, наблюдается устойчивая тенденция сокращения международной миграции. В 2019 году миграционное сальдо составило около 12,0 тыс. человек, а в 2020 году — 11,4 человек. При этом объем эмиграции из Казахстана возрастал и достиг максимального значения в 2019 году — 45,2 человек. В 2020 году отток населения снизился до 29,1 человек, что, вероятно, связано с ограничениями на передвижение в период пандемии COVID-19.

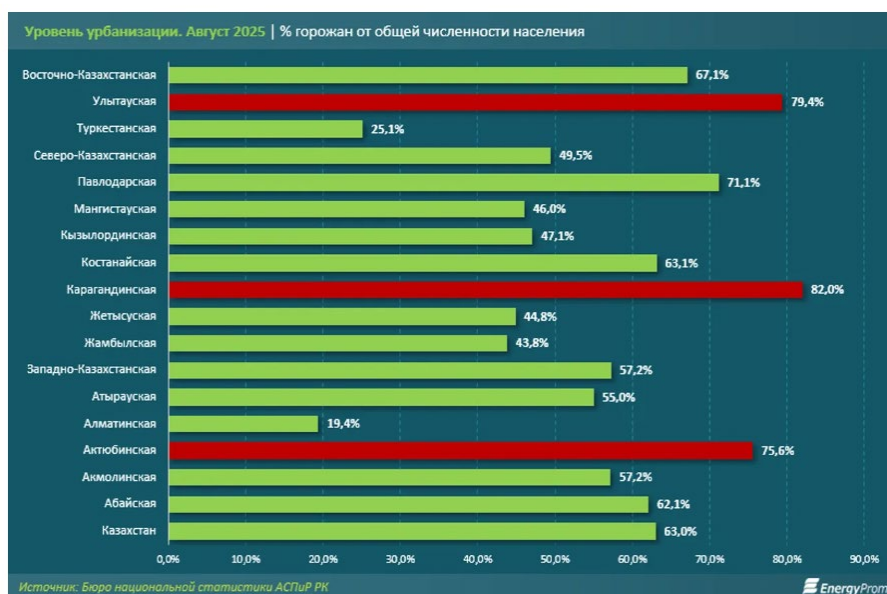
В 2024г. число прибывших в страну составило 29,2 человека, число выбывших из страны 12,7 человека. Сальдо миграции составило 16,5 человека. По сравнению с 2023г. число прибывших в Казахстан увеличилось на 15,3%, число выбывших из Казахстана уменьшилось на 20,9%. Основной миграционный обмен страны происходит с государствами СНГ. Доля прибывших из стран СНГ составила 81,6%, доля выбывших в эти страны 74,8%.

Более 80 % эмигрантов направляются в Российскую Федерацию. Большинство из них — представители русской этнической группы. Этнические немцы составляют около 7–8 % эмиграционного потока, а украинцы — порядка 6–7 %. Подобные тенденции наблюдались и в 1990-е годы после распада Советского Союза, когда происходил масштабный отъезд этнических меньшинств. Несмотря на различие причин, исследователи сходятся во мнении,

что ключевым фактором эмиграции выступают социально-экономические обстоятельства.

В последние годы увеличивается доля этнических казахов среди эмигрантов, выезжающих преимущественно в Россию и Германию с целью получения образования и улучшения экономического положения. По данным Евразийской экономической комиссии, в 2019 году более 136,0 тыс. граждан Казахстана прибыли в Россию для трудоустройства. В 2019/2020 учебном году в российских вузах обучалось свыше 63 тыс. студентов из Казахстана. Согласно статистическим данным, около 10 % казахстанских студентов получают образование за рубежом, при этом примерно 35 % из них, по прогнозам, не возвращаются на родину.

Статистические данные также указывают на рост эмиграции из Казахстана в Российскую Федерацию: в 2010 году страну покинули 23,5 человек, тогда как в 2019 году — уже 39,7 человека. При этом объём иммиграции из России в Казахстан снижается: в 2019 году в страну прибыли лишь 3,4 человека, что подтверждает тенденцию к общему спаду притока мигрантов из РФ. Наряду с международной миграцией активно развивается внутренняя. По данным Министерства труда, несмотря на временное снижение миграционной активности в период пандемии, в 2020 году уровень внутренней миграции был в два раза выше, чем в 2015 году. Главными направлениями внутренней миграции остаются города республиканского значения и промышленные регионы Западного Казахстана.

Особое внимание заслуживает рост молодежной миграции. Согласно данным Бюро национальной статистики, в 2024 году число граждан в возрасте от 14 до 34 лет, сменивших место жительства внутри страны, превысило 538 тыс. человек, что на 27,3 % больше, чем годом ранее. Миграционное сальдо молодежи составило 10,6 тыс. человек — наибольший показатель за последние годы.

В 15 из 20 регионов Казахстана (за исключением Астаны, Алматы, Мангистауской и Алматинской областей) наблюдается отрицательное сальдо молодежной миграции, то есть отток превышает приток. Основными центрами

притяжения остаются города республиканского значения: в 2024 году в Астану переехали 99,7 тыс. молодых граждан, в Алматы — 88,4 тыс. человек. Несмотря на то, что часть молодежи также уезжает из мегаполисов, именно эти города сохраняют наибольшее положительное миграционное сальдо: 32,7 тыс. человек в Астане и 24 тыс. человек в Алматы. Совокупно на долю двух крупнейших городов приходится почти 49 % всей внутренней молодежной миграции.

Таким образом, миграционные процессы в Казахстане демонстрируют комплексный характер. Внешняя миграция характеризуется преобладанием оттока населения, главным образом в Россию и страны СНГ, тогда как внутренняя миграция сосредотачивается в направлении крупных городов и экономически развитых регионов. Эти тенденции отражают неравномерность социально-экономического развития страны и требуют совершенствования государственной политики в сфере регулирования миграции и распределения трудовых ресурсов.

Миграционные процессы, охватывающие молодежные группы населения, являются важнейшей составляющей демографического и социально-экономического развития Казахстана. Молодежная миграция имеет как внутренний, так и внешний характер.

Внутренняя миграция включает перемещения между регионами внутри страны, тогда как внешняя миграция охватывает выезд за пределы Казахстана и въезд иностранных граждан в республику.

На миграционное сальдо, характеризующее общий баланс миграции, основное влияние оказывает именно внешняя составляющая. В 2024 году миграционное сальдо молодежи составило 10,6 тыс. человек, что отражает разницу между числом прибывших и выбывших молодых граждан. В отчетном периоде в Казахстан прибыло 13,9 тыс. молодых иммигрантов (рост на 21,2 % за

год), при этом 3,3 тыс. человек эмигрировали за границу (снижение на 21,8 %). Таким образом, положительное миграционное сальдо, формируемое внешней миграцией молодежи, сохраняется с 2022 года. Этот результат обусловлен одновременно увеличением притока иммигрантов и сокращением числа эмигрантов.

Рост иммиграции молодежи в Казахстан наблюдается с 2022 года и во многом связан с геополитическими событиями — началом военных действий между Россией и Украиной и проведением частичной мобилизации в Российской Федерации. В этот период в Казахстан усилился приток временных релокантов и постоянных иммигрантов из соседних стран. Процесс продолжается и по настоящее время: в 2024 году число молодых иммигрантов достигло максимального значения — 13,9 тыс. человек. По данным Бюро национальной статистики, 83,1 % из них являются выходцами из стран СНГ. На текущий момент тенденций к снижению численности молодежных иммигрантов не наблюдается. В то же время значительные масштабы сохраняет внутренняя миграция молодежи. В 2024 году в пределах Казахстана сменили место жительства 518,3 тыс. человек в возрасте от 14 до 34 лет. Из них 357,7 тыс. составляют жители городов и 148,6 тыс. — сельской местности. Наиболее активные миграционные потоки наблюдаются со стороны сельской молодежи, переезжающей в города как внутри своего региона, так и за его пределами. Особенно выражен отток молодых людей из южных областей — Алматинской, Туркестанской и Жамбылской. За последние годы во всех сельских регионах Казахстана фиксируется отрицательное сальдо молодежной миграции, исключение составляет только Алматинская область, что объясняется усилением миграционного потока в Алматинскую агломерацию.

Рост внутренней миграции напрямую связан с процессами урбанизации. Уровень урбанизации в Казахстане на конец 2024 года составил 62,4 %, а в августе 2025 года достиг 63 %. Для сравнения, в августе 2019 года этот показатель не превышал 58,3 %, что свидетельствует о заметном ускорении урбанизационных процессов. Однако столь интенсивный рост урбанизации сопровождается рядом социально-экономических вызовов, поскольку инфраструктура крупных городов не всегда готова к приему значительного количества новых жителей.

Наибольшая доля городского населения наблюдается в промышленно развитых регионах страны: в Карагандинской области — 82 %, в Улытауской — 79,4 %, в Актюбинской — 75,6 %..

Вместе с тем в отдельных областях преобладает сельское население: в Туркестанской области — около 75 %, в Алматинской — порядка 80 %. Это свидетельствует о выраженной региональной дифференциации уровня урбанизации и необходимости выравнивания социально-экономических условий между областями.

Современные данные также показывают, что общий объем миграции из Казахстана имеет тенденцию к росту. Так, в 2019 году из страны выехало порядка 32 тыс. человек, а в 2020 году — уже 37,8 тыс. человек. Основную часть эмигрантов по-прежнему составляют представители русской и русскоязычной

групп населения. Среди причин эмиграции называются более благоприятные социальные условия в России — более ранний выход на пенсию, наличие системы материнского капитала, а также различные социальные льготы, отсутствующие в Казахстане.

Следует отметить, что официальная статистика трудовых мигрантов из Казахстана в государствах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) не ведется, поскольку в рамках ЕАЭС действует единый рынок труда, и гражданам Казахстана не требуется получение специальных разрешений для работы в России. Важным фактором, способствующим миграции, является соглашение об упрощенном порядке пересечения границы между Казахстаном и Россией, действующее уже около двух десятилетий. В перспективе решение миграционных проблем требует комплексного подхода, включающего не только совершенствование механизмов регулирования миграции, но и реализацию стратегий социально-экономического развития приграничных территорий. Эффективное управление миграционными процессами, особенно молодежными, должно стать одним из ключевых направлений государственной политики, направленной на обеспечение устойчивого демографического баланса и повышение качества человеческого капитала в стране.

Литература

1. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Официальный сайт: <https://stat.gov.kz/>
2. Министерство торговли и интеграции Республики Казахстан. Доклады и аналитические материалы.
3. OECD (2023). Digital Economy Outlook. Paris: OECD Publishing.
4. UNCTAD (2023). E-Commerce and Digital Economy Reports. Geneva: United Nations.
5. Альмухамедова Н. Внешняя миграция Казахстана: из каких регионов уезжает население // «МИА «Казинформ». URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/51991/> (дата обращения: 12.04.2022)
6. Джанталеева М. Ш. Тенденции развития в сфере приграничного России и Казахстана // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 100–104

Информация об авторе:

ТОГЖАНОВА АЛИНА КАДЫРОВНА, магистр экономических наук, Западно-Казахстанский университет им. М.Утемисова, Уральск, Казахстан

МИГРАЦИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ НА ТРУДОВЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОТОКИ

В современном мире цифровая трансформация оказывает значительное влияние на социально-экономические процессы, включая миграцию. Развитие онлайн-образования, цифровых платформ для трудоустройства и различных сервисов радикально меняет способы, с помощью которых люди принимают решения о переезде и адаптируются в новых странах. В данной статье рассматривается, как цифровые технологии формируют миграционные стратегии, создавая новые возможности и одновременно новые вызовы для трудовых и образовательных потоков.

Развитие цифровых платформ и сервисов радикально изменило структуру мирового рынка труда. Возможность работать дистанционно через онлайн-платформы - такие как Upwork, Fiverr, TopTal - сделала процесс поиска работы глобальным и независимым от географических границ. Работник теперь может быть частью международной команды, не покидая своего города, а компании получают доступ к талантам из любой точки мира. Это формирует новый тип мобильности - цифровую миграцию, при которой перемещение происходит не физически, а в профессиональном и экономическом пространстве.

Платформенная экономика значительно упрощает выход на международные рынки труда, снижая влияние визовых, бюрократических и экономических ограничений. Миграционные процессы становятся более гибкими: специалисты могут выбирать краткосрочные проекты, комбинировать работу в разных странах и секторах, а также сохранять экономическую связь с родиной. Такой формат труда способствует росту независимых профессионалов и развитию транснациональных трудовых сообществ, объединённых цифровыми технологиями.

Однако вместе с новыми возможностями усиливаются и новые вызовы. Успешное участие в цифровой экономике требует высокого уровня цифровой грамотности, умения управлять личным брендом в онлайн-пространстве и адаптироваться к быстро меняющимся технологическим требованиям. В этих условиях становится особенно важным развитие навыков самоорганизации, коммуникации в виртуальной среде и критического мышления. Отсутствие таких компетенций может ограничить конкурентоспособность на международном уровне и сузить возможности участия в глобальных трудовых потоках.

Цифровизация тем самым не только облегчает доступ к зарубежным возможностям, но и меняет саму природу трудовой миграции. Она превращает её из физического перемещения в процесс профессиональной интеграции в глобальное цифровое пространство, где границы между странами всё чаще определяются не географией, а уровнем технологического доступа и цифровой компетентности.

Цифровизация радикально изменила характер образовательной миграции, превратив процесс обучения в гибкую и транснациональную систему. Онлайн-образование и дистанционные курсы предоставляют возможность получать качественные знания без необходимости физического перемещения, что особенно

важно для молодых специалистов из развивающихся стран. Платформы вроде Coursera, edX, UdeMy или FutureLearn позволяют осваивать программы ведущих мировых университетов, адаптироваться к академическим требованиям и выстраивать стратегию дальнейшего обучения за рубежом.

Благодаря этому цифровые технологии уменьшают разрыв между образовательными системами стран происхождения и принимающих государств. Теперь студент из Казахстана, Нигерии или Индии может изучать те же курсы, что и его сверстник из Лондона или Торонто, а затем использовать полученные сертификаты как ступень к поступлению в зарубежные университеты. Такой подход способствует формированию глобального образовательного капитала - набора знаний, навыков и культурных кодов, позволяющих молодым людям интегрироваться в мировое академическое пространство.

Образовательная миграция всё чаще начинается в цифровом формате: студенты сначала обучаются дистанционно, затем участвуют в международных онлайн-проектах, а после - переходят к очному обучению за рубежом. Этот «гибридный путь» снижает финансовые и логистические барьеры, делая международное образование более доступным. В то же время он формирует новые ожидания - гибкость, самостоятельность, умение учиться онлайн и управлять собственным образовательным маршрутом. Таким образом, цифровые технологии становятся не просто инструментом обучения, а стратегическим фактором, определяющим новую географию образовательной миграции.

Современные цифровые инструменты радикально изменили способы подготовки и реализации миграционных стратегий. Социальные сети, мессенджеры, тематические форумы и мобильные приложения стали не просто каналами коммуникации, а полноценными инструментами навигации в миграционном пространстве. Через такие платформы, как LinkedIn, Telegram, Facebook или специализированные миграционные чаты, потенциальные мигранты получают актуальную информацию о возможностях трудоустройства, уровне жизни, стоимости аренды жилья, образовательных программах и правовых аспектах пребывания за рубежом.

Для граждан Республики Казахстан цифровые сервисы стали ключевым звеном в процессе подготовки к миграции. Например, миллионы пользователей участвуют в Telegram-каналах, посвящённых учебе и работе за рубежом, где они обмениваются рекомендациями по подаче документов, подготовке к IELTS или поиску жилья в Великобритании, Канаде и Южной Корее. Сообщества казахстанских студентов в Facebook и LinkedIn помогают выстраивать профессиональные и академические сети ещё до отъезда, что снижает уровень неопределённости и ускоряет процесс адаптации после прибытия в новую страну.

Доступ к цифровым источникам информации делает миграционные решения более осознанными и стратегическими. Теперь выбор страны и вуза или работодателя основан не на случайных советах, а на анализе реальных данных, отзывов и рейтингов. В результате цифровизация снижает риски миграции, позволяет моделировать будущие сценарии и планировать карьерный путь заранее. Для Казахстана это особенно актуально, поскольку значительная часть молодых специалистов стремится получить международный опыт, сохраняя при этом связь с

отечественным рынком труда и возможностью вернуться, обогащёнными глобальными знаниями и компетенциями.

Люди больше не зависят от посредников или случайных советов - они опираются на открытые источники данных и коллективный опыт. В результате формируется новая культура миграции, где ключевую роль играет цифровая компетентность и способность использовать технологии для построения личной и профессиональной траектории. Цифровизация тем самым не только упрощает процесс миграции, но и делает его более осознанным, безопасным и стратегически выверенным.

Цифровая миграция порождает новые социально-экономические эффекты, трансформируя традиционные представления о мобильности рабочей силы. Для стран происхождения, таких как Республика Казахстан, этот процесс становится инструментом снижения «утечки мозгов». Всё больше квалифицированных специалистов - программистов, дизайнеров, аналитиков, консультантов - работают на зарубежные компании дистанционно, оставаясь при этом в своей стране. Такой формат занятости позволяет сохранять человеческий капитал внутри государства, поддерживая национальную экономику и налоговую базу, при этом обеспечивая специалистам конкурентные доходы и международный опыт.

Для стран назначения цифровая миграция открывает доступ к высококвалифицированным кадрам без необходимости решать визовые и бюрократические вопросы. Компании из США, Европы или Южной Кореи активно нанимают специалистов из Казахстана и других развивающихся стран через платформы вроде Upwork, Toptal, Remote.com. Это снижает издержки работодателей и способствует формированию глобального распределённого рынка труда, где качество работы становится важнее географического расположения.

Сами мигранты получают новые возможности профессионального роста, гибкости и финансовой независимости. Однако вместе с преимуществами усиливаются и риски: успех в цифровой экономике напрямую зависит от уровня цифровой грамотности, стабильности интернет-инфраструктуры и умения адаптироваться к требованиям быстро меняющегося рынка. Для Казахстана это означает необходимость развивать цифровые навыки населения, повышать доступ к высокоскоростному интернету и укреплять национальные экосистемы удалённой занятости. Таким образом, цифровая миграция становится не просто формой занятости, а стратегическим фактором социально-экономического развития, влияющим на конкурентоспособность страны в глобальном цифровом пространстве.

Цифровая эпоха преобразила природу миграционных процессов, сделав их более гибкими, технологичными и интегрированными в глобальное пространство. Трудовая и образовательная миграция всё чаще происходит в цифровом формате - через онлайн-курсы, удалённую занятость и международные цифровые сообщества. Такие изменения создают новые возможности для экономического роста, профессионального развития и международного сотрудничества, при этом снижая барьеры для участия в глобальном рынке труда и образовании. Для Казахстана это открывает шанс не только удерживать талантливых специалистов внутри страны, но и интегрировать национальную экономику в мировую цифровую экосистему.

Тем не менее, цифровая миграция требует осознанной государственной и институциональной поддержки. Недостаток цифровых навыков, языковых компетенций и устойчивой онлайн-инфраструктуры может стать барьером на пути к полноценному включению в международное профессиональное сообщество. Кроме того, необходимо учитывать социальные риски - неравный доступ к технологиям, рост конкуренции и психологическую нагрузку, связанную с удалённой работой и виртуальной коммуникацией.

Рекомендации:

1. Развивать цифровую грамотность населения, включая программы повышения квалификации для специалистов разных отраслей.
2. Создавать национальные платформы удалённой занятости, которые позволят казахстанским специалистам безопасно и легально работать на международные компании.
3. Поддерживать онлайн-образование и академические обмены, интегрируя ведущие мировые курсы и сертификации в национальные образовательные программы.
4. Стимулировать исследовательские проекты по изучению влияния цифровой миграции на экономику, рынок труда и социальные процессы.
5. Укреплять цифровую инфраструктуру - обеспечивать стабильный интернет-доступ, кибербезопасность и равные возможности для участия в цифровой экономике.

Таким образом, цифровая миграция - это не временный тренд, а стратегическое направление развития, требующее системного подхода и координации усилий государства, бизнеса и образовательных институтов. Казахстан, обладая высоким человеческим потенциалом, способен стать одним из лидеров в формировании устойчивой модели цифровой мобильности, объединяющей инновации, инклюзивность и глобальную конкурентоспособность.

Список использованной литературы

1. Азимов А. Д. Развитие сектора занятости и миграции как один из факторов обеспечения социальной защиты страны / А. Д. Азимов, Ш. Азизов // Вопросы науки и образования. - 2024. - № 11 (183). – С. 1-4.
2. Билан Ю., Мищук Г., Олийник О. Миграция высококвалифицированных работников как фактор развития цифровой экономики. Knowledge and Performance Management, том 9, № 2 (2025), с. 113–123.
3. Ким А. С. Проблема модернизации миграционной политики: социологические и политико-правовые аспекты /А. С. Ким, Э. Ш. Тешебаева // Теория и практика общественного развития. - 2025. - № 3. – С. 1-10.
4. Шатунова Д. С. Миграционная политика в контексте экономической безопасности / Д. С. Шатунова, Р. В. Шагошев // Вестник науки. - 2024. - № 12 (81). – С. 496-500.
5. Курманова Г.К., Суханбердина Б.Б., Ким А.А., Уразова Б.А. Миграционные процессы в современном казахстанском обществе. Вестник университета «Туран». 2020;(2):74-79.

Информация об авторах:

ПРИМБЕТОВА САУЛЕ ЧУКАЕВНА, БИСЕНОВА ГАУХАР НАДЫБАЕВНА, Западно-Казахстанский университет им. М.Утемисова,Уральск, Казахстан

ЦИФРОВЫЕ МИГРАНТЫ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ

Сегодня сложились следующие основные парадигмы изучения цифровой миграции: 1) анализ поведения мигрантов в киберпространстве; 2) характеристики повседневной жизни мигрантов и их выражение в цифровом формате; 3) данные статистики о мигрантах; 4) отслеживание транснациональных цифровых связей между мигрантами и мигрантскими общинами. Нам представляется необходимым добавление системных методов оценки сообщений в мигрантских социальных сетях, становящихся новым типом информационно-коммуникационного взаимодействия в виде мигрантских социальных медиа, что выражает собой междисциплинарный подход и медиацентричность исследования.

Понятие «Цифровая миграция» является весьма неоднозначным и неоднородным, осмысление этого понятия с точки зрения его различных смысловых коннотаций и разнообразных исследовательских подходов, что предполагает уточнение характеристик цифровой диаспоры как среды функционирования, адаптации и формирования цифровой идентичности мигрантов.

Цифровая глобализация как выражение информационной эпохи характеризуется массовой представленностью мигрантов в социальных сетях, их информационной самопрезентацией и самореализацией, развитием новых форм социальной адаптации мигрантов в трансграничном информационном пространстве. Доминирующей формой проявления и позиционирования мигрантов в принимающем обществе становится цифровая виртуальная коммуникация мигрантов как между собой, так и с обществом и его социальными и государственными институтами. Это находит свое выражение в создании виртуальных сетевых мигрантских сообществ, формировании мигрантских «цифровых диаспор», в которых происходит цифровая адаптация мигрантов и формируется их виртуальная идентичность, что дает возможность исследователям характеризовать их как «цифровых мигрантов». Указанные тенденции порождают новые социальные практики, выражающиеся в формировании новых трендов международных миграционных процессов, выявление и исследование которых является актуальной исследовательской задачей, поскольку представляет собой осмысление современных тенденций глобальной социальной динамики и должно служить основой для выработки национальной миграционной политики.

Цифровизация миграции стала фактором представленности мигрантов в социальных сетях, в создании виртуальных сетевых мигрантских комьюнити, их позиционировании там, информационной самопрезентации и самореализации, развитии новых форм социальной адаптации мигрантов в трансграничном информационном пространстве, формировании мигрантских цифровых диаспор. Это явление характеризует одну из новых тенденций международных миграционных процессов, а также представляет собой новое мигрантское медиа, которое отражает, как отмечают О. Бэйквелл, Дж. Энгберсе, М. Фонсека, К. Хорст и Э. Хайес1, «Механизмы обратной связи мигрантов» между собой, между

цифровыми мигрантскими диаспорами и обратной связи с принимающим обществом, его социальными и государственными институтами. Исследования показывают, что формирование цифровой миграции имеет тенденцию к формированию цифровой транснациональной идентичности мигрантов.

Указанные обстоятельства характеризуются тем, что многие социальные связи и взаимодействия мигрантов перемещаются в цифровую виртуальную сферу, сферу социальных мигрантских сетей, что некоторым образом порождает новую реальность – реальность цифровую и виртуальную. Виртуальный цифровой мир и представленность мигрантов в социальных сетях могут трактоваться как мигрантские социальные медиа, поскольку информационное взаимодействие в этом мире сразу приобретает статус публичности. Социальные медиа расширяют возможности информационного взаимодействия по всему спектру социальной адаптации, трудоустройства, быта и коммуникационного взаимодействия, делает такие коммуникации оперативными, глобальными и достаточно безопасными. Данная реальность, как виртуальное бытие информационного общества, в определенном плане дополняет ту реальность, которая считается традиционной, но с другой стороны, порождает ряд сложных и противоречивых отношений.

Информационная эпоха с ее новыми технологиями предоставляет новые возможности для разрешения этих противоречий. Сегрегированные этнические мигрантские общины трансформируются в онлайн-сообщества, которые принято называть цифровыми диаспорами. Цифровая диаспора (англ. digital diaspora) представляет собой виртуальное сообщество мигрантов, взаимодействие которых происходит на основе информационно-коммуникационных технологий и является местом обмена новостями, идеями, местом публичных дискуссий и местом формирования отношений. За рубежом исследования цифровой диаспоры начались в конце 1990-х гг. Началом этого процесса можно считать пионерскую работу Р. Ховарда [Howard, 1993] о формировании виртуальных комьюнити. В спектр исследований таких авторов, как А. Брах, Р. Кохен, К. Андерссон, К. Димандаки, С. Понзанеси, Э. Эверетт и других вошли вопросы методологии исследования цифровой диаспоры, осмысления разновидностей цифровых диаспор – «электронных диаспор», «кибер-диаспор» и «сетевых диаспор».

Можно констатировать возникновение концептуального консенсуса относительно понимания тех способов, посредством которых цифровые отношения наполнили новым смыслом различные характеристики международной миграции. Это, как отмечает А. Брах [Brah, 1996], достаточно емко выражается в картографировании современной международной миграции. Уже стало общим местом понимание сообщества мигрантов во всем спектре их информационных взаимодействий в мигрантских социальных сетях как виртуальной сетевой организации. Данная виртуальная сетевая организация имеет свой специфический виртуальный дискурс. Это дискурс виртуального этнического сообщества, реализующий этнические ценности и этнический сетевой капитал на общепринятом сленге цифровой коммуникации. На основе цифровой диаспоры, которая по замечаниям М. Маклюэна, Э. Дикера и Дж. Пэвлика, является новым медиа, с помощью которого осуществляется самоопределение личности мигранта, его самовыражение, самореференция, самораскрытие и самопредъявление. Нам

представляется, что именно таким путем в виртуальном цифровом мире осуществляется виртуальное конструирование собственного образа мигранта, а значит, реализуется процесс конструирования индивидуальной цифровой идентичности.

Для конструирования виртуальной цифровой идентичности в мигрантских социальных сетях, в цифровой диаспоре для формирования персонального виртуального «Я» привлекаются следующие информационные ресурсы, как: 1) социальные, социетальные, персонально-личностные и профессиональные профили; 2) ресурсы социальной адаптации мигрантов в цифровой диаспоре, которые определяются глобальными информационно-коммуникационными ресурсами; 3) цифровая диаспора как виртуальное этнонациональное сообщество является информационным ресурсом, на основе которого формируется электронная платформа социальных сетей; 4) электронные платформы являются новыми жанрово-драматургическими и сценическими площадками, 5) электронные платформы также становятся формой обучения, формой бытового и профессионального тренинга, способом информационного взаимодействия, культурной адаптации и способом взаимосвязи с себе подобными; 6) перечисленные выше ресурсы с помощью глобальных медиа-информационных средств (коммуникационных, тестовых, графических, видео и аудио выразительных возможностей осуществлять наиболее оптимальную в информационном обществе социальную адаптацию мигрантов; 7) медиа-информационные ресурсы социальных сетей дают возможность управления впечатлениями, как о персональном «Я», так и о виртуальном сообществе с помощью персонального профайла, в котором мигрант конструирует свое персональное «Я»; 8) социальные сети, как отмечают Э. Дикер2, М. Маклюэн [McLuhan, 2007], Дж. Пэвлик [Pavlik, 2008], предоставляют для этой цели техническую, технологическую, программную, унификационно-лингвистическую и коммуникационно-организационную инфраструктуры. Медийные характеристики цифровой диаспоры являются не только средствами общения между мигрантами, но также и выступают способами самовыражения мигрантов, предъявления партнерам по информационно-коммуникационному взаимодействию своих взглядов, оценок, отношения к тем или иным событиям. Конструирование индивидуальной идентичности мигранта в цифровой диаспоре является необходимым этапом его социальной адаптации на медийной платформе глобального информационно-коммуникационного взаимодействия.

Этот процесс конструирования индивидуальной идентичности представляется нам достаточно сложным. Кроме того, что он является личностной рефлексией, он включает в себя самоопределение личности мигранта, что всегда связано с личностным развитием и ростом, с формированием и развитием его индивидуальности. Следует отметить, что если для поддержания статуса члена цифровой этнонациональной общины и групповой солидарности мигранту достаточно быть представителем данного цифрового сообщества, что подтверждается следующими факторами: 1) используемыми соответствующими этнонациональными маркерами в жанрово-драматургической медийной схеме в оценке тех или иных реальных фактов, событий отношений или виртуальных конструкторов; 2) отражением фактов и событий в информационно-медийной сфере;

3) конструированием индивидуальной идентичности в цифровой сфере; 4) ресурсами социальных, социетальных, персонально-личностных и профессиональных профилей; 5) электронные ресурсы выступают основой трансграничной коммуникации, что в дальнейшем создает предпосылки для трансграничной цифровой виртуальной идентичности. Эти ресурсы приобретаются в индивидуальной биографии мигранта, а не являются изначально предзаданными в связи с его принадлежностью к этнонациональной группе, представленной в цифровой диаспоре. Следующими важными особенностями, характеризующими социальную адаптацию мигрантов в цифровой диаспоре, являются те особенности, которые определяются глобальными информационно-коммуникационными ресурсами.

К таковым нужно отнести: 1) цифровую диаспору как виртуальное этнонациональное сообщество, которое использует платформу социальных сетей как новую жанрово-драматургическую сценическую площадку, позволяющую с помощью глобальных медиа-информационных средств (коммуникационных, тестовых, графических, видео и аудио выразительных возможностей) осуществлять социальную адаптацию мигрантов; 2) медиа-информационные ресурсы социальных сетей, дающие возможность конструирования этнонациональной групповой и персонально-личностной идентичности; 3) медиа-информационные ресурсы социальных сетей, позволяющие управлять впечатлениями, так и о виртуальном сообществе с помощью персонального профайла, в котором мигрант конструирует свое виртуальное; 4) социальные сети, которые предоставляют для указанной цели техническую, технологическую, программную, лингвистическую и коммуникационно-организационную инфраструктуру.

Понятие «Цифровая миграция» вошло в исследовательское поле и наполнено различными смыслами, в частности, характеристиками «связанных мигрантов», «медиа-мигрантов», в соответствие с чем «цифровая миграция» трактуется как «цифровое единение», «совместное присутствие на основе информационно-коммуникационных технологий», «виртуальная близость» и в конечном случае, «транснационализм онлайн». Согласно этому цифровой мигрант представляет собою новый объект информационной цифровой реальности, выступающий одновременно и как субъект сложных социальных и информационно-коммуникационных отношений, так и достаточно многозначный концепт с точки зрения разных исследовательских подходов.

Цифровизация миграции стала фактором представленности мигрантов в социальных сетях, в создании виртуальных сетевых мигрантских комьюнити, в соответствии с чем цифровая диаспора это электронная платформа этнических социальных сетей, которая основана на доступе мигрантов к виртуальному публичному контенту, являясь при этом: – новым мигрантским медиа, которое является местом встречи в повседневной жизни мигрантов; – местом поиска работы и территории проживания, местом обмена; – цифровая диаспора, являясь виртуальным сообществом мигрантов, становится элементом киберпространства: – она выступает электронной средой обитания цифровых мигрантов; – является новой разновидностью социальности, информационно-коммуникационной социальности, выступая как цифровой конструкт; – цифровая диаспора также

является информационным квазиинститутом, для которого характерна своя собственная структура, горизонтальная иерархия, организация коммуникации, принципы, ценности и нормы воспроизводства этно-мигрантского социального капитала и формирование на его основе новых тенденций цифровой адаптации и цифровой идентичности мигрантов.

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP26103687 «Цифровая миграция: новые горизонты социально-экономического развития и правовая интеграция»).

Список источников

1. Маклюэн М. (2007). Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле. 464 с.
2. Baldassar L., Nedelcu M., Merla L., Wilding R. (2016). ICT-based co-presence in transnational families and communities: Challenging the premise of face-to-face proximity in sustaining relationships // *Global Networks*. V. 16, no. 2. Pp. 133–144. <https://doi.org/10.1111/glob.12108>
4. Brah A. (1996). *Cartographies of diaspora: contesting identities*. London: Routledge. 292 p.
5. Durham M.G. (2004). Constructing the “new ethnicities”: Media, sexuality and diaspora identity in the lives of South Asian immigrant girls // *Critical Studies in Media Communication*. V. 21, no. 2. Pp. 140–161. <https://doi.org/10.1080/07393180410001688047>
7. Howard R. (1993). *The virtual community*. London: Mandarin. 325 p.
8. Marino S. (2016). Making space, making place: Digital togetherness and the redefinition of migrant identities online // *Social Media + Society*. Pp. 1–9. <https://doi.org/10.1177/2056305115622479>
10. Цифровая социология / Т. 4 , № 4 / 2021
12. Pavlik J.V. (2008). *Media in the digital age*. New York: Columbia University Press. 346 p.
13. Prensky M. (2001). Digital natives, digital immigrants // *On the Horizon*. V. 9, no. 5. Pp. 1–6. <https://doi.org/10.1108/10748120110424816>
14. Thumim N. (2012). *Self-representation and digital culture*. New York: Palgrave Macmillan. 205 p. <https://doi.org/10.1057/9781137265135>
15. Wang F., De Filippi P. (2020). Self-sovereign identity in a globalized world: Credentials-based identity systems as a driver for economic inclusion // *Frontiers in Blockchain*. V. 2. Art. 28. <https://doi.org/10.3389/fbloc.2019.00028>

Информация об авторе:

МУСАЛИЕВА РОЗА ДЖАЛИЛОВНА, кандидат технических наук, ассоциированный профессор, АЛТ университет им. М. Тынышпаева

ТАЖМУРАТОВА АСЫЛ АЛДАНОВНА, PhD докторант, АЛТ университет им. М. Тынышпаева

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация

В данных тезисах государственно-правовое регулирование миграционных потоков рассматривается как ключевой фактор, влияющий на национальную безопасность государства. Анализируется взаимосвязь между эффективной миграционной политикой и стабильностью социально-экономического развития, подчеркивается необходимость комплексного подхода к управлению миграцией, включающего в себя как привлечение квалифицированных кадров, так и противодействие нелегальной миграции и связанным с ней угрозам, таким как преступность и экстремизм. В заключение подчеркивается, что эффективное государственно-правовое регулирование миграционных процессов является необходимым условием для обеспечения национальной безопасности, сохранения культурной идентичности и предотвращения социальных конфликтов.

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP26103687 «Цифровая миграция: новые горизонты социально-экономического развития и правовая интеграция»).

Введение

Глобализация и возрастающая взаимосвязанность мира привели к беспрецедентному росту миграционных потоков, оказывающих существенное влияние на социально-экономическое, культурное и политическое развитие государств. Казахстан, расположенный в центре Евразии и обладающий значительным экономическим потенциалом, не является исключением. Страна выступает как транзитным, так и принимающим государством для мигрантов из различных регионов, что требует комплексного и эффективного государственно-правового регулирования миграционных процессов. Актуальность данной темы обусловлена не только необходимостью управления демографическими изменениями и экономическим развитием, но и важностью обеспечения национальной безопасности, под которой понимается защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Неэффективное регулирование миграции может привести к возникновению социальных напряжений, криминализации, распространению экстремистских идеологий и другим угрозам национальной безопасности. В связи с этим, данное исследование ставит целью рассмотреть ключевые аспекты государственно-правового регулирования миграционных потоков в контексте обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан, выявить существующие проблемы и предложить возможные пути их решения. Данная статья, опираясь на анализ законодательства, научных исследований и экспертных оценок, стремится внести вклад в формирование эффективной миграционной политики, отвечающей

интересам национальной безопасности Казахстана.

Материалы и методы

В качестве методологической основы исследования использованы общенаучные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции. При анализе нормативно-правовых актов применялся формально-юридический метод, позволяющий выявить содержание и структуру правовых норм, регулирующих миграционные отношения. Исторический метод был использован для изучения эволюции миграционной политики Казахстана и выявления тенденций ее развития. Кроме того, применялся сравнительно-правовой метод для сопоставления миграционного законодательства Казахстана с опытом других стран, а также метод экспертных оценок, включающий анализ научных публикаций и комментариев специалистов в области миграции и национальной безопасности. В ходе исследования были изучены: Конституция Республики Казахстан, законы Республики Казахстан "О миграции населения", "О правовом положении иностранцев", "О гражданстве Республики Казахстан", а также международные договоры, ратифицированные Казахстаном. Кроме того, были проанализированы официальные статистические данные, отчеты государственных органов и аналитические материалы, посвященные миграционным процессам в Казахстане.

Результаты

Анализ государственно-правового регулирования миграционных потоков в Казахстане позволяет выделить несколько ключевых направлений. Во-первых, это регулирование въезда, пребывания и выезда иностранцев и лиц без гражданства. Законодательство устанавливает различные категории виз и разрешений на временное или постоянное проживание в зависимости от целей пребывания в стране. Важную роль играет система квотирования иностранной рабочей силы, призванная обеспечить приоритет трудоустройства для граждан Казахстана. Вместе с тем, чрезмерное ограничение иностранной рабочей силы может негативно сказаться на экономическом развитии страны, особенно в тех отраслях, где наблюдается дефицит квалифицированных кадров.

Во-вторых, это регулирование процессов натурализации и приобретения гражданства. Закон "О гражданстве Республики Казахстан" определяет условия и порядок приобретения гражданства по рождению, по происхождению, в порядке натурализации, а также по другим основаниям, предусмотренным международными договорами. Решение о предоставлении гражданства принимается с учетом интересов национальной безопасности и соблюдения Конституции и законов Республики Казахстан.

В-третьих, это регулирование деятельности государственных органов, осуществляющих контроль и надзор за соблюдением миграционного законодательства. К таким органам относятся Министерство внутренних дел, Комитет национальной безопасности, Пограничная служба, а также местные исполнительные органы. Эффективная координация деятельности этих органов является необходимым условием для предотвращения нелегальной миграции, торговли людьми и других преступлений, связанных с миграцией.

В-четвертых, это международное сотрудничество в сфере миграции. Казахстан активно сотрудничает с международными организациями и другими государствами

в целях борьбы с нелегальной миграцией, торговли людьми и другими транснациональными преступлениями. Важную роль играет участие Казахстана в региональных интеграционных объединениях, таких как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), которые предусматривают упрощенный порядок трудоустройства и пребывания граждан стран-участниц.

Несмотря на наличие развитой правовой базы, регулирующей миграционные процессы, в Казахстане сохраняются определенные проблемы, которые могут представлять угрозу национальной безопасности. К ним относятся:

- Нелегальная миграция: наличие протяженной границы и относительно либеральный визовый режим создают условия для нелегальной миграции, что может приводить к росту преступности, эксплуатации труда мигрантов и другим негативным последствиям.

- Трудовая миграция: несмотря на квотирование, значительное число иностранных работников занято в неформальном секторе экономики, что затрудняет контроль за условиями их труда и налогообложением.

- Радикализация мигрантов: некоторые мигранты могут быть подвержены влиянию экстремистских идеологий, что создает риск дестабилизации общественной ситуации и совершения террористических актов.

- Социальная интеграция мигрантов: недостаточная социальная и культурная интеграция мигрантов может приводить к возникновению конфликтов между мигрантами и местным населением, а также к формированию этнически замкнутых анклавов.

- Коррупция: недостаточная прозрачность и эффективность работы государственных органов, осуществляющих контроль за миграцией, может создавать условия для коррупции и злоупотреблений.

Обсуждение

Обеспечение национальной безопасности в контексте миграционных процессов требует комплексного и многостороннего подхода, включающего совершенствование законодательства, усиление контроля за соблюдением миграционного законодательства, активизацию международного сотрудничества, а также реализацию мер, направленных на социальную интеграцию мигрантов.

Необходимо совершенствовать систему визового контроля, повышать эффективность работы пограничной службы и усилить борьбу с нелегальной миграцией. Следует усилить контроль за деятельностью работодателей, использующих труд иностранных работников, и принять меры по легализации трудовой миграции.

Важно разрабатывать и реализовывать программы социальной и культурной адаптации мигрантов, направленные на изучение государственного языка, истории и культуры Казахстана. Необходимо создавать условия для межкультурного диалога и предотвращения конфликтов между мигрантами и местным населением.

Эффективная миграционная политика должна основываться на принципах уважения прав человека, недискриминации и равенства возможностей. Необходимо учитывать как экономические, так и социальные и гуманитарные аспекты миграции.

Важным элементом обеспечения национальной безопасности является информационно-разъяснительная работа, направленная на формирование

позитивного общественного мнения о миграции и на противодействие ксенофобии и расизму.

Следует отметить, что успешная миграционная политика невозможна без участия гражданского общества. Необходимо привлекать неправительственные организации, научные институты и другие заинтересованные стороны к разработке и реализации миграционной политики.

Заключение

Государственно-правовое регулирование миграционных потоков является одним из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан. Комплексный и эффективный подход к управлению миграционными процессами позволяет не только снизить риски, связанные с нелегальной миграцией, преступностью и экстремизмом, но и использовать потенциал миграции для экономического и социального развития страны. Совершенствование законодательства, усиление контроля за соблюдением миграционного законодательства, активизация международного сотрудничества, а также реализация мер, направленных на социальную интеграцию мигрантов, являются необходимыми условиями для формирования эффективной миграционной политики, отвечающей интересам национальной безопасности Казахстана. В дальнейшем исследовании представляется целесообразным детальное изучение конкретных аспектов миграционного законодательства, таких как регулирование трудовой миграции, процедура получения гражданства, а также механизмы социальной адаптации мигрантов. Кроме того, важным направлением дальнейших исследований является анализ влияния миграционных процессов на демографическую ситуацию в Казахстане и разработка мер по стимулированию рождаемости и поддержке семьи. Устойчивое и безопасное развитие Казахстана напрямую зависит от эффективного управления миграционными процессами, основанного на принципах верховенства закона, уважения прав человека и обеспечения национальной безопасности.

Информация об авторе:

КАСЫМЖАНОВА АЙНУР АХЫЛБЕКОВНА, PhD, старший преподаватель, Евразийский национальный университет имени Л.Гумилева

ҚОҒАМНЫҢ ЦИФРЛЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ ЖАҒДАЙЫНДА ЭЛЕКТРОНДЫҚ АҚШАНЫ ЕСЕПКЕ АЛУ

Аннотация. Мақалада электрондық ақшаның мәні туралы заманауи түсіндірмелер сауда қызметін жүзеге асырудың тиімді құралы ретінде жинақталған. Сондай-ақ қазақстандық электрондық коммерцияның орны, оның әлемдік нарықтағы даму үрдістері мен перспективалары айқындалады. Зерттеу нысаны — электрондық коммерция секторларының бірі-бөлшек электрондық сауда. Соңғы жылдары Қазақстанда электрондық ақша айналымы ұлғайды, бірақ өңірлердің әлі де бар цифрлық теңсіздігіне назар аудару қажет. Сондай-ақ, Қазақстанда шетелден сатып алулар саны өте жылдам қарқынмен өсіп келе жатқанын атап өтуге болады. Сонымен қатар, шетелде сату төмен деңгейде. Электрондық ақшаны дамытудың қазіргі жай-күйін талдау негізінде нарықты дамытудың ерекшеліктері мен негізгі тенденциялары анықталды, электрондық коммерцияның өзекті мәселелері қаралды, оларды шешу жолдары ұсынылды.

Түйін сөздер: электрондық коммерция, электрондық сауда, ақпараттық технологиялар, интернет-технологиялар, интернет-дүкендер.

Қазақстандағы электрондық ақша негізінен интернет-коммерцияның дербес құбылысы емес, жаһандық төлем жүйелерінің тармақтары: Qiwi, Visa, Wallet, WebMoney Transfer, Бірыңғай әмиян, Яндекс ақша, PayPal және басқалар. Бұл Электрондық сервистер бүкіл әлемде жұмыс істейді және Қазақстан, әрине, ерекшелік емес.

Қазіргі таңда Электрондық ақша біздің күнделікті өмірімізге және қолма-қол ақшасыз есеп айырысу айналымына абден енді. Біз бұл электрондық ақшасыз қазіргі таңда елестету мүмкін емес. Электрондық ақша интернет-коммерцияда, коммуналдық қызметтер, ұялы байланыс қызметтері және т. б. үшін төленеді.

Қазақстан Республикасының Үкіметі 2022 жылы "әлеуметтік әмиян" жобасын іске қосу Жоспарын жариялады. Оны іске асыру азаматтарға арнайы мобильді қосымша арқылы билік етуге болатын электрондық ақша түріндегі әлеуметтік төлемдер мен жәрдемақылар алуға мүмкіндік береді.

Электрондық ақша жүйесін қолдануды кеңейту электрондық ақшаны шығаруға, пайдалануға, өтеуге байланысты қатынастарды құқықтық реттеуді одан әрі дамытуды талап етеді.

Электрондық ақша-қолма-қол ақшасыз есеп айырысу объектілерінің бірі.

Электрондық ақша-бұл электрондық ақша эмитентінің электрондық нысанда сақталатын және жүйенің басқа қатысушылары электрондық ақша жүйесінде төлем құралы ретінде қабылдайтын шартсыз және қайтарылмайтын ақшалай міндеттемелері. Бұл «Төлемдер және төлем жүйелері туралы» Қазақстан Республикасының 2016 жылғы 26 шілдедегі № 11-VI Заңында (04.12.2024 ж. жағдай бойынша өзгерістермен және толықтырулармен) қамтылған электрондық ақшаның заңды анықтамасы (1-бап).

Бұл міндеттемелер келесі критерийлерге сәйкес келеді:

электрондық тасымалдағыштарда бекітіледі және сақталады;

Эмитенттер басқа тұлғалардан эмитенттелген ақшалай құнынан кем емес көлемде ақша қаражатын алған жағдайда шығарады;

өзге (эмитенттен басқа) ұйымдар төлем құралы түрінде қабылдайды

Техникалық тұрғыдан алғанда, электронды ақша-бұл банктік вексельдер мен монеталарды алмастыратын шифрланған таңбалар жиынтығы. Бұл ақшалай эквивалент құнының сандық көрінісі туралы электронды түрде сақталған ақпарат.

Электрондық ақша белгілі бір жүйе шеңберінде қолданылады, яғни оларды қолма-қол ақшасыз есеп айырысуларда пайдаланатын қатысушылар тобы, сондай-ақ электрондық ақша жүйесінің операторы және электрондық ақша эмитенті.

Мұндай жүйелердің мысалдары:

WebMoney Transfer;

Visa Cash;

PayPal;

Qiwi;

Яндекс.Ақша.

Қазақстанда 42 электрондық ақша жүйесі жұмыс істейді. Бұл жүйелер тізімін слайдтағы 1 кестеден көреміз.

Кесте 1

2025 жылғы 1 ақпандағы Қазақстанның электрондық ақша жүйелері жағдайы

№	Электрондық ақша жүйесі	Эмитент	Эмитент электрондық ақша жүйесінің операторы
1	«Woorpay»	АО «Евразийский банк» АО «Народный Банк Казахстана»	ТОО «WOORPAY (ВУППЭЙ)»
2	«Qiwi кошелек»	АО «Народный Банк Казахстана»	ТОО «QIWI Kazakhstan»(КИВИ Казахстан))
3	«Личная Касса»	АО «First Heartland Jusan Bank»	ТОО «Личная Касса»
4	«ONE»	АО «ForteBank»	ТОО «ONE Technologies»
5	«AllPay»	АО «AsiaCredit Bank»	ТОО «Allpay (Олпэй)»
6	«One Click»	АО «AsiaCredit Bank»	ТОО «MAER Soft»
7	«Халық»	АО «Народный Банк Казахстана»	АО «Народный Банк Казахстана»
8	«Kaspi Bank»	АО «Kaspi Bank»	АО «Kaspi Bank»
9	«Homebank Wallet»	АО «Народный Банк Казахстана»	АО «Народный Банк Казахстана»
10	«Wallet One»	АО «Народный Банк Казахстана»	ТОО «W1 Kazakhstan»
11	«Казпочта»	АО «Казпочта»	АО «Казпочта»
12	«Yurta»	АО «Народный Банк Казахстана»	ТОО «RPS Asia»
13	«КАЗЕВРОМОБАЙЛ»	АО «ForteBank» АО «Евразийский банк»	ТОО «КАЗЕВРОМОБАЙЛ»
14	«Innорay»	АО «Народный Банк Казахстана» АО «Казпочта»	ТОО «Innoforce systems»

15	«WebMoney Kazakhstan»	АО «Народный Банк Казахстана»	ТОО «Гермес Гарант Групп»
16	«ASIAPAY (АЗИЯПЭЙ)»	АО «Банк Фридом Финанс Казахстан» АО «Народный Банк Казахстана»	ТОО «FFIN Payments»
17	«Aitu – Платежные решения»	АО «Евразийский банк»	ТОО «Aitu – Платежные решения»
18	«Interpay»	АО «НУРБАНК»	ТОО «Interpay»
19	«NDFS»	АО «Народный Банк Казахстана»	ТОО «Nomad Digital Financial Services»
20	«Cashello.kz»	АО «Народный Банк Казахстана» АО «First Heartland Jusan Bank» АО «НУРБАНК»	ТОО «PayDala»
21	«PayGate»	АО «Народный Банк Казахстана»	ТОО «PayGate (ПэйГейт)»
22	«SILKPAY»	АО «Народный Банк Казахстана»	ТОО «SILK PAY KAZAKHSTAN»
23	«Tarlan Payments (Тарлан Пэйментс)»	АО «Народный Банк Казахстана» АО «First Heartland Jusan Bank»	ТОО «Tarlan Payments (Тарлан Пэйментс)»
24	«JetPay»	АО «Народный Банк Казахстана» АО «First Heartland Jusan Bank» АО «Казпочта»	ТОО «JetPay.kz»
25	«Astana-Plat»	АО «First Heartland Jusan Bank»	ТОО «Astana-Plat»
26	«GO Pay»	АО «Народный Банк Казахстана» АО «First Heartland Jusan Bank»	ТОО «Finteca»
27	«OneVision»	АО «First Heartland Jusan Bank»	ТОО «OneVision»
28	«OXY PAY»	АО «First Heartland Jusan Bank» АО «НУРБАНК»	ТОО «OXY PAY (ОКСИ ПЭЙ)»
29	«Tulparpay»	АО «Банк Фридом Финанс Казахстан»	ТОО «Tulpar Payments»
30	«Green Leaves Payments»	АО «Банк Фридом Финанс Казахстан»	ТОО «Green Leaves Payments»
31	«UNIDO Payments»	АО «Банк Фридом Финанс Казахстан»	ТОО «UNIDO Payments»
32	«Freedom Pay»	АО «Банк Фридом Финанс Казахстан»	ТОО «Freedom Pay»
33	«Поляна.kz»	АО «НУРБАНК»	ТОО «Поляна.kz»
34	«Paspay»	АО «First Heartland Jusan Bank»	ТОО «Payment Technologies (Пэймент Технолоджис)»
35	«Cyber Pay»	АО «First Heartland Jusan Bank»	ТОО «Cyber Pay»
36	«FusionPay»	АО «Народный Банк Казахстана»	ТОО «FusionPay»
37	«eMoney»	АО «First Heartland Jusan Bank»	ТОО «Freepay»
38	«OSON payments (ОСОН пэйментс)»	АО «НУРБАНК»	ТОО «OSON payments (ОСОН пэйментс)»

39	«Margin Gate»	АО «First Heartland Jusan Bank» АО «Казпочта»	ТОО «Margin plus»
40	«RocketPay»	АО «Народный Банк Казахстана»	ТОО «RocketPay»
41	«MoneyPay»	АО «First Heartland Jusan Bank»	ТОО «MoneyPay»
42	«БетаТрансфер»	АО «First Heartland Jusan Bank»	ТОО «БетаТрансфер»

Енді Электрондық ақшаны пайдалану механизміне тоқталайық :

Электрондық ақшаны Эмитент Жеке тұлғаларға немесе электрондық ақша жүйесінің агентіне олардың номиналды құны бойынша тең ақша сомасына айырбастап береді. Жеке тұлға шотқа белгілі бір ақша сомасын салады, содан кейін оған электронды әмиян - электронды ақшаны есепке алу және сақтау жүзеге асырылатын виртуалды шот ашылады. Электрондық әмиян-бұл қолма-қол ақшасыз емес, электронды ақша есепке алынатын және сақталатын ағымдағы банктік шоттың аналогы

Енгізілген ақша сомасына эмитент электрондық ақшаны электрондық әмиянға есептеуді жүзеге асырады. Электрондық ақша шығарылады (эмиссия) - электрондық ақша эмитентінің жеке тұлғаға немесе агентке олардың номиналды құны бойынша тең ақша сомасына айырбастау жолымен электрондық ақша беруі, яғни қолма-қол немесе қолма-қол ақшасыз ақшаны электрондық ақшаға айырбастау. Сонымен қатар, бұл айырбас номиналды құны бойынша жүзеге асырылады, яғни 1 - ден 1-ге дейін (мысалы, егер жеке тұлға 10 мың теңге салса, онда электрондық әмиянға сол мөлшерде-10 мың теңгеге электрондық ақша аударылады).

Бұдан әрі электрондық ақша иесі электрондық төлем құралдары (төлем карточкасы немесе өзге де электрондық төлем құралы) арқылы электрондық ақшаны беру (аудару) түрінде тауарға, жұмыстарға, көрсетілетін қызметтерге және т.б. есептей отырып, жүйенің басқа қатысушыларына төлемдерді жүзеге асырады.

Осындай төлемдердің нәтижесінде электрондық әмиянның өзгеруі мүмкін. Электрондық әмиянның иесі төлемдерді жүзеге асырып қана қоймай, жүйенің басқа мүшелерінен электрондық ақшаны өзі ала алады.

Электрондық ақшаның иесі оларды "қолма-қол ақшаға", яғни эмитентке өзінің электрондық ақшасын өтеуге ұсына отырып, "нақты" ақшаны алуға құқылы. Электрондық ақшаны өтеу-бұл бұрын шығарылған электрондық ақшаны олардың номиналды құны бойынша тең ақша сомасына айырбастау бойынша электрондық ақша эмитентінің операциясы. Көріп отырғаныңыздай, алмасу 1-ден 1-ге дейін жүзеге асырылады. Төлемдер нәтижесінде электрондық әмияндағы қалдық өзгеретіндіктен, өтеуге ұсынылған электрондық ақша сомасы электрондық ақшаны сатып алу кезінде бастапқыда салынған ақша сомасына сәйкес келмеуі мүмкін.

Осылайша, электрондық ақшаны қолдану операцияларының реттілігі келесідей:

1) электрондық ақша эмитенті мен электрондық ақша иесі арасында не электрондық ақша жүйесінің операторы арасында электрондық ақша иесімен электрондық ақша шығару туралы шарт жасалады;

2) эмитентке оларды электрондық ақшаға айырбастау мақсатында ақша енгізіледі;

3) электрондық ақша иесіне электрондық ақша шығарылады, ол туралы ақпарат электрондық әмиянда болады;

4) электрондық ақша иесі оларды пайдалануды жүзеге асырады (яғни электрондық ақша жүйесінің басқа қатысушыларына электрондық ақша аудару арқылы төлемдер жасайды);

5) электрондық ақшаны өтеу, яғни оларды номиналды құнына тең ақшаға айырбастау жүзеге асырылады.

Айта кету керек, Қазақстан заңнамасы бойынша электрондық ақшаны кредитке немесе эмитентке енгізілген ақша мөлшерінен асатын сомаға шығаруға жол берілмейді. Сондай-ақ электрондық әмияндағы электрондық ақша қалдығының сомасына пайыздарды (сыйақыларды) есептеуге жол берілмейді. Бұдан басқа, электрондық ақшаға жеке тұлғалардың депозиттеріне кепілдік беру жүйесі қолданылмайды.

Электрондық ақша ақша айналымы транзакциясының шығындарын азайту қажеттілігіне байланысты пайда болды. Қазіргі экономикада айналыстағы қолма-қол ақша көлемі азайып келеді, депозиттік шоттардағы жазбалар мен электрондық ақшаға ауыстырылады.

Электрондық ақшаның негізгі сипаттамалары:

- ақшалай құн электрондық құрылғыда белгіленеді;
- ақшалай құн кез келген төлем үшін пайдаланылуы мүмкін;
- бұл ретте төлем аяқталған (түпкілікті) болып табылады;

Электрондық ақша анонимді және дербестендірілген (персонифицированные) болып бөлінеді. Анонимді жүйені пайдалану кезінде электрондық ақшамен операциялар пайдаланушыны сәйкестендірусіз жүзеге асырылады. Бұл ыңғайлы, мысалы, қоғамдық көліктерде, кафелерде, дүкендерде және т. б. Дербестендірілген жүйелер пайдаланушыны электрондық ақшамен сәйкестендіруді талап етеді, онсыз операцияны жүргізу мүмкін емес. Қазақстанда электрондық ақшаны жасырын пайдалануға рұқсат етіледі, бірақ шектеулермен. Заң жасырын немесе анықталмаған меншік иелері - жеке тұлғалардың электрондық ақшасына қатысты мынадай операцияларды жасауға тыйым салады:

- айлық есептік көрсеткіштің (АЕК) 50 еселенген мөлшерінен асатын сомаға электрондық ақша сатып алу;

- АЕК мөлшерінің 50 еселенген мөлшерінен асатын сомаға бір операция жасау;

- электрондық әмияннан жұмыс күні ішінде жалпы сомасы 100 еселенген АЕК мөлшерінен асатын төлемдер мен өзге де операцияларды жасау;

- бір электрондық құрылғыда 100 еселенген АЕК мөлшерінен асатын сомаға электрондық ақшаны сақтау;

- электрондық ақшаны өтеу және агентке электрондық ақша жүйесін енгізу;

- анықталмаған электрондық әмиян иелері арасындағы аударымдар.

Көрсетілген мәндерден жоғары операциялар жасау электрондық ақша иесін сәйкестендіруді талап етеді. Электрондық ақша иелерін сәйкестендіруді электрондық ақша жүйесінің эмитенттері немесе операторлары жүргізеді.

Заң жеңілдетілген сәйкестендіруді және (шартты түрде) толық сәйкестендіруді ажыратады. Соңғысы электрондық ақша иесінің жеке қатысуымен электрондық ақша иесін сәйкестендіруден және оларға жеке басын куәландыратын құжатты ұсынудан не банкаралық ақша аудару жүйесінің операциялық орталығынан алынған қолжетімді көздерден алынған мәліметтер негізінде қашықтықтан сәйкестендіру арқылы жасалады.

Оңайлатылған сәйкестендіру тек қашықтықтан жүргізіледі: электрондық ақша иесінің жеке сәйкестендіру нөмірі (ЖСН) тіркеледі және жеке басын куәландыратын құжаттың электрондық көшірмесі сұратылады. ЖСН салыстыру жалпыға қолжетімді көздерден алынған мәліметтер негізінде жүргізіледі.

Сәйкестендіру дәрежесіне қарай электрондық ақшамен төлемдер жүргізуге арналған шектер (лимиттер) белгіленді.

Иеленуші - жеке тұлғалардың көрсетілген лимиттерден жоғары электрондық ақшасымен операцияларды жүзеге асыру олар толық сәйкестендірілген жағдайда ғана мүмкін болады.

Электрондық ақша иелеріне - жеке кәсіпкерлер мен заңды тұлғаларға келетін болсақ, заң олардың электрондық ақшамен жүргізетін операцияларының мөлшерін шектейді: электрондық ақша иелерінің көрсетілген санатындағы бір операцияның ең көп сомасы АЕК-тің мың еселенген мөлшерінен аспауы керек

Кесте 2

Сәйкестендіру дәрежесіне байланысты электрондық ақша операцияларының заңмен рұқсат етілген шектері

Операция түрлері	иелері анонимді (сәйкестендірілмеген) -жеке тұлға	Жеңілдетілген иелері анықталған - жеке тұлға	Анықталған иелері-жеке тұлға	Анықталған иелері - заңды тұлға және жеке кәсіпкер
Электрондық ақшаны сатып алудың ең жоғары сомасы	50 <u>АЕК</u>	шектеу жоқ	шектеу жоқ	шектеу жоқ
Бір операцияның максималды сомасы	50 <u>АЕК</u>	100 <u>АЕК</u>	шектеу жоқ	1000 <u>АЕК</u>
Жұмыс күні ішінде электрондық әмияннан операцияның ең жоғары сомасы (жалпы сома)	100 <u>АЕК</u>	300 <u>АЕК</u>	шектеу жоқ	шектеу жоқ
Бір электрондық құрылғыда сақтаудың	100 <u>АЕК</u>	300 <u>АЕК</u>	шектеу жоқ	шектеу жоқ

максималды сомасы				
Электрондық ақшаны өтеу	тыйым салынған	рұқсат етіледі	рұқсат етіледі	рұқсат етіледі

Электрондық ақша айналымы бойынша қатынастардың негізгі субъектілері:

- электрондық ақша эмитенті;
- электрондық ақша жүйесінің операторы;
- электрондық ақша иесі;
- электрондық ақша жүйесінің агенті.

Жалпы электрондық ақша жүйесіне қатысушылардың схемасы суретте көрсетілген:

Электрондық ақша эмитенті-электрондық ақшаны шығаруды және өтеуді жүзеге асыратын төлем қызметін жеткізуші.

Эмитент электрондық ақшаны шығара отырып, оны кейіннен электрондық ақша иелерінен "қарапайым" ақшаға айырбастауға міндеттеме алады.

Кез-келген мемлекет үшін электронды ақшаны кім шығара алады деген сұрақ өте маңызды.

Электрондық ақша эмитенті кім бола алады деген мәселе әр түрлі жолмен шешіледі. Еуропалық Одақ электронды ақша эмиссиясын жүзеге асыруға құқылы несиелік мекемелердің жаңа жүйесін құрды - электрондық ақша институттары (ELMI). Көптеген басқа елдер эмиссияға тек ұлттық және коммерциялық банктер (Үндістан, Сингапур) арқылы рұқсат берді. Өз кезегінде Гонконг депозитарий лицензиясын алған жағдайда электрондық ақша эмиссиясын жүзеге асыруға мүмкіндік берді. Ресей Федерациясында электронды қаражат эмитенттерінің рөлін оператор лицензиясын алған банктер мен КЕҰ (коммерциялық емес ұйымдар) атқарады.

Қазақстан Республикасының аумағында электрондық ақша эмитенттері Қазақстан Республикасының Ұлттық Банкі, банктер және Ұлттық пошта операторы бола алады.

Көріп отырғаныңыздай, банктік емес ұйымдар Қазақстанда электрондық ақша эмитенттері ретінде әрекет ету мүмкіндігінен айырылған. Алайда олардың қатысуы электрондық ақша жүйесінің операторлары ретінде рұқсат етіледі.

Эмитенттердің санына байланысты бір эмитентті және көп эмитентті электрондық ақша жүйелері ерекшеленеді. Бір эмитенттік электрондық ақша жүйесі бір эмитенттің қатысуымен, көп эмитенттік жүйе екі немесе одан да көп эмитенттердің қатысуымен жұмыс істейді.

Эмитент өз функцияларын төлем қызметтерін жүзеге асыра отырып, электрондық ақша жүйесі операторының функцияларымен біріктіре алады.

Электрондық ақша жүйесінің операторы электрондық ақшаны пайдалана отырып операцияларды жүзеге асыру кезінде қалыптастырылатын ақпаратты жинауды, өңдеуді және беруді қоса алғанда, электрондық ақша жүйесінің жұмыс істеуін қамтамасыз етеді.

Оператор эмитенттен айырмашылығы электрондық ақша иелері алдында оларды өтеу бойынша міндеттеме алмайды. Ол тек міндеттемелерді орындаудың техникалық мәселелерімен айналысады.

Қазақстан заңнамасы бойынша электрондық ақша жүйесінің операторы банк, банк операцияларының жекелеген түрлерін жүзеге асыратын ұйым немесе Төлем ұйымы - төлем қызметтерін көрсету жөніндегі қызметті жүзеге асыратын және Қазақстан Республикасының Ұлттық банкінде тиісті есептік тіркеуден өткен ЖШС - ұйымдық-құқықтық нысанындағы заңды тұлға бола алады.

Заң электрондық ақша эмитенті мен электрондық ақша жүйесінің операторына «Қылмыстық жолмен алынған кірістерді заңдастыруға (жылыстатуға) және терроризмді қаржыландыруға қарсы іс-қимыл туралы» заңға сәйкес алаяқтықты анықтау, сондай-ақ алдын алу және Қылмыстық жолмен алынған кірістерді заңдастыру (жылыстату) және терроризмді қаржыландыру мақсатында электрондық ақша жүйесінде ұйымдастырушылық және рәсімдік іс-шараларды қамтамасыз ету және енгізу жөнінде шаралар қабылдау бойынша міндет жүктейді.

Бұдан басқа, электрондық ақша жүйесінің операторы Қаржы мониторингі жөніндегі уәкілетті органға ПОДФТ туралы Заңның талаптарына сәйкес қаржылық мониторингке жататын операциялар туралы мәліметтер мен ақпаратты беруге міндетті

Электрондық ақша иесінің сұрау салуы бойынша эмитент оған электрондық ақшаны пайдалана отырып жүзеге асырылған операциялар туралы ақпаратты қамтитын үзінді көшірмені олардың арасында жасалған шартта көзделген нысан бойынша және мерзімдерде ұсынады.

Электрондық әмиянның иесі төлем жүйесімен электрондық ақшамен операциялар жүргізген кезде комиссия алынады.

Ендігі кезекте электронды ақшалардың бухгалтерлік есебіне келетін болсақ,

Ақша қаражаттары - бұл компанияның ақшалай нысанда көрсетілген активтері. Бұл қолма-қол ақша және кассадағы ақшалай құжаттар, сондай-ақ чек кітапшаларындағы қаражатты, жолдағы аударымдарды, аккредитивтерді және электрондық ақшаны қоса алғанда, есеп айырысу, валюта немесе арнайы шоттардағы қолма-қол ақшасыз қаражат болуы мүмкін.

Қазіргі таңда Төлем операциялары ұйымның кәсіпкерлік қызметінің ажырамас бөлігі болып табылады. "Төлемдер және төлем жүйелері туралы" ҚРЗ

сәйкес ҚР аумағында төлемдер және (немесе) ақша аударымдары қолма-қол ақшаны пайдалана отырып, сондай-ақ оларды пайдаланбай (қолма-қол ақшасыз төлемдер) мынадай тәсілдермен жүзеге асырылады:

- 1) қолма-қол ақшаны беру;
- 2) электрондық ақшаны беру;
- 3) төлем құжаттарын пайдалана отырып ақша аудару;
- 4) ақшалай міндеттемені немесе ақша төлеу туралы бұйрықты қамтитын төлем құжатын беру;
- 5) электрондық төлем құралдарын пайдалану.

Біз ақшаны банктік шоттан электронды әмиянға аударамыз. Бұл ақшаның бухгалтерлік есебі қалай жүргізіледі?

Ақшаны (мысалы, 100 000 теңге) электрондық әмиянға аудару кезінде мынадай бухгалтерлік жазба жүргізіледі:

ДТ 1070 – «электрондық ақша қаражатын есепке алу» , онда жүйеде электрондық ақша қаражаты ескеріледі;

КТ 1030- «ағымдағы банктік шоттардағы ақша қаражаты» 100 000 теңге сомасына.

Әрі қарай, кепілдік жарнаны төлеу кезінде (мысалы, 20 000 теңге) мынадай бухгалтерлік жазба жүргізіледі:

ДТ 1270 –«Өзге қысқа мерзімді дебиторлық берешек»,

онда бір жылға дейінгі мерзімге Басқа дебиторлық берешек бойынша операциялар көрсетіледі;

КТ 1070- «электрондық ақша қаражатын есепке алу» , 20 000 теңге сомаға

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Қазақстан Республикасының Заңы «Төлемдер және төлем жүйелері туралы» 26 шілде 2016 жылғы № 11-VI ҚРЗ. // <http://online.zakon.kz/>
2. Қазақстан Республикасының аумағында электрондық ақша шығару, пайдалану және өтеу қағидаларын, сондай-ақ электрондық ақша эмитенттеріне және электрондық ақша жүйелеріне қойылатын талаптарды бекіту туралы Қазақстан Республикасы Ұлттық Банкі Басқармасының 2016 жылғы 31 тамыздағы № 202 қаулысы
3. Қазақстан Республикасының Заңы «Қазақстан Республикасындағы цифрлық активтер туралы» 2023 жылғы 6 ақпандағы № 193-VII ҚРЗ. // <http://online.zakon.kz/>
4. «Бухгалтерлік есеп және қаржылық есеп беру туралы» 28 ақпан 2007 жылығы 234 III ҚРЗ заңы. 01.01.2022 ж. өзгерістерімен. // <http://online.zakon.kz/>
5. Бухгалтерлік есеп шоттарының типтік жоспары Ескерту. Үлгілік жоспар жаңа редакцияда – ҚР Қаржы министрінің 02.10.2018 № 877 бұйрығымен (01.01.2019 бастап қолданысқа енгізілді). // <http://online.zakon.kz/>
6. «Салық және бюджетке төленетін басқа да міндетті төлемдер туралы» 2017 жылғы 25 желтоқсандағы № 120-IV Салық кодексі (Салық кодексі) (01.01.2025 ж. берілген өзгерістер мен толықтырулармен) // <http://online.zakon.kz/>
7. Гаврилова Э. Н. Электронные деньги: сущность, функции и роль в экономике // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. - 2016. - №3. С. 80.
8. Ефремкина О.В. Электронные деньги в ЕС (правовые аспекты). - М.: Глобалистика: Энциклопедия, 2003. С. 325-326.
9. Пирогов С.В. Электронная коммерция: учеб. пособие / Под ред. С.В. Пирогова - М.: Издательский дом «Социальные отношения», Изд- во «Перспектива», 2003. - 428 с.

10. Hana Kunešová, Ludvík Eger (2017). Evaluation and comparison of b2c e-commerce intensity in eu member states. Marketing and Trade, 4, 151-167. doi: 10.15240/tul/001/2017-4-011

Информация об авторах:

ЖАНГАЛИЕВА Р.У., М.Өтемісов атындағы БҚУ, Орал қаласы, Қазақстан Республикасы

МУСТАФИНА А.С., М.Өтемісов атындағы БҚУ, Орал қаласы, Қазақстан Республикасы

ЗАЙДАҒАЛИ С.Н. М.Өтемісов атындағы БҚУ, Орал қаласы, Қазақстан Республикасы

Саломатин А.Ю., Макеева Н.В.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИИ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ И ПОСТМОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. В статье представлена вариативность подходов к категории «национальная безопасность», определены направления ее трансформации. В условиях глобализационных и постмодернизационных преобразований современного мира наблюдается активизация миграционных процессов, что оказывает существенное воздействие на национальную безопасность государства. Важнейшей стороной национальной безопасности страны является складывающаяся в ней этнополитическая ситуация, в связи с чем раскрывается концепция мультикультурализма, основанная на интеграции этнических групп с сохранением их самобытности и культурных различий, оцениваются ее достоинства и недостатки. Комплексный анализ миграционного законодательства позволил выработать единый доктринальный подход, основанный на необходимости проведения кодификационной работы, т.е. разработки миграционного кодекса Российской Федерации, который значительно упростит правоприменение и толкование норм в области миграционной политики.

Ключевые слова: национальная безопасность, подходы к определению национальной безопасности, глобализация, миграционные процессы, политика мультикультурализма, перспективы кодификации миграционного законодательства

Ключевым элементом существования и функционирования государства и важнейшим инструментом его политической стратегии является национальная безопасность. Полагаем, что категорию «национальная безопасность» надлежит рассматривать как стремление к защите своих национальных интересов, суверенитета и территориальной целостности, как явление объективное, в силу

чего естественное и заложенное в самом определении понятия государства. Фундаментальность указанного явления отнюдь не тождественна его незыблемости, а, следовательно, изменчивость явления под влиянием целого ряда факторов вполне закономерна. Трансформация данной категории прогрессирует в условиях глобализационных и постмодернизационных процессов и политической турбулентности.

В условиях постмодернизационного развития государственно-правовых институтов наблюдается тенденция усиления содержательной и терминологической разобщенности подходов к различным правовым категориям, исключением не стала и категория «национальная безопасность». И даже, несмотря на наличие единой официальной дефиниции национальной безопасности, наблюдается разноплановость и некая вариативность научных суждений, версий и гипотез. Можно выделить ряд базовых подходов к определению национальной безопасности:

- объектно-ориентированный, который рассматривает национальную безопасность как состояние защищенности от внутренних и внешних угроз;
- предметно-ориентированный, который акцентирует внимание на гарантиях защищенности интересов личности и общества, связанных с обеспечением безопасности;
- смешанный, рассматривающий национальную безопасность одновременно в объектном и предметном аспектах.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, нормативно закрепившая дефиницию национальной безопасности как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [1], придерживается смешанного подхода.

Глобализация и цифровизация открывают новые возможности для стран, но одновременно ставят мировое сообщество и перед новыми вызовами.

Существенную угрозу национальной безопасности могут представлять миграционные процессы как продукт современного постмодернизационного мира. Миграционные процессы «несут в себе социальные и социокультурные угрозы на уровне общества и отдельных территориальных общностей [2].

Сложно назвать страну, которую не коснулись бы проблемы миграции. В частности, международная миграция не перестает накрывать новыми волнами страны Европейского союза, лидеры которых неустанно генерируют новые крайне противоречивые идеи. Одни из них рассуждают о мультикультурализме, толерантности и возможной ассимиляции мигрантов, другие настроены совершенно негативно и всячески критикуют политику, лояльную к прибывающим иностранцам.

Важнейшей стороной национальной безопасности страны является складывающаяся в ней этнополитическая ситуация. В современном мире, подверженном мощным миграционным процессам, даже в странах, до того

времени этнически однородных, складываются в результате притока зарубежных мигрантов многочисленные проблемные этнические анклавы. «Пресловутая политика мультикультурализма, приветствующая этническое многообразие как идеалистическую гуманитарную цель и допускающая сохранение за приезжими некоей «культурной самобытности», была выдвинута на рубеже XX–XXI столетий. Официально она была осуждена главами многих западных правительств после начала в 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса. Однако неофициально эта политика до сих пор находит поддержку среди влиятельной западной интеллектуальной элиты и СМИ. Ее пытаются сохранить вопреки очевидным провалам в административно-правовом инструментарии представители космополитически настроенных правящих кругов» [3, с. 14-15].

Концепция мультикультурализма, основанная на интеграции этнических групп с сохранением их самобытности и культурных различий, очень популярная на Западе в СМИ, политических и научных кругах на рубеже тысячелетий, пыталась и пытается выдать желаемое за действительность: она пропагандирует целесообразность сохранения иммигрантами своей культурной идентичности, которая якобы не подрывает внутривнутриполитическую стабильность принимающих иммигрантов государств. Указанная концепция отрицает ассимиляционную интеграцию и противостоит американской доктрине «плавильного тигля» [4, с. 39].

Существует два направления в мультикультурализме – «мягкий» и «жесткий» мультикультурализм. Первое направление «представляет собой политику, гарантирующую не столько соблюдение групповых прав, сколько отсутствие принудительной ассимиляции иммигрантов принимающей стороной». Второй вариант «предполагает проведение специальной политики, защищающей группы социокультурных меньшинств от ассимиляции» [5, с. 84].

Проведение политики мультикультурализма в странах Евросоюза сопровождалось формированием замкнутых этнических анклавов в крупнейших городах и вызывало обеспокоенность специалистов и общественности.

С начала 2010-х гг. политика мультикультурализма (особенно в его «жестком» варианте) подвергается публичной критике. По мнению лидера влиятельной политической партии Национальный Фронт Марин ле Пен, мультикультурализм «успешно отсекает французов от национальной культуры путем ослабления национального сознания, реализуя таким способом идеи «глобальной деревни»» [6, с. 95]. Как показывает опыт последних лет, политика мультикультурализма содержит в себе потенциал дестабилизации как для федеративных, так и унитарных государств.

Миграция, как справедливо полагают специалисты, может оказывать влияние на государственно-правовую безопасность по многим направлениям. Можно говорить в связи с этим о ее влиянии на демографическую, экономическую, интеллектуальную, этнокультурную безопасность [7, с. 55].

В целом как для стран-доноров миграции, так и для стран-реципиентов существуют свои благоприятные и неблагоприятные, а также противоречивые и даже нейтральные последствия. Их надо тщательно взвешивать для каждой

ситуации.

Утверждение о том, что «иностранные мигранты не только перераспределяют, но и создают богатство, причем нередко активнее, чем местные граждане» [8, с. 31], не в полной мере достоверно. Здесь надо разбираться с каждым конкретным случаем, принимая во внимание состав мигрантов и обстоятельства их прибытия.

Совершенно справедлив тезис о том, что «в глобализирующемся мире капитал и товары могут перемещаться свободно, но совершенно невысказано, чтобы это правило распространялось и на рабочую силу, ибо к ней привязаны семьи, общества и народы». С помощью миграции, увы, нельзя решить проблемы бедности, голода и социально-экономической несбалансированности на нашей планете. Ведь действительно «сегодня невозможно и на самую малость уменьшить проблему населения Африки или Ближнего Востока, даже приняв в Европу 100 или 200 млн мигрантов» [9, с. 227].

В России в условиях постмодернизационных преобразований государственно-правовой действительности процессы миграции претерпевают значительные изменения, связанные как с внутренними законодательными нововведениями, так и с глобальными тенденциями миграционной динамики. Увеличение миграционного прироста, обусловленное введением электронных систем учета и расширением возможностей регистрации для иностранных граждан, способствует росту численности мигрантов, что оказывает влияние на социально-экономическую ситуацию в стране и регионах. В то же время рост миграционной активности сопровождается усилением контроля со стороны правоохранительных органов, что подтверждается увеличением числа проверок и выявленных нарушений миграционного законодательства.

Основными нормативно-правовыми актами в указанной сфере являются Конституция Российской Федерации, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), Указы Президента Российской Федерации, Постановления Правительства Российской Федерации, а также приказы Федеральной миграционной службы Российской Федерации.

Многообразие нормативных правовых актов, которые регулируют данную сферу, красноречиво свидетельствует о необходимости кодификации данной сферы общественных отношений во избежание коллизий в правоприменении. Так, А.В. Колесников указывает, что: «миграционное законодательство нередко критикуется за свою запутанность и нерешенные проблемы, включая вопросы оформления документов, предоставления трудовых и социальных прав иностранным гражданам» [10, с. 133].

Следовательно, необходимо объединить имеющееся законодательство в единый нормативный акт, который будет регулировать все аспекты и вопросы миграционной политики. Яркой инициативой может стать Миграционный кодекс Российской Федерации, который значительно упростит правоприменение и толкование норм в области миграционной политики. В нем будут представлены основные принципы, порядок приема мигрантов, факторы их интеграции, основания для депортации [11, с. 57].

Структурное наполнение Миграционного кодекса РФ можно представить в виде наличия двух частей: общая часть, отражающая основные понятия, принципы миграционной политики, права и обязанности мигрантов, а также особенная часть, раскрывающая такие важные моменты, как особенности правового положения отдельных категорий мигрантов (высококвалифицированные специалисты, студенты, беженцы, временно пребывающие лица и т.д.), регулирование трудовой деятельности мигрантов (квоты, разрешения на работу, патенты, защита трудовых прав) [12, с. 120], механизмы миграционного учета и контроля (регистрация, снятие с учета, депортация) и, конечно, ответственность за нарушение миграционного законодательства.

Неоднородность миграционной политики, наличие значительного числа пробелов и коллизий в действующем законодательстве могут быть преодолены проведением соответствующей кодификационной работы, структурных мероприятий по разработке единой доктрины миграционной политики, что станет решительным шагом на пути исключения угроз национальной безопасности в данной сфере общественных отношений.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 5 июля 2021. - № 27 (часть II). - Ст. 5351.
2. Шлыкова Е.В. Социальная преемственность нововведений миграционного законодательства // Социологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 56–65.
3. Саломатин А.Ю. Государственно-правовая безопасность в свете глобальных этнических миграций (сравнительное исследование на примере США и Германии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2021. – № 1. – С. 13–25.
4. Саломатин А.Ю., Макеева Н.В. Влияние этносов и этничности на развитие государственно-правовых и политических систем // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2021. – № 2. – С. 36–45.
5. Тэвдой-Бурмули А. Этнополитическая динамика Европейского Союза. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 224 с.
6. Ле Пен М. Во имя Франции. – М.: Кучково поле, 2016. – 288 с.
7. Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Витковской, С. Панарина. – М.: Интердиалект, 2000. – 341 с.
8. Карпова Н.С. Социокультурные и экономические аспекты трансграничной миграции. Плюсы и минусы для конкурентоспособности принимающих стран // Глобальные и региональные аспекты миграционных процессов / отв. ред. А.А. Громыко. – М.: Ин-т Европы РАН, 2019. – С. 26-34.
9. Саррацин Т. Германия. Самоликвидация. – М.: АСТ, 2013. – 399 с.

10. Колесников А.В. Миграционная политика Российской Федерации и основные направления ее реализации в современных условиях // Наука, общество, инновации: актуальные вопросы современных исследований: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 сентября 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2023. – С. 132-134.

11. Саломатин А.Ю. Правовая политика в сфере иммиграции: сравнительный анализ зарубежных моделей // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – №2 (43). – С. 54-61.

12. Саломатин А.Ю., Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Социально-правовые деструкции трудовых отношений мигрантов с работодателями в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2007. – №3. – С. 116-123.

Информация об авторах:

САЛОМАТИН АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Теория государства и права и политология», Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация,

МАКЕЕВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория государства и права и политология», Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

Есетова С.К., Куланова С.Ш.

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА И ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

Аннотация. Язык играет ключевую роль в формировании межкультурного диалога и правовой интеграции мигрантов в современном глобальном мире. В условиях увеличения миграционных потоков в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе языковая компетенция становится важнейшим инструментом не только для получения образования и доступа к рынку труда, но и для реализации правовых норм, способствующих социальной интеграции. Данная статья посвящена анализу роли языка как средства преодоления культурных различий, установления коммуникационного моста между представителями различных социокультурных групп и обеспечения взаимопонимания в правовой сфере. Исследование базируется на эмпирических данных и теоретических подходах, представленных в ряде публикаций, посвящённых контролю иммиграции через языковые требования, образовательной интеграции мигрантов, межкультурной коммуникации и поддержке мигрантов посредством многоязычной коммуникации.

Исследование проведено в рамках грантового финансирования МНВО РК на 2025-2027 годы (ИРН АР26103687 «Цифровая миграция: новые горизонты социально-экономического развития и правовая интеграция»).

Ключевые слова: Межкультурный диалог, Интеграция мигрантов, Культурное взаимодействие, Лингвистическая адаптация, Язык и право

Введение

Язык является не только средством коммуникации, но и носителем культурных ценностей и правовых норм, играя важную роль в установлении межкультурного диалога. Как отмечено в исследованиях, успех европейского проекта во многом зависит от возможности взаимопонимания между правовыми акторами разных стран, что подразумевает преодоление барьеров, связанных с языковой и культурной разницей [1]. Диалог между культурами становится ключевым элементом интеграционных процессов, поскольку именно через общение возможна артикуляция идентичностей, доверие и уважение, а также формирование общей правовой базы [2]. В этом контексте языковая компетенция мигрантов способствует их институциональному и социальному принятию, что подтверждается исследованиями, посвящёнными роли диалога в межкультурной коммуникации [3].

В широком смысле понятие «правовой интеграции» охватывает не только юридическое закрепление прав иммигрантов, но и создание условий для их равного участия в социальной и экономической жизни общества. Инструменты государственной политики, такие как языковые и натуралистические тесты, курсы и информационные кампании, направлены на обеспечение минимального уровня знания государственного языка, без которого невозможно полноценное применение законодательства и доступ к правосудию [4]. Различные исследования подчёркивают, что обязательное прохождение языковых курсов часто используется как инструмент контроля иммиграции, что имеет двойственный эффект – с одной стороны, формируется необходимый уровень интеграции, а с другой – создаются барьеры для семейной интеграции мигрантов.

Языковые навыки существенно влияют на образовательные и трудовые возможности мигрантов. Отсутствие достаточного уровня владения национальным языком может привести к социальной сегрегации и неэффективной интеграции на рынке труда. Исследования, проведённые в Италии, выявили, что языковой барьер является одной из главных причин неравенства при интеграции мигрантов в систему здравоохранения и трудовые отношения [5]. Кроме того, недостаточная языковая компетенция негативно отражается на доступе к образованию, что, как показано в ряде сравнительных исследований [6], ведёт к долговременным негативным последствиям для профессиональной траектории мигрантов [7].

Методология

Данное исследование опирается на компиляцию и анализ эмпирических данных, представленных в многочисленных публикациях и отчетах, охватывающих различные аспекты языковой интеграции. Методологическая база включает:

- Анализ литературы и документов, посвящённых правовой интеграции мигрантов, межкультурной коммуникации и образовательным политикам в ЕС и ЕАЭС;
- Этнографический подход и наблюдение за траекториями мигрантов,

работающих в неправительственных организациях, что позволяет выявить как личностные, так и институциональные особенности интеграционных процессов;

- Сравнительный анализ образовательных систем европейских стран с акцентом на мигрантов и беженцев, что даёт возможность оценить эффект применяемых мер и обобщить результаты национальных исследований;

- Использование данных о качестве лингвистической интеграции взрослых мигрантов и анализа языковой политики государств.

Эти методы позволили собрать широкий спектр данных как о практических аспектах интеграционных процессов, так и о стратегиях, направленных на преодоление языковых барьеров.

Основная часть

Одним из ключевых элементов успешной интеграции является **образовательная система**, которая требует обеспечения доступа к качественному образованию для детей мигрантов и беженцев. Европейские исследования демонстрируют, что раннее включение детей в образовательную среду способствует снижению языковых барьеров, снижению необходимости масштабной дополнительной языковой поддержки в более поздних этапах образования. При этом важно учитывать, что различные страны применяют различные подходы к интеграции, что отражается в разнице в результатах образовательных траекторий мигрантов в таких странах, как Германия, Швеция и Нидерланды [7].

Лингвистическая интеграция взрослых мигрантов является не менее важным направлением государственной политики. Сравнительные исследования показали, что качество предоставляемых языковых курсов и их адаптация к конкретным потребностям мигрантов напрямую влияют на их успешность в интеграционных процессах [8]. Курсы языковой подготовки помогают не только улучшить коммуникативные способности, но и увеличить уверенность мигрантов при общении с местными жителями, что особенно важно при взаимодействии с представителями государственных учреждений и правосудия [9].

При работе с мигрантами, особенно в правовом и медицинском контекстах, критически важным становится **обеспечение качественной перевода и интерпретации**. Исследование, посвящённое языковым барьерам и роли переводчиков, демонстрирует, что отсутствие квалифицированных специалистов приводит к ошибкам в передаче информации и, как следствие, к ухудшению качества услуг для мигрантов [10]. Использование профессиональных переводчиков, а также разработка стандартов оказания таких услуг, являются необходимыми мерами для повышения уровня безопасности и доверия мигрантов к государственным и медицинским учреждениям. Основные языковые барьеры и их последствия продемонстрированы в Таблице 1.

№	Тип барьера	Последствия для интеграции	Меры для преодоления
1.	Недостаточное владение	Ограниченный доступ к образованию, трудоустройству, здравоохранению	Курсы языковой подготовки, индивидуальные программы обучения

	национальным языком		
2.	Культурная разница	Непонимание правовых норм, конфликт интересов	Межкультурные тренинги, диалоговые площадки
3.	Сегрегация в системе образования	Долгосрочные негативные эффекты на профпригодность	Интеграционные программы, адаптивное обучение
4.	Низкое качество перевода	Ошибки в правовом и медицинском общении	Использование квалифицированных переводчиков, разработка стандартов

Таблица 1. Основные языковые барьеры и их последствия для интеграции мигрантов.

Государственные программы, направленные на языковую интеграцию, часто включают как обязательные языковые испытания для иммигрантов, так и поддерживающие меры, направленные на информирование семей мигрантов о возможностях образования и трудоустройства. Некоторые исследования указывают на то, что подобные меры могут иметь двойственный эффект: с одной стороны, они стимулируют интеграцию, с другой – используются в качестве инструмента иммиграционного контроля, что может приводить к отсеву определённых групп мигрантов из системы социальной защиты [4]. Таким образом, корректное сочетание обязательных требований с предоставлением реальной поддержки является важным условием успешной интеграции.

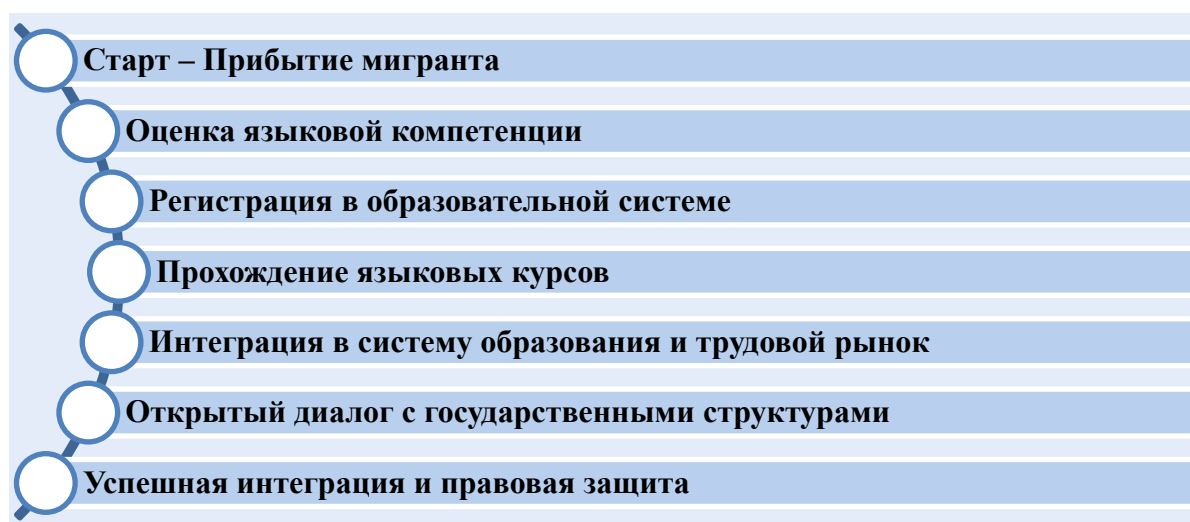

Рисунок 1. Схема процесса коммуникации для интеграции мигрантов

Различные страны Европейского союза демонстрируют значительные различия в подходах к интеграции мигрантов через систему образования. Так, в Швеции практикуется модель, включающая раннюю интеграцию детей мигрантов в обычные классы и обеспечение дополнительной поддержки для адаптации, что позволяет существенно сократить языковой разрыв [6]. В Германии, напротив, существует система раннего трекинга, при которой детей мигрантов часто переводят в отдельные учебные тракты, что негативно сказывается на их образовательных перспективах [6]. Нидерланды

демонстрируют промежуточную модель, где предусмотрены «ремонтные механизмы», способствующие постепенному переходу мигрантов в основные школьные тракты, однако эффективность такой системы всё ещё вызывает вопросы.

Особое внимание следует уделить интеграции в сферах здравоохранения и правосудия, где языковой барьер может иметь критические последствия. В некоторых странах ЕС разработаны специализированные программы подготовки переводчиков для медицинских учреждений, что позволяет минимизировать риск ошибок при общении между пациентами и врачами [10]. Аналогичные меры реализуются и в правовой сфере, где обеспечение своевременного и точного перевода имеет решающее значение для защиты прав мигрантов [11].

Для иллюстрации различий в интеграционных показателях между странами рассмотрим следующую таблицу:

№	Страна	Модель интеграции	Основные проблемы	Принятые меры
1	Швеция	Ранняя интеграция с дополнительной поддержкой	Временные задержки в адаптации	Обязательное информирование, поддержка специалистов
2	Германия	Ранний трекинг, сегрегация	Ограниченные перспективы, низкая мобильность	Пересмотр системы трекинга, поддержка программ перехода
3	Нидерланды	Гибридная система с «ремонтными механизмами»	Несбалансированное продвижение	Дополнительное наставничество, гибкий подход к переходу

Таблица 2. Сравнительный анализ образовательных моделей в странах ЕС

В странах ЕАЭС наблюдаются сходные вызовы, связанные с языковыми барьерами, однако стратегический подход к решению этих вопросов может отличаться в зависимости от историко-культурных особенностей и уровня развития языковой политики. В этих странах иницируются программы поддержки изучения государственного языка и адаптации мигрантов в правовой и экономической сферах, что позволяет создать благоприятные условия для их социальной интеграции [9].

Основываясь на анализе теоретических и эмпирических данных, можно выделить следующие рекомендации для государственных структур, образовательных учреждений и неправительственных организаций:

Разработка и внедрение комплексных образовательных программ.

Необходимо обеспечить раннюю интеграцию детей мигрантов в систему образования с обязательными курсами языка и социальной адаптации. Программы должны быть адаптированы к культурной специфике мигрантов, чтобы снизить риск сегрегации.

Повышение качества языковых курсов для взрослых мигрантов.

Курсы должны учитывать индивидуальные потребности участников, обеспечивать адаптивное обучение и интеграционные мероприятия для участников. Регулярная аттестация преподавателей и использование

современных методик обучения способствуют улучшению результатов.

Усиление поддержки перевода и интерпретации в правовой и медицинской сферах.

Государствам следует разрабатывать стандарты оказания переводческих услуг, привлекать квалифицированных специалистов и проводить тренинги для сотрудников, работающих с мигрантами. Это позволит снизить риск ошибок и улучшить качество взаимодействия между мигрантами и государственными учреждениями.

Создание информационных и консультационных центров.

Важным инструментом интеграции является информирование мигрантов о возможностях образования, трудоустройства и социальной поддержки. Такие центры должны предоставлять подробные консультации, информационные буклеты и проводить семинары для родителей и детей.

Поддержка межкультурного диалога и обмена опытом.

Регулярные диалоговые площадки, конференции и форумы помогут создать атмосферу доверия между представителями различных культур и способствовать взаимопониманию. Это позволит выявить лучшие практики интеграции и адаптировать их для разных регионов.

Мониторинг и оценка эффективности интеграционных мер.

Введение системы контроля и оценки реализуемых мер позволит своевременно корректировать программу, снизить негативные последствия и оптимизировать распределение ресурсов, направленных на поддержку мигрантов.

Заключение

В заключение можно отметить, что язык является основополагающим инструментом не только для межкультурного диалога, но и для обеспечения правовой и социальной интеграции мигрантов. Проведенный анализ выявил несколько ключевых выводов:

- язык служит мостом, способствующим взаимопониманию и диалогу между представителями различных культур, что особенно важно в условиях правового регулирования миграционных процессов;

- недостаточное владение национальным языком приводит к ограниченному доступу к образованию, рынку труда и медицинским услугам, усиливая социальную сегрегацию;

- комплексные программы языкового обучения, поддержка квалифицированных переводчиков и информационно-консультационные центры являются основными мерами, способствующими успешной интеграции мигрантов;

- сравнительный анализ образовательных систем показывает, что страны, такие как Швеция, добиваются лучших результатов за счет ранней интеграции и дополнительной поддержки мигрантов, в то время как в ряде стран существуют проблемы сегрегации и раннего трекинга.

Выводы:

- 1) Быстрое и эффективное изучение государственного языка является критически важным для социальной и правовой интеграции;

2) Ранняя интеграция детей мигрантов в образовательную систему снижает риск сегрегации и способствует успешной социализации;

3) Поддержка квалифицированных переводчиков и специальные программы для взрослых мигрантов играют важную роль в преодолении языковых барьеров;

4) Государственные и неправительственные организации должны активно взаимодействовать для создания комплексных информационных центров и диалоговых платформ;

5) Регулярный мониторинг и оценка эффективности принимаемых мер позволяют оптимизировать процесс интеграции и прогнозировать долгосрочные тенденции.

Таким образом, успешная интеграция мигрантов невозможна без всесторонней языковой поддержки и активного вмешательства государства, образовательных учреждений и неправительственных организаций. Язык выступает не только как средство коммуникации, но и как инструмент формирования правовых норм, межкультурного диалога и социальной справедливости.

Список источников

1. Kjør A.L. Introduction: Language as Barrier and Carrier of European Legal Integration. - Paradoxes of European Legal Integration. - Edition 1st Edition. – Routledge, 2008. - Pages 8. - <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781315247380-21/introduction-language-barrier-carrier-european-legal-integration-anne-lise-kj%C3%A6r>

2. Khaniki H., Torki H.E. Role and Importance of Dialogue in Intercultural Communication & Understanding Identity Differences. – Rasaneh. - 2024. - №35(1). – P.7-2. - https://qjmn.farhang.gov.ir/article_194069_en.html

3. Tracy K., Ilie C., Sandel T. The International Encyclopedia of Language and Social Interaction. - John Wiley & Sons, 2015. - <https://doi.org/10.1002/9781118611463/wbielsi061>

4. Goodman S. W. Controlling Immigration through Language and Country Knowledge Requirements. - West European Politics. - 2011. - №34(2). – p. 235–255. - <https://doi.org/10.1080/01402382.2011.546569>

5. De Vito E., de Waure C., Specchia M.L. et al. Are undocumented migrants' entitlements and barriers to healthcare a public health challenge for the European Union? - Public Health Rev. – 2016. - №37(13). - <https://doi.org/10.1186/s40985-016-0026-3>

6. Schneeweis N. Educational institutions and the integration of migrants. - Journal of Population Economics. – 2011. - №24. – p. 1281–1308. - <https://doi.org/10.1007/s00148-009-0271-6>

7. Koehler C., Schneider J. Young refugees in education: the particular challenges of school systems in Europe. – Comparative Migration Studies. – 2019. - №7(28). - <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0129-3>

8. Rossner R. Report. - Intergovernmental Conference «Quality in the linguistic integration of adult migrants: from values to policy and practice». - Strasbourg, 3-4 June 2014. - www.coe.int/lang-migrants

9. Antesberger K., Schiller E., Dorner H. Language Integration of Adult Immigrants in the EU in the Context of Policy Measures. - Opus et Educatio. – 2025. - №12(1). - <https://doi.org/10.3311/ope.39394>

10. Kletečka-Pulker M., Parrag S., Droždek B., Wenzel T. Language Barriers and the Role of Interpreters: A Challenge in the Work with Migrants and Refugees. In: Wenzel, T., Droždek, B. (eds) An Uncertain Safety. – 2019. - Springer, Cham. - https://doi.org/10.1007/978-3-319-72914-5_14

11. Burca G. The Language of Rights and European Integration. - https://www.academia.edu/67962716/The_Language_of_Rights_and_European_Integration

Информация об авторах:

ҚҰЛАНОВА САНДУҒАШ ШАРИБЕКҚЫЗЫ, филология ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессоры, Q University

ЕСЕТОВА САЛТАНАТ КОНУСБАЕВНА, заң ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессоры, Q University

Джанегизова А.С., Ефанов А.В., Шаймерденова А.А.

ESG КАК ИНСТРУМЕНТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В условиях глобальной цифровой трансформации компании сталкиваются с необходимостью интеграции принципов ESG (Environmental, Social, Governance) в управленческие практики. ESG становится стратегическим инструментом устойчивого развития, обеспечивая баланс между экономической эффективностью, социальной ответственностью и экологической устойчивостью.

Цифровые технологии усиливают возможности анализа, мониторинга и отчетности, формируя новые модели корпоративного управления. В статье рассматриваются управленческие аспекты ESG, включая стратегическое планирование, цифровые решения и роль руководителей в формировании устойчивой корпоративной культуры. Особое внимание уделено взаимосвязи ESG и цифровизации, а также перспективам для бизнеса в глобальной экономике.

Исследование проведено в рамках грантового финансирования МНВО РК на 2024-2026 годы (ИРН AP22688447 «Материнство на перекрестке: проблемы защиты прав матерей-мигранток (опыт Казахстана и международные стандарты)»).

Ключевые слова: устойчивое развитие, ESG, цифровая трансформация, корпоративное управление, стратегическое планирование, управленческие практики, инновационные технологии.

Введение

Цифровая трансформация усиливает значимость ESG, создавая новые инструменты для мониторинга, анализа и внедрения устойчивых практик.

Данная статья исследует взаимосвязь между цифровыми технологиями и реализацией принципов устойчивого развития в бизнесе, анализируя теоретические основы, практические кейсы, ключевые вызовы и перспективы интеграции ESG в цифровую экосистему. На основе метаанализа современных исследований и анализа отраслевых особенностей авторы демонстрируют, как

большие данные, искусственный интеллект и блокчейн трансформируют управление устойчивостью, повышая прозрачность, снижая риски и формируя новые стандарты корпоративной ответственности. Особое внимание уделено роли образовательных учреждений в подготовке кадров нового поколения, способных управлять устойчивыми цифровыми организациями.

Основная часть

В условиях ускоряющейся цифровой трансформации концепция ESG (Environmental, Social, Governance) перестала быть исключительно инструментом отчетности и превратилась в стратегический компонент корпоративного управления. Современные тенденции глобальной экономики демонстрируют возрастающую роль ESG-повестки в стратегическом управлении организациями.

В условиях роста требований со стороны инвесторов, регуляторов и общества, управленческие решения должны учитывать не только финансовые показатели, но и экологические, социальные и управленческие факторы.

Концепция ESG, сформированная в начале 2000-х годов в рамках инициативы UN PRI, представляет собой трехкомпонентную модель устойчивого развития, охватывающую экологические, социальные и управленческие аспекты деятельности компании [1]. Экологический компонент (E) включает в себя снижение углеродного следа, рациональное использование природных ресурсов, переход на возобновляемые источники энергии и минимизацию экологических рисков [2]. Социальный компонент (S) фокусируется на защите прав работников, обеспечении равенства и инклюзивности, развитии корпоративной культуры и активном взаимодействии с местными сообществами [3]. Управленческий компонент (G) предполагает прозрачность в принятии решений, эффективность совета директоров, антикоррупционные меры и защиту прав акционеров, включая борьбу с конфликтами интересов [4].

Традиционно ESG воспринимался как набор добровольных стандартов, ориентированных на репутационные риски. Однако в условиях цифровой трансформации его роль кардинально меняется. Цифровизация, определяемая как интеграция цифровых технологий во все аспекты бизнеса, переформатирует бизнес-модели, усиливая взаимодействие с клиентами, поставщиками и регуляторами [5]. Технологии, такие как большие данные (big data), искусственный интеллект (ИИ) и блокчейн, становятся не просто инструментами повышения эффективности, а катализаторами стратегического переосмысления устойчивости [6].

Цифровые технологии позволяют превратить ESG из декларативной модели в измеримую, динамичную и прогнозируемую систему. Например, ИИ способен анализировать сотни тысяч неструктурированных данных — от социальных сетей до датчиков окружающей среды — для оценки социальных рисков или экологических нарушений в реальном времени [7]. Блокчейн обеспечивает неизменность и прозрачность отчетности, делая невозможным манипулирование ESG-данными, что особенно важно для инвесторов, ориентированных на долгосрочную устойчивость [8].

Таким образом, цифровая трансформация не просто дополняет ESG — она делает его неотъемлемой частью стратегического управления, превращая отчетность в инструмент конкурентного преимущества [9].

Если теоретические рамки ESG определяют, что должно быть измерено и почему это важно, то цифровая трансформация отвечает на вопрос как — как превратить принципы устойчивости из абстрактных ценностей в живые, измеримые и управляемые процессы. В эпоху, когда данные стали новым капиталом, а прозрачность — ключевым активом, управленческие практики ESG переживают революцию. Цифровые технологии не просто упрощают сбор отчетности; они переопределяют саму природу корпоративной ответственности. От автоматизированной отчетности до предиктивного управления рисками и интеллектуальной генерации устойчивых решений — цифровая экосистема превращает ESG из пассивного стандарта в активный двигатель стратегического лидерства. Ниже рассмотрены три ключевых управленческих измерения этой трансформации: прозрачность, управление рисками и инновации в управлении — три столпа, на которых строится цифровой ESG-менеджмент XXI века.

Прозрачность и отчетность. Цифровые платформы, такие как SAP Sustainability Control Tower, Salesforce Sustainability Cloud или специализированные ESG-решения на базе облачных технологий, позволяют компаниям формировать отчеты в режиме реального времени, интегрируя данные из различных подразделений — от логистики до HR [10]. Это не только снижает административную нагрузку, но и повышает доверие инвесторов. Исследования показывают, что компании, использующие автоматизированные ESG-системы, на 32% реже сталкиваются с репутационными скандалами, связанными с «зеленым» пиаром (greenwashing) [11].

Управление рисками. Большие данные и аналитические модели позволяют прогнозировать экологические и социальные риски на уровне цепочек поставок. Например, компании могут использовать геопространственные данные и модели машинного обучения для оценки рисков, связанных с изменением климата: наводнения, засухи, перебои в энергоснабжении [12]. В финансовом секторе, в частности, такие системы применяются для оценки кредитных рисков на основе ESG-показателей контрагентов, что становится стандартом для крупных банков, таких как HSBC и JPMorgan Chase [13].

Инновации в управлении. Искусственный интеллект используется не только для анализа, но и для генерации рекомендаций по улучшению ESG-показателей. Например, ИИ-системы могут предлагать оптимальные маршруты логистики для снижения выбросов CO₂ или автоматически выявлять случаи дискриминации в HR-системах на основе анализа отзывов сотрудников [14]. Блокчейн, в свою очередь, обеспечивает аудитируемость и неизменность данных, что особенно важно для соблюдения международных стандартов, таких как GRI, SASB и ISSB [15]. Эти технологии формируют новый стандарт корпоративного управления — цифровой ESG-менеджмент, где ответственность становится не декларацией, а технически зафиксированным процессом [16].

Тем не менее, теоретическая обоснованность и статистическая значимость связи между цифровизацией и ESG-производительностью — хотя и убедительны

— не могут быть применены универсально. За цифровыми агрегатами и средними показателями скрываются сложные, многогранные реалии, где контекст определяет исход. То, что в одной отрасли становится катализатором трансформации, в другой может остаться лишь дорогостоящей, но неэффективной инфраструктурой. Чтобы перейти от общих тенденций к конкретике, необходимо взглянуть на практику — на реальные кейсы, где цифровые технологии встречаются с отраслевыми вызовами, организационными культурами и уникальными ограничениями. Только в этом контексте становится ясно: цифровизация ESG — не одноразовая технологическая «вставка», а глубокая, адаптивная перестройка бизнес-логики, требующая не только инструментов, но и понимания специфики. Именно на этом этапе — в сопоставлении теории с практикой — проявляется подлинная сила и границы цифровой устойчивости.

Эмпирические исследования подтверждают значимость цифровой трансформации для улучшения ESG-показателей. В исследовании Chen и Ren (2025), охватывающем 396 компаний из разных отраслей, было установлено, что рост уровня цифровизации на 1% сопровождается улучшением совокупного ESG-показателя на 4,8% [17]. Метаанализ 59 исследований (2015–2025) Stephenson et al. (2025) подтверждает эту тенденцию: цифровые технологии усиливают положительное влияние ESG на финансовую устойчивость и долгосрочную прибыльность компаний [18].

Однако результаты неоднородны, что требует адаптации подходов к отраслевым контекстам. В энергетическом секторе цифровизация ESG тесно связана с внедрением «умных сетей» (smart grids), IoT-датчиков для мониторинга выбросов и цифровых платформ для управления возобновляемыми источниками энергии [19]. В финансовом секторе — с развитием цифровых платформ устойчивого инвестирования, таких как ESG-ETF, и алгоритмических рейтингов, основанных на реальных данных, а не на самоотчетах [20]. В то же время в малом и среднем бизнесе, особенно в развивающихся экономиках, высокая стоимость технологий и недостаток компетенций остаются серьезными барьерами [21].

Противоречивые результаты, выявленные в исследовании, опубликованном в PLOS ONE (2025), подчеркивают, что цифровизация ESG не является универсальным решением: без стратегической интеграции и культуры ответственности технологии могут лишь усилить поверхностную отчетность.

Несмотря на доказанную эффективность цифровых решений в укреплении ESG-практик, путь к их масштабному внедрению не лишен препятствий — они носят не только технический, но и глубоко системный характер. Высокая стоимость инфраструктурных инвестиций, дефицит междисциплинарных компетенций и укоренившееся сопротивление организационным изменениям создают значительные барьеры, особенно для компаний, стремящихся к справедливому и инклюзивному переходу. Однако за этими вызовами скрывается не столько угроза, сколько возможность — возможность переосмыслить роль бизнеса в обществе, перестроить образовательные парадигмы и сформировать новую экосистему доверия, основанную на прозрачности, совместной ответственности и технологической целостности.

Именно в этом контексте открываются перспективы, способные не просто преодолеть текущие трудности, но и заложить фундамент для устойчивой цифровой цивилизации будущего.

Внедрение цифровых ESG-инструментов сталкивается с рядом вызовов. Во-первых, высокая стоимость внедрения: инвестиции в платформы, интеграцию систем и кибербезопасность могут достигать 10–15% годового бюджета ИТ-развития. Во-вторых, кадровый дефицит — на рынке не хватает специалистов, обладающих одновременно знаниями в области устойчивого развития, аналитики данных и цифровых технологий. В-третьих, сопротивление изменениям внутри организаций: устоявшиеся процессы, отсутствие лидерства и недостаток осведомленности менеджмента замедляют трансформацию.

Перспективы развития, однако, многообещающие. Это и формирование цифровых экосистем ESG, где компании, поставщики, регуляторы и гражданское общество взаимодействуют через единые цифровые платформы, например, на базе блокчейн-сетей. Также интеграция ESG в образовательные программы — от бакалавриата до MBA — становится неотъемлемой частью подготовки будущих лидеров. Ну и наконец, развитие международных стандартов цифровой отчетности, таких как IFRS S2 (Климатические риски) и цифровые форматы данных на основе XBRL, позволит унифицировать ESG-отчетность и повысить ее сопоставимость.

Несмотря на технологическую продвинутость и стратегическую значимость цифровых ESG-инструментов, их эффективное внедрение в практику бизнеса невозможно без людей — компетентных, осознанных и подготовленных лидеров, способных не просто использовать технологии, а направлять их в русло устойчивого развития.

Именно здесь ключевую роль начинают играть образовательные организации — не как пассивные поставщики знаний, а как активные форматоры новой парадигмы управления. В условиях, когда решения принимаются на стыке данных, этики и долгосрочной ответственности, университеты и бизнес-школы становятся не просто учебными заведениями, а лабораториями будущего: здесь зарождается ESG-мышление — способность видеть за цифрами людей, за процессами — последствия, а за прибылью — смысл.

В Казахстане, как и в других странах Центральной Азии, наблюдается рост спроса на программы, сочетающие цифровые навыки и принципы устойчивого развития. Внедрение ESG-курсов в магистратуру и программы MBA, например, в Назарбаев Университете, КазНУ им.Аль-Фараби и АУЭС, позволяет подготовить специалистов, способных управлять цифровыми экосистемами в условиях неопределенности.

Эти программы не только обучают техническим инструментам, но и формируют ESG-мышление: способность принимать решения, балансирующие между прибылью, экологией и социальной справедливостью. Университеты и бизнес-школы играют ключевую роль в формировании нового поколения управленцев.

Заключение.

Таким образом, цифровой ESG перестал быть дополнительным элементом

корпоративной стратегии — он стал её ядром.

Технологии не просто ускоряют отчетность, они переопределяют саму суть ответственности: из внешней демонстрации добросовестности они превращаются во внутреннюю логику принятия решений, где каждый алгоритм, каждый поток данных и каждая цифра в отчете становятся выражением ценностей организации.

Но ни блокчейн, ни ИИ, ни облачные платформы не заменят человеческого суждения, этического лидерства и долгосрочного видения. Успех зависит не от того, насколько «умной» является система, а насколько «осознанной» является культура, в которой она функционирует.

Именно здесь образовательные институты берут на себя ответственность не только за передачу знаний, но и за формирование нового поколения менеджеров — тех, кто умеет слушать данные, но не слепо им доверяет; кто видит тренды в цифрах, но не забывает о людях за ними; кто руководит не ради соответствия стандартам, а ради создания устойчивого будущего.

Список источников

1. Chen Y., Ren J. How does digital transformation improve ESG performance? Empirical research from 396 enterprises. — *International Entrepreneurship and Management Journal*. — 2025. — <https://doi.org/10.1007/s11365-024-01011-2>
2. Stephenson B., Tukamushabab E., Bakashabaa R. et al. Digital levers for sustainability: a meta-analytic review of digital transformation's influence on ESG performance. — *Cogent Business & Management*. — 2025. — <https://doi.org/10.1080/23311975.2025.2564919>
3. Digital transformation and corporate ESG performance: Research based on contradictions. — *PLOS ONE*. — 2025. — <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0325295>
4. United Nations. Principles for Responsible Investment. — 2006. — <https://www.unpri.org/>
5. Elkington J. *Cannibals with Forks: The Triple Bottom Line of 21st Century Business*. — Capstone Publishing, 1997.
6. Global Reporting Initiative (GRI). GRI Standards 2021. — 2021. — <https://www.globalreporting.org/standards/>
7. International Integrated Reporting Council. The <IR> Framework. — 2021. — <https://integratedreporting.org/resource/international-ir-framework/>
8. Bharadwaj A., El Sawy O.A., Pavlou P.A. et al. Digital Transformation: A Review and Research Agenda. — *MIS Quarterly*. — 2013. — Vol. 37, № 2. — P. 471–490.
9. Laudati A., Serrano E., Lopes L. et al. Digital Technologies and Sustainable Development: A Systematic Review. — *Sustainability*. — 2022. — Vol. 14, № 5. — P. 2897. — <https://doi.org/10.3390/su14052897>
10. Kshetri N. Blockchain's roles in meeting key supply chain management objectives. — *International Journal of Information Management*. — 2018. — Vol. 39. — P. 80–89. — <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2017.04.005>
11. Eccles R.G., Ioannou I., Serafeim G. The Impact of Corporate Sustainability on Organizational Processes and Performance. — *Management Science*. — 2014. — Vol. 60, № 11. — P. 2835–2857. — <https://doi.org/10.1287/mnsc.2014.1984>
12. Davenport T.H., Ronanki R. Artificial Intelligence for the Real World. — *Harvard Business Review*. — 2018. — Vol. 96, № 1. — P. 108–116.
13. International Sustainability Standards Board (ISSB). IFRS S1 General Requirements for Disclosure of Sustainability-related Financial Information and IFRS S2 Climate-related Disclosures. — 2023. — <https://www.ifrs.org/issued-standards/>
21. World Bank. Digital Inclusion and SMEs in Emerging Economies. — 2023. —

Информация об авторах:

ДЖАНЕГИЗОВА АЙСУЛУ САБИРХАНОВНА, магистр экономических наук, докторант КазНУ им. аль-Фараби

ЕФАНОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ, магистрант 2-курса ОП Менеджмент Q University

ШАЙМЕРДЕНОВА АЙГУЛ АУЕСХАНОВНА, доктор PhD, проф. КазАДИ им.Л.Б.Гончарова

Максут А.С.

**АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ С
УЧЕТОМ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

Аннотации: Статья посвящена анализу актуальных проблем антикоррупционной правовой политики Республики Казахстан с учетом истории формирования, современного состояния и перспектив цифровизации. Особое внимание уделено влиянию миграционных процессов на эффективность антикоррупционных мер. Рассматриваются правовые, институциональные и технологические инструменты борьбы с коррупцией, а также международный опыт и перспективы интеграции цифровых технологий и миграционного мониторинга. Предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства, институциональных механизмов и цифровых платформ, направленных на повышение прозрачности и эффективности антикоррупционной политики.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, цифровизация, миграция, правовое регулирование, Республика Казахстан.

Антикоррупционная политика Республики Казахстан является одним из ключевых направлений государственной деятельности, направленной на обеспечение законности, прозрачности и подотчётности государственных институтов. Исторически формирование антикоррупционной правовой политики проходило через несколько этапов: создание нормативной базы в 1990-е годы, институционализация органов контроля и надзора в 2000-е, внедрение международных стандартов и цифровых технологий в современный период [1][3][4].

Современные вызовы включают необходимость адаптации законодательства к новым формам коррупции, учитывая цифровизацию государственных процессов и влияние миграционных потоков на административные и контрольные органы. В частности, внутренние и международные миграционные процессы создают дополнительную нагрузку на регуляторные механизмы, требуя интеграции автоматизированных платформ и цифрового мониторинга для снижения

коррупционных рисков [5][8][9].

Цель исследования состоит в комплексном анализе антикоррупционной правовой политики Казахстана с учетом цифровизации и миграционных факторов, выявлении проблемных зон и разработке рекомендаций по совершенствованию законодательства, институтов и технологий.

Первый этап формирования антикоррупционной политики связан с принятием в 1998 году Закона «О борьбе с коррупцией», а также созданием специализированных государственных органов для контроля и надзора [1]. На этом этапе акцент делался на уголовно-правовую ответственность, выявление коррупционных преступлений и формирование институциональной структуры органов контроля.

В 2005–2015 гг. происходила институционализация контроля и разработка программ профилактики коррупции, включая создание Комитета по противодействию коррупции при Министерстве юстиции и внедрение системы мониторинга государственных расходов [3][4].

С 2015 года, с принятием новой Концепции антикоррупционной политики и Закона «О противодействии коррупции» [7], особое внимание стало уделяться интеграции цифровых технологий: электронные госуслуги, автоматизированные системы учета и аналитики, блокчейн-платформы и внедрение электронного документооборота [5][6].

Цифровизация является одним из ключевых инструментов повышения прозрачности и снижения коррупционных рисков. Электронные платформы позволяют:

- минимизировать субъективное влияние чиновников;
- ускорить процессы проверки и аудита;
- выявлять аномалии в бюджетных и тендерных процессах с помощью больших данных и аналитики;
- интегрировать международные стандарты прозрачности.

Примеры успешной цифровизации включают электронные реестры госзакупок, автоматизированные системы мониторинга бюджетных расходов, платформы для подачи жалоб гражданами и внедрение системы электронного документооборота в государственных органах [5][6][16].

Миграция оказывает значительное влияние на антикоррупционную среду. Внутренние миграционные потоки создают нагрузку на органы местного самоуправления, повышая вероятность коррупционных практик при оформлении документов и предоставлении государственных услуг [8]. Международная миграция требует обмена информацией с другими странами, интеграции данных о резидентах, мигрантах и трудовой мобильности. Это делает цифровизацию и создание единой платформы для учета миграционных процессов ключевым инструментом противодействия коррупции [9][17].

Эффективное использование цифровых технологий позволяет:

- отслеживать движение мигрантов и их взаимодействие с государственными органами;
- минимизировать личные контакты, уменьшая коррупционные риски;
- интегрировать систему электронных паспортов и идентификационных

данных;

- анализировать статистические данные для прогнозирования коррупционных рисков.

Анализ международной практики показывает, что комплексная интеграция цифровых технологий и эффективное управление миграционными процессами существенно снижают уровень коррупции. Примеры включают:

- Сингапур – строгая правовая база, цифровой документооборот и автоматизированный контроль финансовых потоков [10].

- Скандинавские страны – акцент на цифровизацию государственных услуг, независимый мониторинг и прозрачные процессы выдачи документов [11].

- Эстония – использование электронного госуправления, цифровых идентификаторов и блокчейн-платформ, что снижает коррупционные практики почти на 40% [15].

Современное общество Казахстана сталкивается с комплексом правовых, организационных и социально-экономических проблем, влияющих на эффективность функционирования государственных институтов и систему обеспечения законности. Одним из ключевых направлений правовой политики является формирование устойчивой антикоррупционной среды и предупреждение преступности, в том числе в пенитенциарной системе. Коррупция, наряду с рецидивной и внутритюремной преступностью, оказывает прямое воздействие на эффективность работы государственных органов, доверие граждан к институтам власти и процессы социальной интеграции [1]. Исторически антикоррупционная политика Казахстана формировалась в условиях перехода от плановой экономики к рыночным отношениям, что сопровождалось необходимостью выстраивания прозрачной системы государственного управления и правоприменительной практики. Первые законодательные инициативы в этой области были направлены на формализацию ответственности должностных лиц за злоупотребление полномочиями и установление базовых стандартов прозрачности, однако их реализация сталкивалась с ограниченными ресурсами, недостаточной правовой культурой персонала и слабым общественным контролем [2].

В начале XXI века Республика Казахстан предпринимает активные шаги по модернизации антикоррупционной политики, включая создание специализированных органов, развитие законодательной базы и внедрение международных стандартов. Закон «О противодействии коррупции» от 18 ноября 2015 года № 410-V и последующие изменения закрепляют обязанности государственных органов, расширяют возможности общественного контроля и определяют ответственность должностных лиц за правонарушения коррупционного характера [3]. Параллельно с этим усилия государства направлены на цифровизацию процессов управления и мониторинга, что позволяет значительно сократить человеческий фактор, повысить прозрачность процедур и минимизировать риски злоупотреблений. Внедрение электронных систем документооборота, автоматизированного учета правонарушений, онлайн-платформ для подачи жалоб граждан и внутреннего контроля служит эффективным инструментом предупреждения коррупции и повышения эффективности правоприменительной практики [4].

Цифровизация государственных процессов имеет особое значение для пенитенциарной системы. Внедрение видеонаблюдения, электронного учета происшествий, цифровых журналов, а также интеграция с системами мониторинга антикоррупционных органов позволяет контролировать действия персонала, оперативно выявлять нарушения и фиксировать инциденты, что снижает латентность правонарушений. Международный опыт показывает, что внедрение цифровых инструментов управления снижает уровень жалоб на действия персонала почти на 30–40 %, улучшает дисциплину и создаёт условия для более гуманного отношения к осуждённым [5]. В Казахстане аналогичные меры реализуются в рамках программ модернизации пенитенциарной системы, однако их масштаб и эффективность всё ещё ограничены, что требует дальнейшего развития и интеграции технологий [6].

Влияние миграции на антикоррупционную среду и пенитенциарную преступность является ещё одной важной составляющей современного анализа. Миграционные потоки, как внутренние, так и внешние, оказывают комплексное влияние на социальную структуру общества, рынок труда и условия реализации государственных программ. Внутренняя миграция, связанная с переездом населения из сельских районов в города, приводит к росту социального давления на инфраструктуру и государственные органы, увеличивает конкуренцию за рабочие места и создает предпосылки для коррупционных проявлений при распределении ресурсов [7]. Международная миграция, включая приток иностранных трудовых мигрантов, формирует необходимость адаптации системы законодательства, включая антикоррупционное регулирование и контроль за соблюдением прав мигрантов. Недостаточный уровень прозрачности в сфере трудоустройства и социальной поддержки мигрантов может способствовать коррупционным схемам и нарушению прав человека [8].

В контексте пенитенциарной системы миграционные аспекты проявляются через демографические изменения среди заключённых, различия в культурных и языковых группах, а также влияние социальной среды на формирование устойчивых криминальных субкультур. Исследования показывают, что миграционные процессы, сопровождающиеся социальной дезадаптацией, недостаточной поддержкой семьи и экономической нестабильностью, повышают риск вовлечения в преступную деятельность как до заключения, так и во время пребывания в учреждениях уголовно-исполнительной системы [9].

Пенитенциарная преступность представляет собой совокупность преступлений, совершаемых как осуждёнными, так и сотрудниками УИС. Основные причины таких правонарушений связаны с недостаточной профессиональной подготовкой персонала, низким уровнем внутреннего и внешнего контроля, коррупционными рисками, психологическим давлением и замкнутостью пенитенциарной среды [10]. Внутренние и международные исследования подтверждают, что высокая латентность преступлений в учреждениях УИС обусловлена корпоративной солидарностью, страхом репрессий и отсутствием эффективного мониторинга. При этом переполненность учреждений, ограниченные возможности для образовательной и трудовой деятельности, а также недостаточный доступ к психологической помощи создают условия для конфликтов и роста

насилия [11].

Превышение должностных полномочий сотрудниками УИС, коррупционные действия и насильственные преступления среди осуждённых являются взаимосвязанными феноменами, усиливающими деструктивные тенденции внутри системы. Коррупция персонала, злоупотребление полномочиями и непрозрачность административных процедур не только подрывают доверие общества, но и способствуют росту преступности среди заключённых [12]. Анализ судебной практики показывает, что количество официально осуждённых сотрудников за превышение полномочий значительно ниже выявленных случаев нарушений дисциплины, что подтверждает необходимость усиления контроля и внедрения цифровых механизмов мониторинга [13].

Важной составляющей эффективного противодействия преступности и коррупции является интеграция международных стандартов и опыта. Конвенция против пыток и других жестоких видов обращения, Европейские пенитенциарные правила, Правила Нельсона Манделы, а также рекомендации UNODC и Совета Европы обеспечивают правовую основу для построения системы мониторинга, защиты прав человека и социальной адаптации заключённых [14]. Скандинавский опыт демонстрирует, что сочетание профессиональной подготовки персонала, гуманного отношения к заключённым и использования цифровых технологий позволяет минимизировать уровень насилия и повысить эффективность реабилитации [15].

Антикоррупционная политика в Казахстане тесно связана с цифровизацией государственных процессов. Внедрение электронных платформ для регистрации коррупционных обращений, онлайн-контроля действий государственных служащих, мониторинга исполнения решений и прозрачного ведения документооборота способствует снижению рисков злоупотреблений. Особое значение имеют системы интеграции с пенитенциарной системой, позволяющие фиксировать нарушения, контролировать дисциплину и предотвращать коррупционные схемы [16].

Влияние миграции на антикоррупционную и пенитенциарную сферы проявляется в необходимости адаптации законодательства и практики к новым социальным реалиям. Приток трудовых мигрантов требует прозрачного регулирования трудоустройства, социальных гарантий и контроля за соблюдением прав мигрантов, что снижает вероятность коррупционных действий со стороны государственных органов [17]. Внутренняя миграция требует усиления социальной поддержки, инфраструктурного развития и внедрения цифровых инструментов управления, что позволяет минимизировать давление на государственные службы и снизить уровень конфликтности [18].

Комплексная профилактика преступлений в пенитенциарной системе и антикоррупционных правонарушений включает законодательные, организационные и технологические меры. Законодательные инициативы направлены на уточнение статей уголовного и уголовно-исполнительного кодексов, установление ответственности за превышение полномочий и коррупционные деяния, а также на создание правовых механизмов для интеграции цифровых технологий [19]. Организационные меры включают внутренний и внешний

контроль, развитие кадровой политики, программы повышения квалификации, а также внедрение систем видеонаблюдения и электронного учета [20]. Технологические меры обеспечивают прозрачность, оперативное выявление нарушений и контроль за действиями персонала [21].

Выводы исследования позволяют сформулировать следующие рекомендации: необходимость укрепления законодательной базы с конкретизацией норм УК РК и УИК РК, усиление антикоррупционного контроля, развитие общественного мониторинга, внедрение цифровых технологий, повышение квалификации кадров УИС, интеграция международного опыта и адаптация миграционной политики к современным вызовам [22].

1. Антикоррупционная политика Казахстана требует комплексного подхода, включающего правовое регулирование, цифровизацию и мониторинг миграционных процессов [1][5][8].

2. Цифровизация позволяет минимизировать коррупционные риски, повысить прозрачность и ускорить процессы контроля [5][6][16].

3. Миграционные потоки создают дополнительную нагрузку, требующую интеграции автоматизированных платформ и международного сотрудничества [8][9][17].

4. Международный опыт демонстрирует эффективность комплексного подхода: законодательство, цифровизация, контроль и гражданское участие [10][11][15].

5. Для устойчивого функционирования антикоррупционной политики необходимо обновление нормативной базы, развитие цифровых платформ и повышение квалификации персонала [12][14][16].

6. Эффективная борьба с коррупцией возможна только при сочетании правовых, институциональных и технологических мер, а также участия международного сообщества и гражданских институтов [1][18][19].

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2023 год).
2. Закон Республики Казахстан «О противодействии коррупции» от 18 ноября 2015 года № 410-V.
3. Постановление Правительства РК «Об утверждении Концепции антикоррупционной политики на 2023–2027 годы» от 17 февраля 2023 года № 93.
4. Даулетов, А. К. Уголовное право Республики Казахстан. — Алматы: Юрист, 2022.
5. UNODC. World Corruption Report 2023. — Vienna, 2023.
6. Smith, R. Digital Governance and Anti-Corruption: Innovations in Public Administration. — London: Routledge, 2022.
7. Закон РК «Об общественном контроле» от 14 января 2022 года № 123-VII.
8. Агентство по вопросам миграции РК. Статистический отчет 2023–2024 гг. — Астана, 2024.
9. IOM. Migration and Governance Report, 2023. — Geneva, 2023.
10. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023. — Berlin, 2023.
11. OECD. Digital Government Review: Nordic Countries, 2022. — Paris, 2022.
12. Garland, D. The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. — Oxford: Oxford University Press, 2020.
13. Кузнецов, В. Н. Проблемы квалификации должностных преступлений в уголовном

праве. — Москва: Норма, 2021.

14. CyberLeninka. Современные подходы к цифровизации государственных услуг в Казахстане, 2022.

15. e-Estonia. Digital Society Development Report 2023. — Tallinn, 2023.

16. Baymukanov, E. S. Антикоррупционная политика и цифровизация в Казахстане. // Вестник КУИС. — 2023. — № 2.

17. IOM Kazakhstan. Migration Management Strategies, 2023. — Astana, 2023.

18. European Commission. Good Governance and Anti-Corruption Practices, 2022.

19. UNODC. Corruption Prevention Handbook for Public Institutions, 2023.

Информация об авторе:

МАКСУТ АЛЬСЕЙТ СЕРИКУЛЫ, Магистрант Q University, Казахстан

Казакова Е.Б.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В современных реалиях цифровизация оказывает влияние на национальную безопасность государства. Цифровые технологии определяют новые векторы развития и совершенствования экономического роста страны, его стабильности и, самое главное, в условиях нарастания угроз – безопасности. При рассмотрении внедрения новых цифровых технологий, важно акцентировать внимание на их понимании через призму «двигателя прогресса», что напрямую влияет на экономический рост страны в контексте национальной безопасности. Вследствие цифровизации миграционных процессов происходит создание цифровых профилей, сбор биометрических данных, что является важным направлением государственной миграционной политики.

Ключевые слова: цифровая миграция, миграционные потоки, культурный код, цифровой профиль, сбор биометрических данных, национальная безопасность.

Введение

Цифровые технологии оказывают воздействие на национальную безопасность через динамику и вектор социально-экономического прогресса [9].

Процесс внедрения цифровизации в общественные отношения способствует его трансформации в различных сферах: социально-экономической, политической и других. В свете новых вызовов современного мира особую актуальность приобретают вопросы, связанные с изменчивостью миграционных процессов. Те изменения, которые затрагивают процессы цифровой миграции, непосредственно могут влиять на регулирование миграционных потоков.

Тенденция развития, внедрения и совершенствования цифровых технологий

в миграционной сфере представляют новые возможности в борьбе с появляющимися угрозами, создающими прямую или косвенную возможность нанесения какого-либо вреда национальной безопасности. В перспективе внедрение новых технологий может способствовать минимизации реализации угрозы и развития последствий нанесения ущерба безопасности государства.

Прогресс цифровой миграции способствует совершенствованию механизмов миграционной политики, что направлено на повышение мер эффективности государственного регулирования миграции.

Основная часть

15 октября 2025 года Президентом РФ был подписан Указ «О Концепции государственной миграционной политики РФ на 2026-2030 годы» (далее - Концепция), в которой отмечаются цели, акцентирующие внимание на «миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере обеспечения безопасности государства, социально-экономического, научно-технологического, пространственного развития страны...» [2]. Следовательно, совокупность указанных факторов направлена на обеспечение защиты национальной безопасности. В тексте указанных целей важно раскрыть понятие «культурный (цивилизационный) код», являющийся основой перечисленных в Концепции составляющих духовной сферы.

В научных исследованиях существует различное толкование термина «код».

Д.И. Дубровский разграничивает типы кодов. По его мнению, «естественный код» не требует декодирования, он является понятным системе. Напротив, другим является «чуждый код», требующий декодирования [4].

Поэтапный процесс кодирования информации в культурной сфере протекает в социуме, при котором человек реагирует на происходящие изменения [6].

По мнению Изотовой Н.Н. «Код – ключ к расшифровке глубинных культурных явлений, стереотипов поведения и ценностей, детерминированных этнокультурой» [5].

Таким образом, обозначенная в научных кругах актуальность «кода» приобретает тенденцию в культурологии, оказывающую влияние на цивилизационные процессы.

При рассмотрении культурного кода в свете регулирования миграционной политики, следует указать на процесс адаптации мигрантов в духовно-нравственной сфере, влияющей на миграционные потоки.

В ст. 7 Концепции отмечена трансформация миграционных потоков за период с 2019-2025 годы. К данным изменениям отнесены факторы, связанные с социально-экономической ситуацией страны, временными ограничениями на межгосударственное транспортное сообщение, распространением новой коронавирусной инфекции. Следовательно, экономическая составляющая страны, санитарно-эпидемиологическая обстановка, являются важным направлением в развитии миграционных потоков.

Ввиду быстро развивающихся цифровых технологий, особое значение приобретает государственное регулирование миграции, посредством модернизации технологической составляющей государства.

В настоящее время был издан Указ Президента РФ от 9 октября 2025 года № 467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина» (далее – Указ № 467), в соответствии с которым отмечено его формирование до 30 июня 2026 года [1].

В Указе № 467 зафиксирован перечень цифрового профиля иностранного гражданина, который включает в себя 25 положений, касающихся сведений о миграционном учете, о заявлениях в целях въезда и пребывания в России, о пересечении государственной границы и др. Следовательно, в представленном перечне, напротив каждого сведения определен орган, организация, отвечающие за его включение в «Цифровой профиль иностранного гражданина» [10].

Представляется, что цифровой профиль рассматривается в качестве базы данных об иностранных гражданах и лицах без гражданства, осуществляющих въезд в Россию и выезд из нее, а также пребывающих (проживающих) в государстве. Интеграция цифрового профиля в миграционную сферу способствует оптимизации информационного обмена между различными государственными органами: МВД, ФСБ, ФНС и др. [7].

Следовательно, в условиях современной реальности остро встает вопрос об обеспечении защиты государственной границы как важной составляющей национальной безопасности. Создание цифрового профиля направлено на контроль миграционных потоков, претерпевающих трансформацию в свете социально-экономических изменений.

Важно отметить третий раздел ст. 10 Концепции, где зафиксировано положение по сбору биометрических персональных данных при пересечении границы иностранными гражданами, что связано с трансформацией контроля миграционных потоков путем регулирования цифровой миграции. Акцентируя внимание на данном вопросе, важно подчеркнуть, что тема биометрических данных в научных и общественных кругах остается дискуссионной и актуальной в контексте обеспечения национальной безопасности от современных вызовов и угроз, особенно в области кибербезопасности.

На сегодняшний день вопросы идентификации человека, посредством сбора биометрических данных, представляют собой востребованное направление, в целях распознавания конкретного человека на основе его уникальных черт. Особый правовой интерес представляют такие известные методы по сбору биометрических данных, как аутентификация по отпечатку пальца; распознавание по радужной оболочке; чертам лица и др. В криминалистической деятельности, на основе статистических и динамических методов, происходит биометрическая идентификация личности. К первой группе относят отпечатки пальцев, ДНК, сетчатку глаза и др. Следовательно, это те методы, которые остаются прежними в течение всей жизни. Вторая группа отличается изменчивостью характеристик человека при изучении его личности, к которым можно отнести особенности голоса: низкий, высокий тембр; динамику почерка: темп и координация движений и др. [8].

В Постановлении Правительства РФ № 1510 от 07.11.2024 указан порядок действий сбора биометрических данных иностранных граждан и лиц без гражданства до въезда в РФ в порядке, не требующем получения визы [3].

Начиная с 30 июня 2025 г. в течение года иностранным гражданам предоставляется возможность заранее сдать биометрические данные о цели визита в специальном приложении, в целях безвизового въезда в РФ.

Сбор биометрических данных происходит путем снятия отпечатков пальцев, с помощью их приложения к специальному сканеру, а также посредством фотографирования лица. В результате данной процедуры происходит сбор информации об иностранном гражданине, с целью формирования его цифрового профиля. Следовательно, применение мер идентификации личности путем сбора биометрических данных, направлено на установление личности, совершенствование прозрачности миграционных процессов, что представляет собой важный инструмент в регулировании мер защиты государственной границы в области обеспечения национальной безопасности.

Заключение

Таким образом, рассматривая постепенное внедрение цифровизации в миграционные процессы, следует резюмировать, что активное развитие и применение цифровых технологий способствует трансформации миграционной сферы. Важно детальное изучение, выявление и оценка цифровой миграции в свете новых вызовов национальной безопасности. Особенно дискуссионными являются вопросы, составляющие биометрические системы аутентификации. На сегодняшний день, одной из тенденций трансформации общественных отношений являются миграционные потоки. В связи с чем, особую важность приобретает проведение эффективных правовых мер в области обеспечения цифровой миграции, что становится одним из современных направлений государственной миграционной политики.

Список источников:

1. Указ Президента РФ от 09.07.2025 N 467 "О государственном информационном ресурсе "Цифровой профиль иностранного гражданина" // Собрание законодательства РФ. 14.07.2025. № 28. ст. 3955.
2. Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы»// Собрание законодательства РФ. 20.10.2025. № 42. Ст. 6143.
3. Постановление Правительства РФ от 07.11.2024 N 1510 (ред. от 08.10.2025) "О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства" (вместе с "Правилами организации эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства", "Правилами оказания содействия подразделениям органов внутренних дел Российской Федерации в проведении добровольной государственной геномной регистрации посредством получения, хранения, уничтожения биологического материала, а также получения и передачи геномной информации") // Собрание законодательства РФ. 18.11.2024. № 47. ст. 7114.
4. Дубровский Д.И. Расшифровка кодов (Методологические аспекты проблемы) // Вопросы философии. № 12.
5. Изотова Н.Н. Культурный код: семиотический аспект // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 1А. С. 122-127.
6. Каргаполов Е.П. Культурный и цивилизационный коды: актуальные вопросы теории // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 2 (460). Философские

науки. Вып. 63. С. 27-35.

7. Ковалишина К.В., Евсикова Е.В. Цифровой профиль мигранта: особенности и перспективы развития // Аграрное и земельное право. 2024. № 8 (236). С. 110-112.

8. Тульских В.Д. Использование биометрических технологий в экспертно-криминалистической деятельности // Армия и общество. 2013.

9. Шинкарецкая Г.Г., Берман А.Н. Цифровизация и проблема обеспечения национальной безопасности // Образование и право. 2020. № 5. С. 254-260.

10. Ключевская Н. Владимир Путин поручил создать цифровой профиль иностранца к 30 июня 2026 года // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <https://www.garant.ru/news/1829426/> (дата обращения: 08.11.2025).

Информация об авторах

КАЗАКОВА ЕВГЕНИЯ БОРИСОВНА, Кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой «Частное и публичное право» Пензенского государственного университета, Россия

НАРМАТОВА СОФЬЯ ЭДУАРДОВНА, Студентка Юридического института Пензенского государственного университета, Россия

Конарбаева М.М., Апахаяев Н.Ж.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА В ОБЛАСТИ ЦИФРОВОЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция государственной политики Республики Казахстан в области интеллектуальной и цифровой миграции в контексте развития человеческого капитала и цифровой экономики. Анализируются три ключевых этапа - от формирования кадрового потенциала в 1990-е годы до современной интеграции миграционной и цифровой повестки. На основе стратегических документов, официальной статистики и качественных интервью с представителями казахстанской диаспоры выявлены основные вызовы - отток молодых специалистов, слабая институциональная поддержка взаимодействия с зарубежными кадрами, региональные диспропорции в доступе к цифровым возможностям.

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант №АР26103687 «Цифровая миграция: новые горизонты социально-экономического развития и правовая интеграция»).

Ключевые слова: интеллектуальная миграция, государственная политика, человеческий капитал, цифровая миграция, Казахстан, цифровизация.

Введение

Миграционные процессы в XXI веке претерпевают глубокие изменения, отражающие динамику цифровой трансформации общества. В условиях стремительного развития информационных технологий, глобализации рынков и

интеграции образовательных систем миграция перестаёт быть исключительно физическим перемещением из одной страны в другую. Сегодня всё чаще говорят о новой форме мобильности - цифровой миграции, когда специалист может работать в международной компании, вести научную деятельность или развивать стартап, находясь при этом в любой точке мира.

Это явление становится одной из ключевых характеристик современной экономики знаний. В отличие от классической трудовой миграции, цифровая и интеллектуальная миграция опираются не на физический труд, а на обмен идеями, компетенциями и технологиями. В этой связи границы между странами перестают играть решающую роль: главным капиталом становится человеческий интеллект, а главным пространством - цифровая среда [1]. Для Казахстана, как для молодой независимой страны, построение эффективной системы управления человеческим капиталом является стратегическим приоритетом [2].

Есть классическая идея: образование и навыки - это капитал, который приносит пользу стране. Сегодня к этому добавляется цифровой компонент: можно развивать компетенции, создавать продукты и участвовать в исследованиях в цифровой среде - не обязательно находясь в одном месте.

Поэтому современные миграционные процессы всё меньше похожи на «отток» или «приезд». Они больше похожи на циркуляцию знаний - когда специалисты перемещаются, но продолжают делиться опытом, участвовать в проектах и поддерживать связи.

Цифровые технологии усиливают эту тенденцию - знания стали перемещаться еще быстрее, чем люди.

Основная часть

Государственная политика в области развития человеческого капитала и регулирования миграционных процессов за более чем три десятилетия с момента обретения Независимости развивалась и трансформировалась.

1 Этап. 1990-2010 годы: формирование кадрового потенциала.

Первые два десятилетия независимости стали для Казахстана временем активного формирования национального кадрового и интеллектуального потенциала.

В этот период основное внимание государства было сосредоточено на создании базовых институтов и программ, способных обеспечить подготовку высококвалифицированных специалистов и их возвращение в страну.

Главным инструментом стала государственная программа «Болашак», запущенная в 1993 году, которая позволила тысячам молодых казахстанцев получить образование в ведущих университетах мира с последующим обязательством вернуться на родину [3].

Эта программа стала не только символом государственной поддержки образования, но и одним из первых механизмов «утечки умов» - целенаправленного восполнения интеллектуальных ресурсов.

Параллельно велась работа по репатриации соотечественников, проживающих за рубежом. Государство принимало специальные программы для этнических казахов (оралманов), создавая условия для их возвращения и интеграции.

Эти меры отражали традиционный подход к миграции: ключевая цель - вернуть и удержать людей физически внутри страны, чтобы обеспечить устойчивость национального человеческого капитала.

2 этап. 2011-2020 годы: начало цифровой трансформации.

Следующий этап ознаменовался переходом от классических форм кадровой политики к цифровой трансформации общества и экономики.

Ключевым шагом стала реализация государственной программы «Digital Kazakhstan», официально запущенной в 2018 году [4]. Она дала мощный импульс развитию цифровых технологий, онлайн-образования, электронных государственных услуг и новой цифровой инфраструктуры.

Эти изменения способствовали появлению новых профессий и форм занятости - от дистанционной работы и фриланса до онлайн-предпринимательства.

Параллельно развивались IT-кластеры и технопарки - такие как Astana Hub, ориентированные на поддержку стартапов и инновационных проектов.

Тем самым государственная политика постепенно начала переходить от идеи «возврата кадров» к созданию условий для их самореализации внутри страны, но уже в глобальном цифровом пространстве. Этот период стал своего рода мостом между классическим пониманием миграции и современными формами интеллектуальной мобильности.

3 этап. 2021 год - настоящее время: интеграция цифровой и миграционной политики.

Современный этап развития характеризуется системным сближением миграционной и цифровой повестки.

Если раньше эти направления рассматривались отдельно — как сферы демографической и технологической политики, - то теперь они объединены общей целью: создать гибкую экосистему человеческого капитала, в которой специалисты могут свободно перемещаться, работать дистанционно и участвовать в международных проектах, не теряя связи с Казахстаном.

Ключевым документом стал Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2023-2027 годы, где впервые подчёркивается необходимость привлечения и удержания талантов, а также развитие механизмов интеллектуальной миграции и программ по возвращению специалистов, обучавшихся за рубежом [5].

Важным нововведением стало внедрение Neo Nomad Visa, запущенной в ноябре 2024 года. Эта виза открыла Казахстан для цифровых кочевников — иностранных специалистов, работающих удалённо на зарубежные компании. Несмотря на ограниченное количество выданных виз (всего 27 человек за первый год), сама инициатива стала символом открытости Казахстана и стремления встроиться в мировые процессы цифровой мобильности.

Для повышения её эффективности государству возможно стоит расширить условия визового режима и включить иностранцев в экономическую и образовательную жизнь страны, что важно для внедрения их профессионального опыта в развитие человеческого капитала.

Отдельного внимания заслуживает поручение Президента о создании

Министерства цифровизации и Университета искусственного интеллекта, что отражает стратегический поворот в сторону цифрового государства и подготовки нового поколения специалистов в сфере высоких технологий.

Параллельно развивается политика открытия филиалов зарубежных университетов (De Montfort University, Michigan State University и др.), что позволяет молодёжи получать международное образование, не покидая страну, тем самым снижая уровень образовательной эмиграции.

В результате Казахстан постепенно переходит к интегрированной модели управления человеческим капиталом, где миграционная и цифровая политика взаимно усиливают друг друга.

Если раньше цель заключалась в том, чтобы вернуть специалистов, то теперь - в том, чтобы создать условия для их участия в развитии страны, где бы они ни находились, объединяя физическое присутствие и цифровое сотрудничество.

Однако даже при активной государственной поддержке остаются серьёзные вызовы, которые сдерживают эффективность политики в сфере интеллектуальной и цифровой миграции.

Во-первых, сохраняется высокий уровень оттока молодых специалистов.

По данным Института статистики ЮНЕСКО, Казахстан занимает девятое место в мире по числу студентов, обучающихся за рубежом - около 91,2 тысячи человек [6]. С одной стороны, это показатель открытости и международной конкурентоспособности казахстанской молодёжи. С другой стороны, значительная часть выпускников не возвращается в страну после окончания обучения, что ведёт к утрате интеллектуального потенциала.

Во-вторых, отсутствует единая система мониторинга академической и интеллектуальной миграции. Данные разных ведомств противоречивы: официальная статистика говорит о 89 тысячах студентов за границей, тогда как независимые источники называют более высокие цифры. Отсутствие достоверного учёта мешает выстраивать точную аналитику и корректировать политику на основе фактов.

В-третьих, Казахстан сталкивается с недостаточной поддержкой диаспоры и возвращающихся специалистов. Нет полноценного механизма взаимодействия с казахстанцами, живущими за рубежом.

Из проведённого мной качественного исследования, включавшего полуструктурированные интервью с казахстанцами, работающими за рубежом - в таких странах, как США, Нидерланды, Польша и Канада, - выявилось несколько закономерных тенденций. Многие участники исследования отмечали, что сохраняют сильную связь с родиной и хотели бы участвовать в жизни Казахстана: делиться профессиональными знаниями, читать онлайн-лекции, запускать совместные стартапы, инвестировать в национальные проекты и образовательные инициативы. Однако, по их словам, в стране пока не создано удобных и прозрачных инструментов для такого взаимодействия. Кроме того, интервью показали, что значительное число казахстанцев работает в крупнейших IT-компаниях США и сформировало устойчивые миграционные сети - профессиональные сообщества, помогающие друг другу с адаптацией,

трудоустройством и развитием в новых условиях. Эти сети становятся не только средой взаимной поддержки, но и потенциальным ресурсом для развития технологического и человеческого капитала Казахстана, если будет создана система обратной связи и вовлечения диаспоры в национальные проекты. Требуется создание цифровой платформы для взаимодействия с диаспорой, а также сервисов «одного окна» для возвращения и реинтеграции специалистов.

В-четвёртых, усиливается цифровое неравенство между регионами.

В крупных городах - Алматы, Астане, Шымкенте развиваются IT-хабы и технопарки, тогда как в малых городах и сёлах доступ к цифровым сервисам и образованию остаётся ограниченным.

Это снижает общий уровень цифровых компетенций и создаёт барьеры для участия региональных специалистов в глобальной экономике знаний.

Наконец, Казахстану предстоит выработать устойчивую систему стимулирования возвращения и интеллектуальной реинтеграции. Возврат выпускников должен сопровождаться реальными возможностями для карьеры, научных исследований и стартапов. Для этого важно развивать партнёрства университетов, научно-исследовательских институтов и частного сектора, а также внедрять программы «возвращения с проектом», когда выпускник приезжает не просто домой, а для реализации конкретной идеи, исследования или инновации.

Несмотря на обозначенные проблемы, у Казахстана есть значительный потенциал для развития интеллектуальной и цифровой миграции как источника роста.

Государство активно инвестирует в цифровизацию - от образования и здравоохранения до государственного управления.

Это позволяет создавать комфортную среду для жизни и работы специалистов, не уступающую зарубежным условиям.

Казахстан может перейти от символического взаимодействия с соотечественниками за рубежом к практическому сотрудничеству - через совместные исследовательские проекты, программы менторства и удалённые формы занятости.

Цифровизация делает этот процесс реальным и экономически эффективным.

А также, страна уже сейчас обладает потенциалом стать хабом для специалистов из Центральной Азии, России - благодаря политической стабильности, развитию IT-индустрии и образовательным реформам. Важно, чтобы вопросы человеческого капитала, цифровизации и миграции были связаны в единую стратегию. Это позволит использовать цифровую миграцию не как угрозу, а как инструмент для роста, инноваций и международного позиционирования Казахстана.

Заключение

Таким образом, государственная политика Казахстана в области цифровой и интеллектуальной миграции проходит этап переосмысления. Если раньше акцент делался на физическом возвращении специалистов, то сегодня приоритет смещается в сторону создания гибкой системы взаимодействия – как внутри

страны, так и за её пределами. Цифровизация превращает миграцию в ресурс, а не в проблему. Главная задача государства – создать условия, при которых знания и таланты казахстанцев работают на развитие страны, независимо от их местоположения.

Будущее интеллектуальной миграции – это не борьба с утечкой умов, а создание среды, где каждый казахстанец может быть частью национального интеллектуального пространства, находясь в любой точке мира.

Список источников

1. Государственная программа «Digital Kazakhstan». Утверждена Постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827.
2. Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы. Утверждена Постановлением Правительства РК от 31 октября 2023 г. № 888.
3. Государственная программа «Болашак». Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 5 ноября 1993 г. № 1394.
4. Президент Казахстана поручил создать Министерство цифровизации и Университет искусственного интеллекта. *Astana Times*, 2025. URL: <https://astanatimes.com/2025/09/kazakhstan-restructures-digital-ministry> (дата обращения: 10.11.2025).
5. Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан. Отчёт о развитии человеческого капитала в условиях цифровизации, Астана, 2024.
6. UNESCO Institute for Statistics. Global Flow of Tertiary-Level Students. UNESCO, 2023. URL: <https://uis.unesco.org/en/topic/international-student-mobility> (дата обращения: 10.11.2025).

Информация об авторах:

КОНАРБАЕВА МАДИНА МУРАТОВНА

Магистр юридических наук, докторант PhD 3 года обучения, Университет Narxoz

АПАХАЕВ НУРЛАН ЖИЛКАЙДАРОВИЧ, кандидат юридических наук, профессор Q University

Бегасилов Б.Т., Крахина В.В.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В СТРАНАХ ЕАЭС

Аннотация. В условиях глобализации и углубления процессов региональной интеграции образовательная миграция становится одним из ключевых факторов формирования человеческого капитала и обеспечения конкурентоспособности государств. Особенно актуальна данная тема для Евразийского экономического союза, где реалии интеграции создают уникальные условия для межгосударственного взаимодействия в сфере образования. Казахстан, являясь важным звеном в Центральной Азии, демонстрирует высокую динамику образовательной миграции, обусловленную как внутренними социально-экономическими предпосылками, так и внешними вызовами современного этапа интеграции. В работе рассматриваются теоретические основы данного явления,

анализируются тенденции и факторы, влияющие на отток и приток молодёжи, а также обсуждаются преимущества и риски, связанные с миграционными процессами.

Ключевые слова: Глобализация; Региональная интеграция; Образовательная миграция; Человеческий капитал; Конкуреноспособность государств.

Введение

Образовательная миграция определяется как процесс перемещения молодого поколения для получения качественного образования, развития профессиональных навыков и повышения уровня интеллектуального потенциала. В теоретическом контексте данное явление рассматривается как важнейший компонент мобильности человеческого капитала, способствующий развитию инновационной экономики. Согласно подходам, изложенным в работах, касающихся миграции человеческого капитала, образование является как драйвером мобильности, так и последствием социально-экономических изменений, происходящих в стране.

Особое внимание уделяется интеграционным механизмам ЕАЭС, которые направлены на создание единых стандартов в образовательной сфере. В рамках союза реализуются проекты по упрощению признания дипломов, созданию общих образовательных пространств и формированию единых программ поддержки студентов. Такие инициативы способствуют трансграничному обмену знаниями, одновременно обеспечивая условия для сотрудничества вузов и образовательных центров между странами-членами ЕАЭС.

Важным элементом теоретического обоснования является анализ миграционных моделей, в частности теории селекции мигрантов, согласно которой более образованные и амбициозные студенты стремятся к получению образования в зарубежных вузах, рассматривая его как способ повышения конкурентоспособности на глобальном рынке труда. Таким образом, интеграция образовательных систем становится одновременно источником возможностей и вызовов для государств-участников союза.

Тенденции миграции в Казахстане

Одним из основных факторов, определяющих образовательную миграцию в Казахстане, является разница в уровне инвестиционных возможностей в сфере образования. В стране наблюдаются существенные диспропорции между качеством образовательных услуг в крупных городах и регионах, что приводит к концентрации лучших студентов в центрах, способных предложить конкурентоспособные условия для обучения. Кроме того, недостаточное финансирование вузов, низкая заработная плата преподавателей и коррупционные риски негативно сказываются на восприятии качества местного образования.

Экономические и демографические факторы также играют важную роль. Например, динамика роста численности населения, высокая конкуренция на местном рынке труда и отсутствие перспектив карьерного роста стимулируют молодых специалистов искать возможности за рубежом. В этом контексте наблюдается феномен «утечки мозгов», когда казахстанские таланты покидают страну в поисках лучших условий образования и профессионального роста.

Анализ динамики миграционных потоков показывает, что основным

направлением для молодых казахстанцев до 2022 года была Российская Федерация. После 2022 года основным направлением стали Китай и Турция, предлагающих инновационные программы высшего образования и перспективные условия для международного сотрудничества, увеличился поток в США и ЕС.

Регионы Казахстана демонстрируют неоднородную ситуацию с точки зрения образовательной миграции. Так, в северных и восточных регионах наблюдается значительный отток молодежи, обусловленный не только экономическими, но и культурными различиями, а также недостатком образовательных ресурсов. В свою очередь, южные и западные регионы обладают относительным преимуществом в плане образовательной инфраструктуры, что позволяет им удерживать перспективных студентов и специалистов.

Преимущества и вызовы образовательной миграции

Образовательная миграция играет важную роль в развитии человеческого капитала. Среди основных преимуществ можно выделить следующие аспекты:

Развитие профессиональных навыков и знаний. Получение образования за рубежом позволяет студентам использовать передовые технологии, методики преподавания и современные исследовательские подходы, что положительно сказывается на их компетенциях и адаптивности.

Культурный обмен и интеграция. Проживание и обучение в мультикультурной среде способствует формированию гибкости и толерантности, позволяет студентам лучше понимать особенности мировых рынков труда, что важно для международного сотрудничества.

Укрепление межгосударственного сотрудничества. ЕАЭС активно продвигает инициативы по совместным образовательным программам, что способствует обмену лучшими практиками и гармонизации образовательных стандартов между странами-членами.

Несмотря на множество положительных аспектов, образовательная миграция сопровождается рядом вызовов, которые непосредственно влияют на социально-экономическую среду как стран-отправителей, так и стран-получателей:

Утечка мозгов. Отток квалифицированных специалистов ведет к дефициту кадров в отечественной экономике, что затрудняет развитие инновационных отраслей и снижает общий потенциал страны.

Бюрократические и институциональные барьеры. Различия в образовательных стандартах, сложности процедуры признания дипломов и административные препятствия снижают привлекательность некоторых направлений для студентов.

Неравномерное распределение ресурсов. Существуют региональные различия в качестве образовательных услуг, что приводит к концентрации лучших специалистов в крупных городах и центрах, усугубляя социально-экономические провалы в периферийных регионах.

Коррупционные явления. Практики, связанные с взяточничеством и некачественной оценкой образовательных программ, приводят к ухудшению репутации отечественных вузов, способствуя уходу студентов за рубеж.

Фактор	Преимущества	Вызовы
Качество образования	Получение передовых знаний, инновационные методики	Дефицит кадров, утечка мозгов
Культурный обмен	Формирование толерантности и международных связей	Адаптационные трудности, культурные барьеры
Экономическое развитие	Рост конкурентоспособности, привлечение инвестиций	Неравномерное распределение инвестиций
Институциональное сотрудничество	Гармонизация стандартов, совместные программы	Бюрократические барьеры, коррупционные явления

Таблица 1. Сравнение преимуществ и вызовов образовательной миграции в рамках ЕАЭС

Перспективы развития и рекомендации по гармонизации образовательных стандартов

Одним из главных направлений для решения проблем образовательной миграции является внедрение интеграционных проектов, направленных на гармонизацию образовательных стандартов между странами. Такие проекты могут включать:

- Разработку совместных образовательных программ и систем аккредитации дипломов

- Введение квот для студентов из стран с высоким уровнем утечки мозгов

- Создание платформ для обмена опытом между вузами и исследовательскими центрами.

Для уменьшения оттока талантливой молодежи необходимо сосредоточиться на внедрении стратегических реформ в национальную систему образования. Это включает:

- Повышение качества преподавания за счет модернизации учебных программ

- Увеличение финансирования образовательного сектора и проведение институциональных реформ

- Принятие мер по борьбе с коррупцией и улучшению организационной структуры вузов.

Ключевым моментом является создание благоприятной образовательной среды, способствующей развитию инновационного потенциала страны. В эту задачу входит: создание условий для научных исследований и технологического развития; организация международных конференций, семинаров и стажировок для студентов; укрепление партнерств с ведущими зарубежными вузами для обмена опытом и практиками.

Еще одной важной перспективой дальнейшего развития образовательной

практики является активное внедрение цифровых технологий. Создание общих цифровых образовательных платформ позволит не только улучшить доступ студентов к образовательным ресурсам, но и снизить бюрократические барьеры при признании дипломов. В этом направлении уже начаты пилотные проекты, инициированные Министерством науки и высшего образования, которые демонстрируют положительную динамику.

Заключение

Образовательная миграция представляет собой многогранное явление, объединяющее в себе как перспективные возможности, так и серьезные вызовы. Проведенный анализ позволил выделить следующие ключевые выводы:

Развитие человеческого капитала:

Образовательная миграция способствует росту профессиональных и научных компетенций молодых специалистов, что положительно сказывается на долгосрочном развитии экономики и инновационной среде.

Социально-экономические предпосылки:

Основные двигатели миграции – разница в ресурсном обеспечении, качество образовательных услуг и уровень трудовых возможностей в регионах. Казахстан, будучи одним из центральных участников процесса, испытывает дефицит влиятельных кадров вследствие утечки мозгов.

Преимущества и вызовы:

С одной стороны, интеграция образовательных процессов способствует культурному обмену и гармонизации образовательных стандартов. С другой стороны, существенные бюрократические и институциональные барьеры, коррелирующие с коррупционными явлениями, сохраняются и требуют оперативных реформ.

Перспективы развития:

Гармонизация образовательных стандартов, внедрение цифровых технологий, создание совместных программ и квот для студентов из стран с высоким оттоком – основные направления, позволяющие смягчить негативные последствия миграции и обеспечить устойчивое развитие региона.

Таким образом, образовательная миграция остается значимым фактором развития человеческого капитала, способствующим усилению межгосударственного сотрудничества и интеграции. Для Казахстана оптимальное использование миграционных процессов может стать залогом создания квалифицированных кадров, способных обеспечить успешное развитие инновационной экономики, при условии реализации комплексных реформ и стратегического планирования.

Список литературы:

1. Черникова А.А. Образовательная миграция из стран евразийского экономического союза: социальные угрозы, перспективы, динамика // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. №2 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-migratsiya-iz-stran-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuz-a-sotsialnye-ugrozy-perspektivy-dinamika>.

2. Алексеева Е.Н. Особенности и перспективы образовательной миграции в эпоху глобальных трансформаций // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и

политология. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-perspektivy-obrazovatelnoy-migratsii-v-epohu-globalnyh-transformatsiy>.

3. Zhalnina K. International Educational Migration: Case of Kazakhstan. - Eurasian Journal of Economic and Business Studies. – 2021. - №9(30). - https://www.researchgate.net/publication/354990992_International_Educational_Migration_Case_of_Kazakhstan

4. Леденева В.Ю., Ломакина О.В., Джунусов А.М., Бегасилов Б.Т. Образовательная политика казахстана в условиях миграции молодёжи // Высшее образование в России. 2021. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-politika-kazahstana-v-usloviyah-migratsii-molodyozhi>

5. Ginsburg C, Bocquier P, Bégué D, Afolabi S, Derra K, Augusto O, Otiende M, Odhiambo F, Zabré P, Soura A, White MJ, Collinson MA. Human capital on the move: Education as a determinant of internal migration in selected INDEPTH surveillance populations in Africa. Demogr Res. 2016 Jan-Jun;34:845-884. doi: 10.4054/DemRes.2016.34.3.

Информация об авторе:

БЕГАСИЛОВ БАКЫТЖАН ТАСТЫБАЕВИЧ, докторант PhD, Университет НАРХОЗ

КРАХИНА ВИКТОРИЯ ВЛАДИМИРОВНА, магистрант второго года обучения специальности «Юриспруденция», Q University, Казахстан

Рустемова Г. Р., Хусаинова Ш.М.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ПРОФИЛАКТИКА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ЦИФРОВИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация: в статье исследуются современные криминологические факторы, влияющие на формирование и динамику пенитенциарной преступности в Республике Казахстан, с учётом миграционных процессов и цифровой трансформации уголовно-исполнительной системы. Анализируются социально-экономические и психологические детерминанты преступного поведения осуждённых, а также влияние трудовой и нелегальной миграции на уровень рецидива. Особое внимание уделено вопросам цифровизации пенитенциарной системы: внедрению систем видеонаблюдения, электронного мониторинга и баз данных осуждённых. Представлены меры профилактики, включающие совершенствование кадровой и воспитательной работы, развитие цифровых инструментов контроля и постпенитенциарного сопровождения.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, миграция, цифровизация, криминология, профилактика, ресоциализация.

Пенитенциарная преступность представляет собой особую категорию правонарушений, возникающих и развивающихся в местах лишения свободы. Она включает преступления, совершаемые осуждёнными в отношении других заключённых, сотрудников, а также нарушения установленного режима

содержания. В условиях современной уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан данная проблема приобретает особую актуальность, поскольку уровень рецидивной и внутритюремной преступности оказывает прямое влияние на эффективность функционирования институтов исправления и ресоциализации [1].

Согласно данным Комитета уголовно-исполнительной системы, значительная часть заключённых до осуждения происходила из социально неблагополучных семей и имела низкий уровень образования и доходов [2]. Социальная неустроенность, безработица и семейная дезадаптация способствуют формированию антисоциальных установок ещё до попадания в пенитенциарную систему. Внутри учреждений такие осуждённые чаще становятся участниками конфликтов, формируя устойчивые преступные группировки [3].

Современные миграционные процессы в Казахстане оказывают заметное влияние на характер и структуру пенитенциарной преступности. В местах лишения свободы всё чаще оказываются лица, ранее участвовавшие в трудовой миграции, включая граждан соседних стран Центральной Азии [4]. Отсутствие адаптации, языковые барьеры и культурные различия создают почву для конфликтов между различными группами заключённых.

Кроме того, внутренняя миграция в пределах Казахстана, сопровождающаяся социальным неравенством и отсутствием стабильной занятости, также способствует росту преступности и формированию криминогенных групп в исправительных учреждениях [5].

Важным направлением профилактики является развитие программ адаптации и межкультурного взаимодействия среди мигрантов, направленных на предотвращение ксенофобии, этнических конфликтов и формирование толерантных отношений в пенитенциарной среде. Министерство внутренних дел совместно с неправительственными организациями внедряет пилотные проекты по психосоциальной адаптации иностранных заключённых [6].

Цифровизация является одним из ключевых инструментов модернизации пенитенциарной системы Казахстана. В последние годы активно внедряются электронные базы данных, биометрическая идентификация осуждённых и системы видеонаблюдения, что значительно повышает уровень контроля и прозрачности [7].

Использование цифровых технологий также способствует профилактике коррупции и повышению дисциплины среди персонала учреждений. Система «E-Qurylys» позволяет контролировать исполнение служебных обязанностей и фиксировать нарушения в реальном времени [8].

Особое значение имеет внедрение электронного мониторинга лиц, освобождённых условно-досрочно, что позволяет эффективно контролировать соблюдение ограничений и снижает риск рецидива.

Вместе с тем цифровизация требует соблюдения прав человека, защиты персональных данных и недопущения чрезмерного вмешательства в личную жизнь осуждённых [9]. Баланс между контролем и соблюдением прав личности является ключевым принципом современной пенитенциарной политики.

Современная профилактика пенитенциарной преступности должна учитывать влияние миграционных процессов и цифровой трансформации. В этом контексте особое значение приобретают:

- внедрение образовательных программ, учитывающих этнокультурное разнообразие заключённых;
- развитие электронных систем учёта и контроля поведения осуждённых;
- формирование этических стандартов обращения с данными;
- расширение сотрудничества Казахстана с международными организациями по вопросам цифровой безопасности и прав мигрантов [10].

Пенитенциарная преступность в Казахстане является комплексным явлением, детерминированным социальными, миграционными и технологическими процессами. Эффективное противодействие возможно только при условии интеграции гуманистического подхода, цифровых инноваций и межведомственного взаимодействия. Развитие цифровых инструментов, адаптация иностранных заключённых и повышение квалификации персонала являются ключевыми направлениями укрепления безопасности и правопорядка в уголовно-исполнительной системе.

Список использованных источников

1. Акимжанов Т.К., Елюбайкызы Ж. Пенитенциарная преступность как объект самостоятельного криминологического исследования // *Уголовно-исполнительное право*. 2019. №3. С. 216–221.
2. Аюбаев М.А. Профилактика преступлений как важная функция уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан // *CyberLeninka*. 2009.
3. Статистический сборник «УИС Республики Казахстан» 2023–2024 гг., Комитет УИС МВД РК.
4. Жусупова А.М. Миграционные процессы и их влияние на криминогенную ситуацию в Казахстане // *Право и общество*. 2022.
5. Айтмагамбетов Н.С. Влияние внутренней миграции на криминогенные факторы регионов Казахстана // *Journal of Legal Studies*. 2023.
6. UNHCR Kazakhstan. *Migrant Support and Rehabilitation Programs*. Astana, 2024.
7. Министерство юстиции РК. *Концепция цифровизации уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан 2023–2027 гг.*
8. «E-Qurylys»: Цифровая платформа контроля исполнения наказаний. МВД РК, 2024.
9. OECD. *Digital Governance and Human Rights in Central Asia*. Paris, 2023.
10. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). *Digital Penal Reform and Migration Impact in Kazakhstan*, 2024.

Информация об авторах:

РУСТЕМОВА Г. Р., доктор юридических наук, профессор Q University
ХУСАИНОВА Ш.М. магистрант второго года обучения Q University

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ (НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ)

Переход современного казахстанского правосудия к цифровой модели развития гражданского судопроизводства осуществлялась в соответствии с Концепцией правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 по 2020 годы, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 (далее по тексту Концепция). Одним из мер по совершенствованию гражданского процессуального законодательства является регламентация порядка ведения электронного судопроизводства и использования информационных технологий в деятельности судов [1].

В частности, Концепция указывает на необходимость регламентации порядка ведения электронного судопроизводства, использования информационных технологий в деятельности судов, возможности дистанционного проведения ряда процессуальных действий посредством видеосвязи, теле- и видеоконференций, закрепления и расширения разнообразных путей и способов достижения компромисса между сторонами частно-правовых конфликтов (медиация, посредничество и другие) как в судебном, так и во внесудебном порядке.

Отвечая требованиям Концепции, Законом Республики Казахстан от 2 апреля 2019 года № 241-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам развития бизнес-среды и регулирования торговой деятельности» в Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее по тексту ГПК РК) была введена глава 11-1 «Особенности электронного судопроизводства» [2]. Законодатель предоставил возможность самим гражданам, юридическим лицам избирать способ проведения производства в судах. В соответствии с частью 1 ст.133-1 ГПК РК: «Гражданское судопроизводство ведется в бумажном или электронном формате в зависимости от избранного истцом способа обращения в суд. Суд с учетом мнения сторон и технических возможностей ведения процесса может изменить формат судопроизводства, о чем выносит мотивированное определение». Процессуальные акты и действия суда, лиц, участвующих в деле, могут быть оформлены в форме электронного документа, удостоверенного электронной цифровой подписью.

Основными задачами электронного правосудия являются обеспечение доступа к правосудию, улучшение управления документооборотом и бизнес-процессами в судах, снижение нагрузки на судей и работников судов [3].

В целях развития инновационных технологий судебной системы Республики Казахстан разработан проект Е-Сот, или «Виртуальный суд». В этой связи разработано приложение «Мобильная видеоконференцсвязь» (МВКС), посредством которой участники по делу имеют возможность подключения к судебному заседанию с портативного мобильного гаджета [4].

В тоже время необходимо отметить, что внедряемые в судебную деятельность информационные новшества (подача исков и их регистрация в электронном виде,

движение дела между судами в электронной форме, проведение судебных заседаний с помощью видеоконференций, отправка уведомлений участникам судебного процесса с помощью смс-сообщений или по электронной почте и т. д.) не должны влиять на сущность механизма принятия решения по делу, оставляя его исключительной прерогативой суда.

Введение в стране с марта 2020 года чрезвычайного положения из-за COVID-19 и карантин, как ни печально об этом говорить, принесло свои положительные моменты, в том числе, дало толчок развитию электронного судопроизводства. Во всех судах гражданское судопроизводство проводится в дистанционном формате посредством видеоконференций.

Следующим шагом по развитию электронного судопроизводства послужило принятие Закона Республики Казахстан от 10 июня 2020 года № 342-VI «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан по вопросам внедрения современных форматов работы судов, сокращения излишних судебных процедур и издержек» [5]. Данный Закон направлен на продолжение модернизации судебной системы, сокращение излишних судебных процедур и издержек.

В свете изменений и дополнений, внесенных в ГПК РК от 10 июня 2020 года можно констатировать, что электронное судопроизводство расширило свои границы: в гражданском судопроизводстве появилось понятие электронного протокола: Электронным протоколом признается аудио-, видеозапись судебного разбирательства (ст.133-4 ГПК РК); Выдача судебного приказа осуществляется в электронной форме (ч 1. ст.134 ГПК РК); ст.133-2 дополнена частью 1-1 следующего содержания: Проекты процессуальных документов суда могут быть подготовлены с использованием автоматизированной информационной системы суда.

Еще одним веянием времени стало введение в ГПК статьи 187-1, в соответствии с которой стороны, а также свидетели, эксперты, специалисты, переводчики имеют право использовать в ходе судебного разбирательства технические средства с материальными и цифровыми носителями информации для извлечения необходимой информации по возникшим в ходе рассмотрения дела вопросам, получения доступа к информационным и правовым системам, интернет-ресурсам, выяснения надлежащего извещения и иных обстоятельств, имеющих значение для дела, а также фиксирования хода судебного заседания.

Новшества коснулись и института судебных доказательств: права свидетеля в случае болезни, старости, инвалидности, отдаленности места нахождения давать показания суду с использованием технических средств связи (ч.1 ст.81 ГПК РК); закрепления электронного документа в качестве доказательства: «Доказательства в форме электронных документов или их копий, удостоверенных электронной цифровой подписью, представляются суду с соблюдением правил, установленных ГПК РК» (ч.6 ст.100 ГПК РК).

В настоящее время все большую актуальность принимает вопрос мирного урегулирования спора (конфликта) в гражданском судопроизводстве, о чем свидетельствуют и вносимые законодателем изменения и дополнения в гражданское процессуальное законодательство.

Законом Республики Казахстан от 20 декабря 2021 года № 84-VII «О внесении

изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского процессуального законодательства и развития институтов внесудебного и досудебного урегулирования споров» [6].

Изменения и дополнения претерпели и нормы по применению института примирительных процедур:

- статья 105 ГПК РК Доплата государственной пошлины дополнена пунктом 4 следующего содержания: «Если в условиях соглашений, заключенных в рамках примирительной процедуры между сторонами в судах первой и апелляционной инстанций, увеличен размер исковых требований либо изменен предмет спора, доплата государственной пошлины не производится»;

- статья 148 «Форма и содержание иска» дополнена подпунктом 6-1) сведения о предпринятых стороной (сторонами) действиях, направленных на примирение, если такие действия предпринимались (ч.2 ст.148 ГПК РК);

- срок принятия иска при проведении примирительных процедур продлен до десяти рабочих дней со дня поступления иска (ч. 1 ст.150 ГПК РК);

- суду предоставлена возможность принимать меры по примирению сторон на всех стадиях процесса (ч.1 и ч.3 ст.174 ГПК РК);

- по вопросам заключения мирового соглашения дополнены ч.1 и ч.3 ст.175 ГПК РК: Мировое соглашение может быть заключено до удаления суда для вынесения решения в судах первой, апелляционной, кассационной инстанций, а также при исполнении судебного акта;

- по вопросам урегулирования спора (конфликта) в порядке медиации внесены изменения и дополнения в ст. 179 ГПК РК: Стороны вправе до удаления суда для вынесения решения в судах первой, апелляционной, кассационной инстанций заявить ходатайство об урегулировании спора (конфликта) в порядке медиации при содействии судьи или медиатора и т.д.; - по вопросам урегулирования спора в порядке партисипативной процедуры дополнения внесены в ст.181 ГПК РК: партисипативную процедуру могут проводить не только адвокаты, но и лица, являющиеся членами палаты юридических консультантов в соответствии с Законом Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи»;

- суду апелляционной инстанции предоставлена возможность проводить примирительные процедуры (абзац 2 часть 2 ст. 414 ГПК РК).

В соответствии с абз.2 ч.1 ст.150 ГПК РК: «При проведении примирительных процедур принятие иска осуществляется в течение десяти рабочих дней со дня его поступления».

С момента поступления иска и до принятия иска к производству суда суд обсуждает со сторонами возможность применить одну из примирительных процедур: заключение мирового соглашения, соглашения об урегулировании спора в порядке медиации, либо соглашения об урегулировании спора в порядке партисипативной процедуры.

Встречи судьи-примирителя и сторон проводятся в специальных судебных кабинетах медиации с соблюдением конфиденциальности.

Для проведения примирительных процедур законодатель отвел пять рабочих дней, что вытекает из содержания абз.2 ч.1 ст.150 ГПК РК и из части 3 статьи 179 ГПК РК.

Между тем, нельзя признать полностью правильным и целесообразным внесение таких дополнений, так как это удлиняет срок принятия иска еще на 5 рабочих дней, что нецелесообразно. Кроме того, абзац 3 ч. 1 ст.150 ГПК РК о том, что примирительные процедуры при принятии иска проводятся судьей по правилам, предусмотренным главой 17 ГПК, противоречат тому, что примирительные процедуры должны быть уже проведены до решения вопроса о принятии иска и его результаты должны быть отражены в определении суда о принятии иска либо об отказе в его принятии.

На наш взгляд, необходимо на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, срок которой на настоящий момент составляет 20 рабочих дней (ст.164 ГПК РК), предоставить 10 рабочих дней для проведения примирительной процедуры.

Нововведением в ГПК РК является ч.1 ст.174 ГПК РК: «Суд (судья) принимает меры к примирению сторон, содействует им в урегулировании спора на всех стадиях процесса, направляя сторонам приглашение для участия в примирительной процедуре» и ч. 8 ст. 179 ГПК РК: «Если соглашение об урегулировании спора (конфликта) в порядке медиации заключено на стадии исполнения судебного акта, оно представляется на утверждение в суд первой инстанции по месту исполнения судебного акта или в суд, вынесший указанный судебный акт». Законодатель предоставил возможность сторонам примириться на любой стадии судебного процесса, в том числе и в исполнительном производстве, т.е. после состоявшегося судебного процесса и вступления судебного акта в законную силу. Данный факт свидетельствует о том, что законодателем приветствуется и поддерживается применение института примирительных процедур.

Нами приветствуется дополнение, внесенное в ч.2 ст.181 ГПК РК: «Партисипативная процедура проводится без участия судьи путем проведения переговоров между сторонами по урегулированию спора при содействии адвокатов обеих сторон либо лиц, являющихся членами палаты юридических консультантов в соответствии с Законом Республики Казахстан "Об адвокатской деятельности и юридической помощи"». На настоящий момент, кроме адвокатов, представлением интересов граждан и юридических лиц в судах занимается широкий круг лиц, указанных в пп.6 ч.1 ст.58 ГПК РК: именуемые как юридические консультанты. Данная категория лиц на сегодняшний день оказывает населению широкий спектр юридических услуг, в том числе и представительские услуги. Надо отметить, что услуги, оказываемые частнопрактикующими юристами, являются квалифицированными, о чем свидетельствует и тот факт, что многие граждане обращаются не к адвокатам, а к юридическим консультантам. Кроме того, предлагаемые частнопрактикующими юристами услуги часто являются доступными для населения.

Новые правила ГПК РК по вопросам применения примирительных процедур направлены на создание эффективного процессуально-правового регулирования примирения, популяризацию примирительных процедур, более результативному их использованию на практике и, как следствие, снижению судебной нагрузки на судей.

Список использованной литературы:

1. Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858. [Электронный ресурс] <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858>
2. Закон Республики Казахстан от 2 апреля 2019 года № 241-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам развития бизнес-среды и регулирования торговой деятельности» <http://online.zakon.kz>.
3. Тренды правосудия Казахстана: цифровизация. <https://www.zakon.kz/5006270-trendy-pravosudiya-kazahstana.html>
4. А.Б. Шайменова. Примирительные процедуры в гражданском процессе Республики Казахстан <https://articlekz.com/article/29817>
5. Закон Республики Казахстан от 10 июня 2020 года № 342-VI «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан по вопросам внедрения современных форматов работы судов, сокращения излишних судебных процедур и издержек».
6. Закон Республики Казахстан от 20 декабря 2021 года № 84-VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского процессуального законодательства и развития институтов внесудебного и досудебного урегулирования споров» [Электронный ресурс] <https://online.zakon.kz>.

Информация об авторах:

Умурзаков Е.А., кандидат юридических наук, доцент академической школы «Право», «Q» University

Жумаева М.С., магистр юридических наук, старший преподаватель высшей школы «Право», «Q» University

Калыбаев В.С.

НОВЫЕ УГРОЗЫ ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ ЖЕРТВ

Аннотация: В статье рассмотрена актуальная в последнее время информационная угроза интернет мошенничества. Проведен анализ основных видов данной угрозы. Для различных групп пользователей показано к кому ущербу приводит реализация угрозы.

Ключевые слова: мошенничество, интернет-приложения, мобильное устройство, вредоносное программное обеспечение, уголовная ответственность, кибер преступление.

Новые угрозы интернет-мошенничества с использованием мобильных приложений связаны с социальной инженерией, когда мошенники получают доступ к данным жертвы через приложения, и фишингом, когда под видом официальных сообщений и сайтов выманивают конфиденциальную информацию. К таким угрозам относятся:

Поддельные приложения: злоумышленники создают фейковые приложения, которые маскируются под известные сервисы. После установки на устройство жертвы, они получают доступ к личной информации и финансовым данным.

Обман через SMS-сообщения:мошенники отправляют SMS-сообщения, которые имитируют уведомления от банков или операторов связи. Например, просят перейти по фишинговой ссылке, чтобы получить доступ к данным.

Использование мобильных банковских приложений:злоумышленники могут обмануть человека, чтобы получить доступ к его мобильному банковскому приложению, например, с помощью фишинговых сайтов или с помощью звонка от мошенников, которые представляются сотрудниками банка

Вредоносные приложения: мошенники могут использовать вредоносные приложения для кражи личных данных, таких как контакты, сообщения, пароли и финансовая информация.

Технологии развиваются, а вместе с ними и методы мошенников. В 2025 году появились новые изощренные способы обмана по телефону, о которых важно знать, чтобы защитить себя и свои деньги.

Мошенники придумывают всё новые схемы и легенды, чтобы ввести в заблуждение простых граждан.

1. Голосовой фишинг с использованием искусственного интеллекта

Мошенники используют нарастания для клонирования голосов . Вам может позвонить "родственник" или "друг" с просьбой о помощи, но на самом деле это будет ИИ, имитирующий голос близкого вам человека. Распознать обман сложно, поэтому будьте бдительны, если слышите в трубке знакомый голос , но собеседник просит о чем-то необычном. Задавайте вопросы, ответы на которые знает только настоящий человек, или перезвоните ему сами, чтобы убедиться, что это действительно он.

2. QR-код ловушка

Вам приходит SMS с сообщением о выигрыше, посылке или необходимости оплатить штраф. В сообщении есть QR код , который якобы нужно отсканировать для получения приза или оплаты. Но при сканировании этого кода на ваш телефон может быть установлено вредоносное ПО, которое украдет ваши данные или деньги. Никогда не сканируйте QR-коды из ненадежных источников.

3. Мошенничество с использованием технологии дипфейк

Дипфейк позволяет создавать очень реалистичные видео с участием людей, которые никогда не говорили и не делали того, что показано на видео. Мошенники могут использовать дипфейк, чтобы, например, показать вам видео с вашим "начальником", который просит перевести деньги на какой-то счет. Будьте осторожны, если получаете подобные видео, и всегда перепроверяйте информацию по другим каналам.

4. SIM-свопинг с социальной инженерией

Мошенники используют социальную инженерию, чтобы убедить сотрудника мобильного оператора перенести ваш номер на новую Sim карту , которая находится у них. После этого они получают доступ ко всем вашим аккаунтам, привязанным к номеру телефона, и могут украсть ваши деньги. Чтобы защитить себя, используйте сильный пароль для своего аккаунта у мобильного оператора и включите двухфакторную аутентификацию.

5. Поддельные звонки от службы поддержки платежных систем

Вам звонят якобы из службы поддержки Visa, Mastercard или другой

платежной системы и сообщают о подозрительной активности по вашей карте. Чтобы "защитить" ваши деньги, они просят предоставить данные карты или коды из SMS. Никогда не сообщайте эту информацию по телефону. Сотрудники платежных систем никогда не запрашивают такие данные.

Информационно Телекоммуникационные технологии стали важнейшим элементом жизнедеятельности человека XXI века. Представить свою повседневную деятельность без компьютера, сотового телефона или планшета затруднительно, в особенности когда на этих перечисленных устройствах нет подключенного Интернета.

Каждый человек вне зависимости от своего возраста и социального статуса в той или иной мере погружается в информационную среду, совершая электронные платежи, получая заработную плату на свою банковскую карточку.

В связи с Глобализацией и широкой областью применения информационно телекоммуникационных технологий преступность переходит в IT- сферу, где в настоящее время сосредоточено множество значимой информации, материальных ресурсов и других благ.

Злоумышленниками изобретаются вредоносные программы как для хищения материальных ценностей, так и для сохранения анонимности ки- бер преступника.

Под большую угрозу попадают рядовые граждане, особенно те, которые не имеют специальных знаний и умений в информационной среде, юридические лица, в частности малый и средний бизнес, ибо нет возможности финансировать кибербезопасность, чтобы ее функционирование было на высоком уровне и способствовало предотвращению виртуальных атак с преступной стороны [1].

Особое внимание хотелось бы уделить скаму связанному с мобильными приложениями, требующими плату за полноценное пользование ими. «Скам» – это понятие, означающее жульничество, мошенничество, надувательство, очень часто употребляется при упоминании дистанционных мошенничеств.

Опираясь на элементарную психологию человека, мошенники придумали другой формат, они изобрели приложения, которые дают более широкие возможности пользователям, оформив месячную, недельную или годовую подписку на полную версию скаченной программы.

Работает это следующим образом. Видя платное приложение, скорее всего, мы обойдем его стороной. Но, когда скачивание той или иной программы не предполагает никаких финансовых затрат, пользователь заинтересован в ее полноценной работе, находит подходящие функции в ней, непосредственно просмотрев рекламный видеоролик.

Скачав приложение, владелец мобильного устройства замечает, что обещанные атрибуты приложения неполноценны, на часть из них наложена блокировка, некоторых вовсе нет. В свою очередь модераторы такого софта предоставляют возможность использовать весь функционал, но уже за определенную плату. Плата за приоритетные функции такой программы или онлайн-игры небольшая, примерно 30\$ в неделю, 50\$ в месяц или же 100\$ в год.

Тем самым модераторы привлекают пользователей подобных приложений оформлять годовую подписку, ведь это очень «выгодное» предложение.

Почему люди соглашаются на предложение о покупке подписки на

определенный срок. Все очевидно, мошенники урезают количество функций в бесплатной версии и предлагают «пробный период», который уже предполагает соглашение на приобретение подписки. Данный период варьируется от 3 до 7 дней, за это время пользователь имеет возможность протестировать все «закрытые» функции приложения.

Соответственно, в силу бурных рабочих дней, домашних хлопот человек забывает о наличии оформленной подписки, которая подразумевает пробный период в N-м количестве дней, и тот промежуток времени, который пользователь вы- брал для дальнейшей работы в данном прило- жении (неделя, месяц, год). Денежные средства начинают списываться по истечении пробного периода без уведомления пользователя, спасти его могут только оповещения онлайн-банка или SMS-уведомления от оператора связи, которые за- частую отключены.

Лица, занимающиеся мошенническими действиями, заблаговременно создают некачественные, низкопробные приложения, обещая клиенту широкий спектр функций, который он может получить за оформление соглашения по пользованию, имея пробный период. Человек, понимая, что при наличии пробного периода денежных средств он лишиться не может, заранее зная о расторжении соглашения по использованию полной версии по истечению пробного периода, оформляет подписку без всякой предосторожности, а по причине плохого качества представленных функций он удаляет программу с мобильного устройства, забывая про нее.

Пользователи мобильных телефонов или план шетов не осведомлены о том, что подписку нужно прекращать в самом приложении или в настрой- ках своего устройства, в разделе «платежи», «подписки» и др. Соответственно, человек из-за своей нерасторопности теряет денежные средства меся- цами, а порой даже годами при фактической неактивности.

Это юридическая лазейка для злоумышленников, за которую, по сути, невозможно привлечение к уголовной, административной или иной ответ- ственности, ведь физическое лицо самостоятельно идет на заключение договора по представлению функционала внутри софта и не расторгает его путем отмены подписки, а лишь удаляет приложение.

Freeware-приложения – это пробел в законодательстве, где у людей «похищают денежные средства легальным способом».

Бывают же случаи, когда кибермошенники «злоупотребляют» незаконными действиями, по- мимо денежных средств, получаемых с подписок от граждан, они завладевают реквизитами банковских карт, через которые были оформлены такие подписки.

Чаще всего для обеспечения безопасности в сфере информационных технологий в части банковских переводов и электронных платежей, ис- пользуют «сайты-посредники» для осуществления транзакций. Они являются второстепенными при совершении платежа, нажимая на иконку «Оплатить», пользователь автоматически переходит на подобный сайт, где уже нужно вводить реквизиты банковской карты и код с SMS-сообщения для подтверждения покупки.

Зачастую, оформляя подписку внутри приложения, мы не сталкиваемся с автоматическим переходом на «сайт-посредник». Это происходит в трех основных

случаях:

1) приложение принадлежит крупнейшей компаний , где не нужны никакие гаранты по оформлению подобной сделки, само имя организации говорит за себя и гарантирует безопасность процедуры

2) приложение новое, находится на стадии развития , и отсутствует достаточное количество активированных, чтобы придерживаться безопасной процедуры по электронному внесению денежных средств;

3) приложением владеют кибермошенники, которые имеют умысел на получение ваших личных данных и реквизитов банковской карты для совершения хищения денежных средств и в иных целях.

Сложно не согласиться, ведь «взломанных», «пиратских» приложений на Iphone практически не существует, а скачать программу на Iphone через сторонние сайты почти невозможно, ибо встроенное программное обеспечение, поддерживающее безопасность устройства, блокирует подобные процедуры. Если говорить о гаджетах, на которых установлена операционная система Android, то «пиратские» приложения встречаются даже на Google Play, о чем мы поговорим далее.

Вернемся к «сайтам-посредникам», пользователи мобильных устройств на операционной системе Android могут сталкиваться с ними внутри приложения, а также, как мы описали по пунктам выше, бывают платны и вне его, ибо Google Play не всегда поддерживает систему встроенных покупок и более лояльно относится к допуску на свою платформу игровых приложений и иных инструментов.

Минус операционной системы Android – возможность скачивания приложения не с официальных ресурсов, с потусторонних, вредоносных сайтов. Поэтому, возвращаясь к 3 пункту, понимаем, что посредством установки подозрительных приложений мы имеем риск передать в руки киберпреступников все свои личные данные и стать жертвой хищения денежных средств.

Существует еще одна схема, когда модераторы приложений увеличивают плату за пользование подпиской или добавляют дополнительные пакеты функций, рассчитывая на невнимательность клиента.

Также стоит затронуть проблемные стороны онлайн-игр как одной из категорий интернет-приложений. В большинстве своем, играми на мобильном устройстве увлекаются лица в возрасте от 5 до 30 лет. Основная угроза исходит от Cheat-программ; используется для упрощения прохождения игры или для изменения игрового процесса, например: игроку предоставляются бесконечные виртуальные денежные средства или нескончаемое количество жизней). Эти программы по своей сути имеют вредоносное составляющее, так как изменяют игровые процессы, давая возможности игроку, которые нереальны по сюжету игры, увеличивая превосходство над другими (происходит внедрение вредоносного ПО, посредством которого игра взламывается).

Подобными вредоносными программами, как показывает практика, пользуются лица от 10 до 18 лет, где игроки до 14 лет вовсе не осознают, что, оформляя покупку «чит-программы» через банковскую карту своих родителей, они рискуют получить неблагоприятные последствия.

«Мошенническая схема рассчитана на тех, кто скачивает приложение, не

обращая внимания на написанное мелким шрифтом., Таким образом, для недопущения мошеннических действий в области мобильных приложений надо соблюдать следующие меры:

- скачивать приложения с официальных сайтов;
- обращать внимание на отзывы к приложению, их количество и содержание, если преобладающее большинство негативные, то лучше воздержаться хотя бы от оформления подписки. Существуют и «накрученные» положительные оценки и отзывы, в основном это видно, когда скачивания приложений по количеству раз гораздо меньше, чем оценок. Также они зачастую слишком примитивны, порой одинаковые по смыслу или текстовой
- не вводить реквизиты своей банковской карты внутри подозрительного приложения, делать все через «сайты-посредники»
- избегать взломанных, «пиратских» программ;
- писать жалобы и обращаться в службу техподдержки той или иной платформы для проверки подозрительного приложения;
- вести контроль за своими детьми в целях несовершения ими самостоятельных платежей в том или ином приложении.

Выполняя представленные требования, вы сохраните собственную безопасность на просторах Интернета и в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, не допустив совершения мошеннических действий в отношении себя и своих близких.

Список источников

1. Официальный новостной сайт РК «Tengri news». <https://tengrinews.kz/>
2. Молчанова Т.В. и др. Факторы, обуславливающие мошенничество, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник экономической безопасности.
3. Барченкова Я. В. Цифровые следы при расследовании мошенничества, совершенного при помощи средств сотовой связи // Экономика и Право, №4, 2020, С. 135-136.
4. Тхазеплов Т.М. Перевод общества на цифровой формат и развитие в нем киберпреступности //
5. Никитин П. В. и др. Распознавание эмоций по аудиосигналам как один из способов борьбы с телефонным мошенничеством // Программные системы и вычислительные методы. – С. 1-13.

Информация об авторе:

КАЛЫБАЕВ В.С., Магистрант Q University, Казахстан

БЛОКЧЕЙН ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫ МЕН КРИПТОВАЛЮТАЛАРДЫҢ ӘСЕРІНЕН БУХГАЛТЕРЛІК ЕСЕПТІ ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУ

Аннотация. Криптовалютаның құқықтық біліктілігіндегі белгісіздік салық мақсатында тану үшін қажет болады. Сонымен, ҚР жаңа Салық кодексінің жобасы аясында, оның қабылдануы аяқталуға жақын, криптовалюта тану туралы мәселе де жауап таппады. Бірақ, егер біз ҚР ағымдағы салық заңнамасын цифрлық экономикаға бейімдейтін болсақ, Халықаралық қаржылық есептілік стандарттары (ҚЕХС) тұрғысынан криптовалюта тану әлі де бастапқы нүкте болып саналуы тиіс. ҚР қолданыстағы салық заңнамасына сәйкес, егер өзгеше белгіленбесе, салықтық есепке алу мақсатында кірістер, шығыстар, активтер мен міндеттемелер ҚЕХС сәйкес танылуға тиіс.

Түйін сөздер: Криптовалюта, биткоин, цифрлық майнинг, блогчейн технологиясы, ҚЕХС

Жалпы мемлекеттік бақылаудан қалыс қалатын блокчейн технологиясы фриланс пен цифрлық экономика қолданатын адамдар мен жас буынға ұнады. Виртуалды валюта бағамдарының қарқынды өсуі көпшіліктің назарын аударды және бүгінде блокчейн тақырыбы ешкімді бей-жай қалдырмайды.

Өндіру мен сауданың қарапайымдылығы миллиардтаған долларды құрайтын криптовалюта жоғары капитализациясына әкелді. Бұл өз кезегінде киберқылмыскерлерді (даркнет тұрғындары, картельдер мен қаржы пирамидаларының негізін қалаушылар) және дәстүрлі банк және инвестициялық салалардың өкілдерін тартады. Сондықтан мемлекеттер, Орталық банктер, құқық қорғау және фискалдық органдар басшыларының блокчейн негізінде «қаржы құралдарына» тыйым салу немесе бақылау қажеттілігі туралы тұрақты мәлімдемелері күтілуде.

Әлбетте, бірінші кезектегі міндет-блокчейн құралдары үшін құқықтық база құру. Бүгінгі таңда бірқатар елдерде криптовалюта операцияларына рұқсат етілген –Германия мен Жапонияда биткоин (Bitcoin) қазірдің өзінде заңды төлем құралы болып табылады.

Мысалы, Ресейде, төлем құралы ретінде криптовалюта белсенді енгізілуіне қарамастан, бір жағынан, «виртуалды валюталар» бойынша операцияның заңды міндетті субъектілері мен қамтамасыз етілуіне байланысты мұндай операциялар алыпсатарлық деп танылады. Блокчейнді пайдалану еркіндігі арасындағы тепе-теңдікке қалай қол жеткізуге болады және сонымен бірге алаяқтардың жаңа экономика жағдайында адамдық толқудан пайда табуына жол бермейді? «Эйфория, скепсис, қолдануды кеңейту, күтулерді түзету, кеңінен қолдану" – жаңа технологияны қабылдаудың осы тізбегінде Қазақстан қазір скепсистен қолдану аясын кеңейтуге белсенді көшу сатысында тұр.

ҚР-да криптовалюта пайдалану үшін құқықтық базаның болмауы бірқатар шешілмеген мәселелерді тудырды: заттық, құқық, қандай міндеттеме қолданылуы тиіс, сот талабын қою тәртібі қандай, салық салдары қандай?

Өздеріңіз білетіндей, 25.06.2020 ж. ҚР-да «Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне цифрлық технологияларды реттеу мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» № 347-VI ҚР Заңы қабылданды. Атап айтқанда, аталған Заңда цифрлық активтерді азаматтық құқықтар объектілерінің құрамына енгізу және олардың құқықтық режимін айқындау туралы мәселелер бойынша ҚР Азаматтық Кодексіне және «ақпараттандыру туралы» ҚР Заңына өзгерістер енгізілді.

Осы Заңның қабылдануымен Қазақстан Республикасында қамтамасыз етілмеген цифрлық активтерді (криптовалюта) шығаруға және олардың айналымына тыйым салынды. Сонымен қатар, Қазақстан Республикасында цифрлық майнинг енді заңдастырылды.

Бір жағынан, Қазақстан Республикасының заңдарында көзделген жағдайларды қоспағанда, Қазақстан Республикасының аумағында қамтамасыз етілмеген цифрлық активтерді шығаруға және олардың айналымына тыйым салынады [2].

Басқаша айтқанда, жалпы ереже бойынша ҚР-да криптовалютаны шығаруға және айналысқа тыйым салынады.

Сонымен бірге, заң шығарушы жеке жағдайларда және, мүмкін, жеке мүдделер үшін криптовалюта айналымына рұқсат берудің шұғыл қажеттілігі туындаған жағдайда маневр жасау үшін өзі үшін ойын қалдырды.

Екінші жағынан, ҚР-да цифрлық майнинг толығымен заңдастырылған. Заң шығарушының пікірінше, тау-кен өндірісі бар ма? Ақша айналымын реттеу тілінде тау - кен өндірісі-бұл криптовалюта шығарудан басқа ештеңе емес.

Ақпараттық жүйеде есептеу операцияларын жүзеге асыру арқылы жеңімпаз криптовалюта бірліктерін шығарады және тағайындайды.

Егер есептеу операциясы сәтті аяқталған болса, онда криптовалюта белгілі бір қатысушыға әмиянға түседі, яғни ол автоматты түрде бірден айналымға түседі.

Бір уақытта бір қызметке тыйым салатын және рұқсат беретін көрсетілген құқықтық нормаларда - қамтамасыз етілмеген цифрлық активтерді шығару және цифрлық майнингте қайшылық бар. Цифрлық майнингті жүзеге асыратын тұлғалар бұл туралы уәкілетті органға хабарлауға міндетті екенін ескере отырып, бұл қамтамасыз етілмеген цифрлық активтерді шығаруды - заңсыз қызметті жүзеге асыруда тануды – кінәсін мойындап келу деген сөз. Дегенмен, криптовалютаның есебін ҚЕХС негізінде қарастырып кетейік.

Криптовалютаның құқықтық біліктілігін анықтау кезінде тандау негізінен ақша, тауарлық-материалдық құндылықтар, қаржы құралдары мен материалдық емес активтер арасында болады. Алайда бұл ұғымдардың ешқайсысы тек төлем қабілеттілігі ғана емес, сонымен қатар инвестициялау функциясы бар осы цифрлық активтің мәнін толық көрсетпейді.

Криптовалютаның құқықтық біліктілігіндегі белгісіздік, салық салу мақсатында тану үшін қажет болады. Сонымен, ҚР жаңа Салық кодексінің жобасы аясында, оны қабылдау аяқталуға жақын, криптовалютаны тану туралы мәселе де жауап таппады.

Бірақ, егер ҚР ағымдағы салық заңнамасын цифрлық экономикаға бейімдейтін болсақ, Халықаралық қаржылық есептілік стандарттары (ҚЕХС) тұрғысынан криптовалютаны тану әлі де бастапқы жөнелту нүктесі болып саналуы

керек.

ҚР ағымдағы салық заңнамасына сәйкес, егер өзгеше белгіленбесе, салықтық есепке алу мақсатында кірістер, шығыстар, активтер мен міндеттемелер ҚЕХС сәйкес танылуға тиіс.

Өз кезегінде, ҚЕХС активтердің әртүрлі түрлерін – ақша қаражаттарын, ақшалай баламаларды, қаржы құралдарын, негізгі құралдар мен инвестициялық мүлікті, қорлар мен материалдық емес активтерді көздейді.

Аталған түрлер бойынша белгілі бір активті танудың негізгі критерийлерін ескере отырып, криптовалютананы «материалдық емес актив» ретінде тану шындыққа ең жақын деп санаймыз. Барлық нұсқаларды толығырақ қарастырып көрейік.

Біздің ойымызша, «ақша қаражаты» ретінде тану мүмкін емес, өйткені криптовалютананы кез-келген Үкімет шығармайды және оны қамтамасыз етпейді, ал бағамның жоғары құбылмалылығы «ақша баламасы» ретінде тану мүмкіндігін жоққа шығарады. «Қаржы құралы» да алынып тасталады, өйткені криптовалюта иесіне Шарттық құқық немесе ақша қаражатын немесе өзге де қаржы активін алу міндеттемесін бермейді. Физикалық формасы болмаған соң, криптовалютананы «негізгі құрал» немесе «инвестициялық мүлік» деп тануға болмайтыны анық.

Криптовалютананы «қорлар» деп тануға болады, өйткені олар міндетті түрде физикалық форманы білдірмейді, бірақ криптовалюта саудасы соншалықты жиі бола бермейді, сондықтан ол компанияның әдеттегі қызметі болып саналады және нәтижесінде «қорларды» тану сынағынан өткен кезде ғана криптовалютананы олардың құрамында тануға болады.

Ақырында, криптовалютананы сатуға, айырбастауға немесе беруге болатын «материалдық емес активке» жатқызуды қарастырыңыз, бұл ақша қаражаты немесе қолма-қол емес актив емес және физикалық формасы жоқ. Барлық нұсқаларды ескере отырып, криптовалютананы тану белгілі бір сынақ шарттарын орындау кезінде «қорлардың» бөлігі ретінде де, «материалдық емес актив» ретінде де болуы мүмкін деп болжауға болады.

ҚЕХС сәйкес криптовалютананы «материалдық емес актив» ретінде тану тіркелген активті бастапқы тану шеңберінде салық міндетін жеңілдететініне қарамастан, тіркелген активтерді кейіннен есепке алу ҚР техникалық реттеу және метрология жөніндегі уәкілетті мемлекеттік орган белгілеген сыныптамаға сәйкес қалыптастырылатын топтар бойынша жүзеге асырылатынын ұмытпаған жөн.

Бұл классификацияда (ҚР Азаматтық кодексі 12-2009) «материалдық емес актив» бөліміндегі «криптовалюта» сияқты кіші түрлер қарастырылмаған, бірақ сүйікті «басқа» немесе «басқа» жан-жақты кіші секциясы да қарастырылмаған. Басқа топтарға жатқзылмаған тіркелген активтер IV топта танылуы тиіс Алып тастау әдісін қолданған жағдайда да, бағамның жоғары құбылмалылығын ескере отырып, мұндай материалдық емес активтің пайдалы қызмет мерзімін анықтау күмәнді болып табылады, бұл салық мақсаттары үшін кейіннен тануды қиындатады. Мәселен, ағымдағы салық заңнамасына сәйкес пайдалы қызмет мерзімі белгісіз, осындай деп танылған және ҚЕХС сәйкес компанияның бухгалтерлік балансында ескерілетін материалдық емес активтер тіркелген активтерге жатпайды. Бұл корпоративтік табыс салығын есептеу үшін амортизациялық аударымдар бойынша шегерімдерді есептеуді жояды. ҚЕХС-қа сәйкес материалдық емес активті әділ құн

бойынша бағалауға болатындығын ескере отырып, егер ол үшін белсенді нарық болса, бухгалтерлік есепте әділ құнның өзгеруі басқа жиынтық кірістің құрамында танылуы керек. Бұл ретте, ҚР ағымдағы салық заңнамасы бойынша мұндай өзгерісті салықтық есепке алу мақсаттары үшін елемеу қажет. Бұл жағдайда салық салынатын оқиға мұндай материалдық емес актив (криптовалюта) иеліктен шығарылған кезде ғана, яғни құнның өсуі немесе осындай материалдық емес активтің шығуынан болған залал іске асырылатын сәтте пайда болады.

Мұндай өсім/шығынның мөлшерін анықтауды жоғарыда сипатталған рефлексиялар сияқты фактіден гөрі пайымдау деп санауға болады.

Шынында да, тұжырымдамалық тұрғыдан алғанда, қазіргі салық заңнамасы негізделген киттердің бірі-растайтын құжаттардың болуы.

Егер криптовалюта «виртуалдылықты» білдірсе, ағымдағы салық заңнамасы жағдайында криптовалютаның болашағы бұлыңғыр болады.

Тағы не нәрсеге назар аудару керек? Cryptocurrency немесе таңбалауыштарды жасау арқылы компаниялар инвесторларға оларды IPO (cryptocurrency бастапқы орналастыру) арқылы сатып алуды ұсынады.

ICO-ның өсуі үлкен қаржылық ағындардан басқа, мемлекеттік реттеушілердің назарын аударады. Мұндай «краудфандингке» қатысты әлемде бірыңғай ұстаным жоқ.

Мәселен, мысалы, Қытай мен Оңтүстік Корея ICO-ға тыйым салады, ал АҚШ, Сингапур және Гонконг қызметі осы елдердің заңнамасына сәйкес келмейтін компанияларға «күрес» жариялады.

Кейбір басқа елдер әзірге осы мәселені зерттеу үшін комиссиялар құрумен және қарама-қайшы мәлімдемелермен шектеледі. Криптовалютаның, блокчейннің және ICO-ның құқықтық біліктілігі заңнамаға өзгерістер енгізуді талап ететіні анық, және біз қазірдің өзінде Қазақстанның осы бағыттағы белсенді қызығушылығын байқап отырмыз. Криптовалютаға қатысты реттеу шараларын таңдау кезінде тек құқықтық біліктілік туралы ғана емес, сонымен қатар құқықтық салдарларды айқындау, мемлекетаралық ынтымақтастық мүмкіндігі туралы және тиісінше осы мәселе бойынша ұлттық құқықтық өрістен жергілікті ерекшеліктер туралы мәселе қалады деп келіспеуге болмайды.

Қорытындылай келе, бір жағынан, көптеген алданған кәсіби емес инвесторлармен қаржылық пирамидалардың пайда болуына жол берілмейтінін атап өтеміз.

Екінші жағынан, cryptocurrency және blockchain әлем экономикасын өзгертеді, бұл басқа нәрселермен қатар шағын стартаптарға идеядан іске асыруға дейін жылдамырақ жүруге мүмкіндік береді.

Бірнеше биткоин үшін ICO-дан қанша болашақ миллиардтық алыптар басталатынын кім біледі?

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. «Ақпараттандыру туралы» Қазақстан Республикасының Заңы 24 қараша 2015 жылғы № 418- V ҚРЗ (10.09.2023 ж. жағдай бойынша өзгерістермен және толықтырулармен)
2. «Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне цифрлық технологияларды реттеу мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» № 347-VI ҚР
3. Должны ли майнеры криптовалют платить налог? // [Электронный ресурс] -

<https://www.zakon.kz/5070040-dolzyny-li-maynery-kriptovalyut-platit.html>

4. Бизнес в Казахстане выступил против налога на майнинг // [Электронный ресурс] - <https://www.kursiv.kz/news/otraslevye-temy/2021-05/biznes-v-kazakhstane-vystupil-protiv-naloga-na-mayning>;

5. Как новый налог повлияет на майнинговые фермы? // [Электронный ресурс] - <https://kapital.kz/business/95943/kak-novyy-nalog-povliyayet-na-mayningovyue-fermy.html>

6. В Казахстане обсуждают налогообложение майнеров // [Электронный ресурс] - <https://kapital.kz/business/96191/v-kazakhstane-obsuzhdayut-nalogooblozheniye-maynerov.html>

Информация об авторах:

ЖАНГАЛИЕВА Р.У., МУСТАФИНА А.С., М.Өтемісов атындағы БҚУ, Орал қаласы, Қазақстан Республикасы

Рустимова Г. Р., Хусаинова Ш.М.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции уголовно-правового регулирования преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) Республики Казахстан, в контексте цифровизации и миграционных процессов. Анализируются законодательные и организационные основы противодействия преступности, изучается роль цифровых технологий и миграционных факторов в трансформации пенитенциарной среды. Особое внимание уделено проблемам коррупционных проявлений, межэтнических конфликтов, злоупотреблений властью, а также перспективам внедрения цифровых решений для повышения прозрачности деятельности УИС. Определены ключевые направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики, направленные на укрепление законности, профилактику преступлений и гуманизацию исполнения наказаний.

Ключевые слова: пенитенциарная система, уголовное право, цифровизация, миграция, преступность, гуманизация, ответственность.

Проблема преступности в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) является одной из наиболее сложных и социально значимых в уголовном праве Республики Казахстан. Несмотря на меры по реформированию, модернизации и гуманизации системы исполнения наказаний, пенитенциарная преступность остаётся устойчивым явлением, оказывающим влияние на состояние законности, правопорядка и общественной безопасности [1].

Современный этап развития Казахстана характеризуется активной цифровизацией всех сфер государственного управления, включая правосудие и уголовно-исполнительную систему. Одновременно усиливаются миграционные процессы, обусловленные глобализацией, социально-экономическими изменениями и региональными трудовыми потоками. Эти факторы комплексно влияют на характер преступности, условия содержания осуждённых и специфику работы персонала УИС [2].

Цель статьи — комплексно проанализировать уголовно-правовое регулирование преступлений в учреждениях УИС в условиях цифровизации и миграции, выявить проблемные аспекты правоприменения и определить направления совершенствования законодательства.

1. Криминологическая характеристика преступлений в учреждениях УИС

Пенитенциарная преступность — это особый вид преступности, возникающий в замкнутом пространстве с особыми социально-психологическими условиями. В ней проявляются специфические формы девиантного поведения: подчинение неформальным нормам, зависимость от «тюремной субкультуры», насилие и взаимное давление.

По данным Комитета уголовно-исполнительной системы МВД РК, ежегодно в учреждениях УИС совершается до 600–800 преступлений различной степени тяжести. Основную часть составляют:

- побег и попытки побега;
- хранение и распространение запрещённых предметов (мобильных телефонов, наркотиков);
- коррупционные преступления среди персонала;
- применение насилия в отношении осуждённых;
- вымогательства и нарушения режима [3].

Особенность пенитенциарных преступлений заключается в сочетании внешних и внутренних факторов. Внешние связаны с условиями содержания, финансированием, кадрами и контролем; внутренние — с морально-психологическим климатом, нормами поведения и уровнем правовой культуры.

Наиболее уязвимыми остаются колонии строгого режима, где высокий уровень изоляции и низкий контроль внешних органов создают предпосылки для злоупотреблений властью и неофициальных отношений между осуждёнными и сотрудниками.

2. Влияние цифровизации на уголовно-исполнительную систему

Цифровизация создаёт новые возможности для реформирования УИС. Программы «Цифровое государство» и «Smart Prison» направлены на автоматизацию процессов учёта, контроля и надзора.

Основные направления цифровизации включают:

1. Электронный учёт осуждённых — создание единой базы данных с биометрической идентификацией, интегрированной с МВД и Минюстом.
2. Видеофиксация и онлайн-мониторинг — установка систем наблюдения с автоматической записью всех действий сотрудников и заключённых.
3. Цифровые журналы происшествий — автоматическая регистрация дисциплинарных взысканий и жалоб осуждённых.

4. Платформа "E-Qylmys" — электронная база данных о расследованиях преступлений, совершённых в местах лишения свободы.

5. Виртуальные приёмы прокурора и омбудсмена, позволяющие осуждённым направлять обращения без посредников.

Внедрение данных технологий значительно повышает уровень прозрачности, снижает коррупционные риски и позволяет фиксировать объективную картину происходящего. Например, по данным МВД, после внедрения видеонаблюдения количество жалоб на неправомерные действия персонала снизилось на 32% в 2023 году.

Однако цифровизация несёт и новые вызовы — угрозу утечки персональных данных, возможности удалённого вмешательства в системы, а также риски формализации контроля при недостатке этической и правовой подготовки сотрудников [4].

3. Миграционные процессы и их влияние на пенитенциарную преступность

Миграционные процессы в Казахстане усилили культурное и языковое разнообразие осуждённых. Среди заключённых растёт доля иностранных граждан, в том числе из стран Центральной Азии, что требует адаптации законодательства и практики исполнения наказаний.

Основные проблемы:

- языковой барьер, усложняющий разъяснение прав и обязанностей осуждённым;
- межэтнические конфликты и неформальные группировки по национальному признаку;
- трудности ресоциализации иностранных граждан после освобождения.

В этой связи необходима разработка специальных нормативов по работе с мигрантами в местах лишения свободы. Например, предусмотрение штатных переводчиков, электронных переводчиков, информационных материалов на нескольких языках.

Миграционные процессы также влияют на кадровый состав УИС: в учреждениях увеличивается число сотрудников из разных регионов и культурных групп. Это требует усиления корпоративной этики, антикоррупционной подготовки и межкультурной компетенции персонала [5].

4. Международный опыт и перспективы цифрового контроля

Мировая практика показывает, что цифровизация пенитенциарной системы способствует снижению преступности и повышению доверия общества.

В Эстонии внедрена система электронных тюремных карточек, фиксирующих все перемещения заключённых и персонала.

В Финляндии функционируют тюрьмы с частичной удалённой занятостью заключённых, где контроль осуществляется онлайн.

В Сингапуре используется искусственный интеллект для анализа видеопотоков и прогнозирования конфликтных ситуаций.

Казахстан постепенно внедряет подобные подходы. Программы «Smart Prison» и «E-KUIS» уже реализуются в пилотных учреждениях Павлодарской и Карагандинской областей. Их расширение на республиканский уровень позволит создать единую цифровую экосистему исполнения наказаний.

5. Пути совершенствования уголовно-правового регулирования

Для эффективного противодействия преступлениям в УИС необходимо:

1. Уточнить в Уголовном кодексе квалификацию преступлений, совершаемых должностными лицами УИС.
2. Установить обязательность видеонаблюдения и хранения записей не менее трёх лет.
3. Ввести уголовную ответственность за сокрытие цифровых данных о нарушениях режима.
4. Создать независимое агентство внутреннего контроля с доступом к цифровым базам данных.
5. Развивать цифровую грамотность и этическую подготовку сотрудников.
6. Интегрировать международные стандарты — Правила Нельсона Манделы и Европейские пенитенциарные правила — в национальное законодательство.

Пенитенциарная система Казахстана переживает важный этап трансформации, связанный с цифровизацией и миграцией. Эти процессы оказывают двойственное влияние: с одной стороны — повышают прозрачность и эффективность управления, с другой — создают новые юридические и этические риски.

Необходим комплексный подход, объединяющий технологические инновации, правовые реформы и гуманистические принципы. Цифровизация должна стать инструментом укрепления законности и защиты прав человека, а не средством контроля ради контроля.

Внедрение систем электронного мониторинга, цифровых платформ надзора и миграционно-ориентированных решений позволит Казахстану создать современную, безопасную и справедливую уголовно-исполнительную систему, соответствующую международным стандартам и ожиданиям общества.

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 г.
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 г. № 226-V.
3. Комитет уголовно-исполнительной системы МВД РК. Отчёт за 2023 год.
4. Указ Президента РК «О Концепции развития цифрового государства до 2030 года». — Астана, 2022.
5. Даулетов А.К. Современные проблемы уголовного права Казахстана. — Алматы, 2022.
6. Смагулова Л.М. Криминологические аспекты пенитенциарной преступности. — Караганда, 2020.
7. UNODC. World Prison Trends Report 2023. — Vienna, 2023.
8. European Committee for the Prevention of Torture (CPT). Annual Report 2022. — Strasbourg, 2023.
9. Garland D. The Culture of Control. — Oxford University Press, 2020.
10. Нельсон Мандела Rules (UN, 2015).

Информация об авторах:

РУСТЕМОВА Г. Р., доктор юридических наук, профессор Q University

ХУСАИНОВА Ш.М. магистрант второго года обучения Q University

ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Аннотация: В статье рассматриваются теоретико-правовые основы обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Анализируется система гарантий, закреплённая в законодательстве Республики Казахстан, включая конституционные, организационно-правовые и судебные механизмы. Особое внимание уделяется принципам законности, соразмерности ограничений и недопустимости злоупотреблений при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, конституционные права, гарантии, законность, неприкосновенность, Республика Казахстан.

Современная правовая система любого демократического государства основывается на признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина. В условиях укрепления институтов правопорядка и повышения роли государства в сфере безопасности особое значение приобретает обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), которые по своей природе предполагают вмешательство в сферу частной жизни, свободу и личную неприкосновенность [1].

В Республике Казахстан правовые основы проведения ОРМ закреплены в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 года, а также в Конституции Республики Казахстан и ряде подзаконных актов. Основная задача данного института — выявление, предупреждение и раскрытие преступлений при строгом соблюдении законности и гарантий прав личности [2].

Однако в правоприменительной практике часто возникают вопросы соразмерности вмешательства, правомерности ограничений и соблюдения конституционных гарантий. По мнению исследователей, эффективное обеспечение прав личности возможно лишь при сочетании правовых, организационных и судебных механизмов, действующих согласованно [3].

Конституция Республики Казахстан в статье 12 закрепляет, что права и свободы человека принадлежат каждому от рождения, признаются абсолютными и определяют содержание и применение законов [4]. Соответственно, любые ограничения таких прав допустимы лишь на основании закона и в той мере, в какой это необходимо для защиты прав и свобод других лиц, общественного порядка или национальной безопасности.

При проведении оперативно-розыскных мероприятий возможно ограничение ряда конституционных прав: права на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, свободу передвижения и др. [5]. Поэтому конституционные гарантии в данной сфере выступают механизмом балансирования интересов государства и личности.

Основными конституционными гарантиями в контексте ОРМ являются:

- принцип верховенства закона (ст. 4 Конституции РК);
- судебный и прокурорский контроль за ограничением прав личности;
- обязательность санкции суда на проведение мероприятий, затрагивающих тайну корреспонденции, телефонных переговоров и жилища;
- право граждан на судебную защиту от незаконных действий органов, осуществляющих ОРД [6].

Как отмечает Тулегенов А.К., принцип верховенства Конституции является ключевым в формировании механизма защиты прав личности в Республике Казахстан, поскольку именно конституционный контроль обеспечивает стабильность и непротиворечивость правоприменения [7].

Кроме того, гарантией прав личности является обязанность государства создавать эффективные институты защиты — прокуратуру, суды, органы внутреннего контроля, а также специальные комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан. Деятельность этих структур направлена на предупреждение нарушений прав и обеспечение прозрачности процедур [8].

Оперативно-розыскная деятельность по своей сути направлена на обеспечение национальной безопасности и общественного порядка, однако её реализация должна подчиняться строгим правовым рамкам [9]. Закон РК «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает следующие гарантии:

- проведение ОРМ исключительно уполномоченными государственными органами (полиция, КНБ, антикоррупционная служба);
- обязательная регистрация и документирование всех действий, связанных с вмешательством в личную жизнь граждан;
- прокурорский надзор за соблюдением законности при проведении ОРМ;
- персональная ответственность должностных лиц за превышение полномочий.

По мнению Мухамадиевой Г.Н., прокурорский надзор является ключевым элементом обеспечения законности в ОРД, так как именно прокуратура контролирует законность получения и использования оперативных данных, а также соблюдение прав участников процесса [10].

Судебный контроль, являющийся центральным элементом правового механизма, обеспечивается посредством санкционирования мероприятий, связанных с ограничением конституционных прав. Согласно статье 16 Закона, проведение ОРМ, затрагивающих тайну переписки, переговоров и жилища, допускается только на основании судебного решения.

Однако судебное разрешение само по себе не гарантирует соблюдения прав. Важно, чтобы суды осуществляли реальную проверку обоснованности представленных материалов, а не формально утверждали запросы органов, проводящих ОРД [4]. В этом контексте значительную роль играет повышение правовой культуры судебского корпуса и развитие института адвокатуры, участвующего в защите граждан при обжаловании незаконных действий оперативных структур.

Одним из наиболее эффективных направлений защиты личности выступает судебная система, обеспечивающая право гражданина на обжалование действий органов, проводящих ОРМ [5]. Граждане вправе обратиться в суд, если считают, что

их права нарушены незаконными действиями или решениями должностных лиц.

Судебная практика Республики Казахстан подтверждает, что наличие судебного разрешения на проведение ОРМ не освобождает сотрудников правоохранительных органов от обязанности действовать строго в рамках закона и принципов необходимости и соразмерности [6].

Ответственность за нарушения прав граждан при проведении ОРМ установлена в действующем законодательстве. Уголовный кодекс Республики Казахстан предусматривает ответственность за превышение власти или служебных полномочий (ст. 362), незаконное проведение оперативных действий, затрагивающих личную жизнь граждан (ст. 146), а также за разглашение сведений, составляющих личную тайну (ст. 147).

Эффективность правового механизма защиты во многом зависит от активности граждан, уровня правосознания и доверия к судебной системе. В этом контексте важно формировать в обществе понимание, что защита конституционных прав — не только обязанность государства, но и гражданская ответственность каждого [9].

Гарантии обеспечения конституционных прав человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий представляют собой комплекс взаимосвязанных правовых, организационных и судебных средств. Эффективность их реализации зависит от системного взаимодействия всех институтов — органов внутренних дел, прокуратуры, судов и правозащитных структур.

В условиях укрепления правового государства в Казахстане особое значение приобретает развитие механизмов прокурорского надзора, повышение ответственности должностных лиц и совершенствование судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью. Необходимо также усилить подготовку кадров в правоохранительной системе, развивать внутренние механизмы профессиональной этики и гражданского контроля.

Дальнейшее совершенствование законодательства об оперативно-розыскной деятельности должно быть направлено на повышение транспарентности процедур, внедрение цифровых технологий контроля и обеспечение баланса между интересами безопасности и правами личности [10]. Это позволит укрепить доверие общества к государственным институтам и обеспечить реализацию принципа верховенства закона в повседневной практике.

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года.
2. Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 года № 154-ХІІІ.
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V.
4. Тулегенов А.К. Конституционные основы защиты прав человека в Республике Казахстан. Право и государство, 2021.
5. Мухамадиева Г.Н. Гарантии законности и обоснованности ограничения неприкосновенности личности. Вестник КазНУ. Серия юридическая, 2023.
6. Токторов Э. Правовые гарантии соблюдения конституционных прав человека и гражданина при проведении ОРМ. Вестник ОшГУ. Право, 2024.
7. Сыздыков Н.Р. Принцип верховенства закона как гарантия защиты прав личности. Наука и общество, 2022.
8. Комиссия по правам человека при Президенте Республики Казахстан. Годовой доклад о

соблюдении прав человека, 2023.

9. Касымбек А.О. Судебная защита прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Актуальные вопросы юриспруденции, 2022.

10. Аманжолов Т.Т. Прокурорский надзор и его роль в защите конституционных прав граждан. Юридическая наука Казахстана, 2023.

Информация об авторе:

АХМЕТОВ ЕРЛАН СЕЙДИЛЬДАЕВИЧ, Магистрант Q University, Казахстан

Максут А.С.

**ЭВОЛЮЦИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И
ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Аннотация. Проведён комплексный анализ становления и развития антикоррупционной правовой политики Республики Казахстан с учётом исторических этапов и современных вызовов цифровизации государственного управления. Исследованы законодательные и институциональные основы противодействия коррупции, начиная с 1990-х годов и до наших дней. Особое внимание уделено влиянию цифровых технологий на повышение прозрачности, открытости и подотчётности органов власти. Выделены основные тенденции правовой трансформации в условиях цифрового государства, раскрыты проблемы интеграции информационных систем и риски цифровой коррупции. Предложены направления совершенствования антикоррупционного законодательства и практики в контексте цифровой трансформации Казахстана.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, цифровизация, правовая система, история, Казахстан, цифровое государство, открытые данные, электронное правительство.

Антикоррупционная политика является ключевым направлением государственного строительства Республики Казахстан, определяющим эффективность управления, уровень доверия граждан и устойчивость общественных институтов. За годы независимости Казахстан прошёл путь от фрагментарных антикоррупционных мер к системной государственной стратегии, основанной на принципах верховенства закона, транспарентности и общественного участия.

В современных условиях развитие антикоррупционной политики невозможно без учёта процессов цифровизации, которые трансформируют формы взаимодействия граждан с государством, создают новые инструменты контроля, но одновременно порождают и новые риски цифровой коррупции.

Целью настоящего исследования является анализ эволюции антикоррупционной политики Казахстана с позиции историко-правового

развития и влияния цифровых технологий на эффективность противодействия коррупции.

Антикоррупционная правовая политика Республики Казахстан является одним из ключевых направлений государственного строительства и правовой модернизации, определяющим эффективность функционирования органов власти, уровень доверия граждан и устойчивость демократических институтов. За годы независимости Казахстан прошёл путь от фрагментарных антикоррупционных инициатив к системной государственной политике, основанной на принципах верховенства закона, транспарентности и общественного участия [1]. Однако развитие антикоррупционной системы невозможно рассматривать в отрыве от процессов цифровизации, которые радикально изменили методы управления, взаимодействие граждан и государства, а также формы и риски коррупционных проявлений [4].

Исторические предпосылки антикоррупционной политики Казахстана связаны с переходным периодом начала 1990-х годов, когда происходила трансформация советской правовой системы и формирование институтов независимого государства. Отсутствие устойчивых механизмов государственного контроля, слабая нормативная база и дефицит кадров способствовали росту коррупционных проявлений, особенно в сфере приватизации, госзакупок и распределения бюджетных ресурсов. В этот период борьба с коррупцией носила эпизодический характер и была сосредоточена преимущественно на наказании виновных лиц, а не на предупреждении правонарушений [9].

Принятие в 1998 году Закона Республики Казахстан «О борьбе с коррупцией» стало важной вехой в формировании национальной правовой политики. Данный закон впервые закрепил понятие коррупции, определил её формы, субъекты и меры ответственности, а также установил основы для создания специализированных государственных органов. В последующие годы государство активно развивало институциональную базу: были созданы Агентство по борьбе с экономической и коррупционной преступностью и соответствующие подразделения в правоохранительных структурах [9].

В начале 2000-х годов Казахстан присоединился к международным антикоррупционным инициативам, включая Конвенцию Организации Объединённых Наций против коррупции (2003 год), что определило дальнейшую ориентацию страны на международные стандарты транспарентности и подотчётности [10]. В это время вектор антикоррупционной политики сместился в сторону превентивных мер, что выразилось в разработке Государственной программы по противодействию коррупции (2006–2010 годы).

Новый этап развития антикоррупционной политики пришёлся на 2010-е годы и характеризовался внедрением цифровых технологий в систему государственного управления. Понимание того, что традиционные формы контроля не способны эффективно реагировать на современные вызовы, привело к запуску национальной программы «Цифровой Казахстан», целью которой стало создание цифровой инфраструктуры, обеспечивающей прозрачность и эффективность деятельности органов власти [4]. В этот период в стране

начинают активно развиваться электронные государственные услуги, формируются базы открытых данных и внедряются системы электронных закупок.

Цифровизация стала важнейшим инструментом борьбы с коррупцией, так как позволила сократить число прямых контактов между чиновниками и гражданами, тем самым снижая возможности для коррупционных сделок. Портал eGov.kz, функционирующий с начала 2010-х годов, стал центральной платформой предоставления государственных услуг в онлайн-режиме [4]. Более 90 % государственных услуг в Казахстане к настоящему времени переведено в электронный формат, что позволило минимизировать бюрократические барьеры и повысить прозрачность процедур [8].

Параллельно с развитием электронного правительства в стране формировалась концепция открытых данных. Портал data.egov.kz обеспечивает гражданам и организациям свободный доступ к информации о государственных расходах, тендерах, грантах и других аспектах деятельности органов власти [4]. Данный шаг стал практическим воплощением принципов «открытого государства» и способствует вовлечению гражданского общества в процессы мониторинга и контроля.

Одним из ключевых направлений цифровой антикоррупционной политики стало внедрение системы электронного декларирования доходов и имущества государственных служащих. Эта мера направлена на повышение прозрачности финансовых потоков и предупреждение конфликта интересов [1]. Всеобщая система декларирования, введённая в 2023 году, охватывает не только госслужащих, но и членов их семей, что значительно расширяет возможности для общественного и финансового контроля [8].

Законодательная основа современной антикоррупционной политики Казахстана претерпела значительные изменения. Закон Республики Казахстан «О противодействии коррупции» от 2015 года стал системным документом, определившим не только принципы и формы противодействия, но и механизмы общественного контроля [1]. В его основу положены принципы верховенства закона, открытости, прозрачности и неотвратимости ответственности. В 2022 году принят Закон «Об общественном контроле», закрепивший права граждан и неправительственных организаций участвовать в оценке деятельности государственных органов, в том числе посредством цифровых инструментов [2].

Особое место в антикоррупционной политике занимает развитие технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных (Big Data). Эти инструменты применяются для выявления аномальных транзакций, отслеживания конфликтов интересов и анализа государственных закупок [10]. Внедрение цифровых алгоритмов позволило Агентству по противодействию коррупции перейти от реактивного к проактивному формату работы, когда нарушения выявляются ещё на стадии их подготовки [8].

Тем не менее, цифровизация не является панацеей от коррупции. Новые технологии порождают новые формы нарушений, связанные с манипуляцией данными, вмешательством в электронные базы и злоупотреблением служебным доступом [10]. Появление феномена «цифровой коррупции» требует пересмотра

традиционных подходов к правовому регулированию. В частности, в законодательстве Казахстана пока отсутствует чёткое определение таких понятий, как «киберкоррупция» или «цифровое покровительство», хотя практика показывает, что данные формы уже проявляются в деятельности отдельных структур [9].

Одним из актуальных вызовов является обеспечение кибербезопасности государственных информационных систем. Несанкционированный доступ к базам данных, утечка персональной информации граждан и вмешательство в электронные закупочные процедуры могут стать инструментами коррупционного давления [3]. Поэтому важнейшим направлением правовой политики становится укрепление национальной системы защиты информации, создание независимых центров мониторинга и аудита цифровых платформ [4].

Важную роль в антикоррупционной стратегии Казахстана играет общественный контроль. Цифровизация открыла новые возможности для участия граждан в оценке деятельности государственных органов. Порталы «Открытый диалог» (dialog.egov.kz) и «Ashyq Akimat» позволяют гражданам направлять обращения, жалобы и предложения в онлайн-формате, что усиливает подотчётность акиматов и центральных ведомств [8]. Функционируют также электронные общественные советы, обеспечивающие обсуждение государственных инициатив и мониторинг бюджетных расходов [2].

Однако практика показывает, что потенциал общественного контроля реализован не в полной мере. Основными проблемами остаются недостаточная цифровая грамотность населения, формальный характер некоторых онлайн-площадок, а также низкий уровень обратной связи со стороны органов власти [9]. Для повышения эффективности участия граждан необходимо дальнейшее развитие механизмов цифровой демократии, включая онлайн-консультации, краудсорсинговые проекты и общественные рейтинги деятельности чиновников [7].

В контексте международных сравнений Казахстан демонстрирует устойчивое продвижение в сфере антикоррупционной реформы, однако сохраняет структурные трудности. Согласно индексу восприятия коррупции организации Transparency International за 2024 год, Казахстан занимает 93-е место среди 180 стран, что свидетельствует о необходимости дальнейших реформ [6]. Положительным является то, что в стране постепенно формируется культура «нулевой терпимости» к коррупции, особенно среди молодёжи и представителей гражданского сектора [7].

В перспективе развитие антикоррупционной политики Казахстана должно основываться на сочетании технологических и правовых инструментов. Целесообразным представляется дальнейшее совершенствование законодательства, в частности, закрепление правового определения цифровых форм коррупции, разработка стандартов этики для сотрудников, работающих с информационными системами, а также внедрение национальной платформы антикоррупционного мониторинга с использованием больших данных [10]. Необходимо развивать международное сотрудничество в области противодействия киберпреступности и обмена опытом цифровой

трансформации [7].

Важным направлением также является повышение уровня правовой и цифровой грамотности государственных служащих. Образовательные программы и курсы по антикоррупционной этике, безопасности данных и использованию электронных систем должны стать обязательной частью подготовки кадров государственной службы [8]. Только при комплексном подходе, объединяющем правовую, технологическую и образовательную составляющие, возможно формирование устойчивой антикоррупционной среды [9].

Таким образом, эволюция антикоррупционной правовой политики Республики Казахстан отражает закономерный переход от репрессивной модели к превентивной, основанной на цифровой прозрачности, общественном участии и интеграции технологий в процесс государственного управления. Цифровизация выступает не только средством борьбы с коррупцией, но и инструментом формирования новой правовой культуры, основанной на принципах открытости и ответственности [4]. Однако для достижения устойчивого результата требуется дальнейшая институциональная консолидация, совершенствование законодательства и развитие гражданской активности. Успех антикоррупционной реформы в цифровую эпоху определяется не только техническими возможностями, но и зрелостью правосознания, уровнем доверия общества и готовностью государства к постоянному обновлению [6].

Список использованной литературы:

- 1 Закон Республики Казахстан «О противодействии коррупции» от 18 ноября 2015 года № 410-V.
- 2 Закон Республики Казахстан «Об общественном контроле» от 14 января 2022 года № 123-VII.
- 3 Концепция развития цифрового государства до 2030 года. — Астана, 2023.
- 4 Программа «Цифровой Казахстан». — Астана: Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности, 2017.
- 5 Конституция Республики Казахстан (ред. 2023 г.).
- 6 Transparency International. Corruption Perceptions Index 2024. — Berlin, 2024.
- 7 OECD. Integrity and Anti-Corruption Reforms in Central Asia. — Paris, 2022.
- 8 Агентство по противодействию коррупции Республики Казахстан. Ежегодный отчёт за 2023 год. — Астана, 2024.
- 9 Даулетов А.К. Правовые основы противодействия коррупции в Казахстане. — Алматы: Юрист, 2023.
- 10 UNODC. Anti-Corruption and Digital Transformation Report. — Vienna, 2023.

Информация об авторе:

МАКСУТ АЛЬСЕИТ СЕРИКУЛЫ, Магистрант Q University, Казахстан

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ МИГРИРУЮЩИХ МАТЕРЕЙ

Аннотация. Современные процессы глобальной миграции оказывают существенное влияние на формирование социальной, экономической и правовой политики в странах назначения. Особое внимание уделяется защите прав мигрирующих матерей, поскольку они сталкиваются с уникальными проблемами, связанными с правовым статусом, социальной изоляцией, ограниченным доступом к медицинским и социальным услугам, а также неопределённостью в иммиграционном законодательстве. В данной статье проводится теоретико-правовой анализ особенностей защиты прав мигрирующих матерей, рассматриваются проблемы обеспечения их социальной защиты и доступа к услугам, анализируются законодательные пробелы с международной и национальной перспективой, а также формулируются рекомендации по совершенствованию правовой базы.

Исследование проведено в рамках грантового финансирования МНВО РК на 2024-2026 годы (ИРН AP22688447 «Материнство на перекрестке: проблемы защиты прав матерей-мигранток (опыт Казахстана и международные стандарты)»).

Ключевые слова: материнство, мать-мигрантка, права человека, защита

Правовой статус мигрирующих матерей является сложным конструктом, который определяется взаимодействием национального законодательства и международных правовых норм. Международные документы, такие как Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, устанавливают универсальные стандарты недискриминации, право на справедливое судебное разбирательство, свободу передвижения и доступ к социальной защите. При этом мигрирующие матери зачастую оказываются в положении, когда их статус не соответствует критериям полной правовой защиты из-за временных или зависимых категорий иммиграции.

Международное право закрепляет принцип равенства прав всех людей, независимо от статуса. В частности, положения о недискриминации и праве на равный доступ к социальной защите гарантируют, что мигрирующие матери должны иметь доступ к основным услугам, включая медицинскую помощь в период беременности и послеродовой поддержки. Однако, несмотря на ясность международных обязательств, на практике многие государства не обеспечивают полную реализацию этих норм, что приводит к существенным пробелам в защите прав мигрирующих матерей.

На национальном уровне законодательство зачастую ориентировано на граждан и определённые категории легально пребывающих мигрантов, оставляя за бортом тех, чья правовая ситуация носит временный или нерегулярный характер. В таких условиях мигрирующие матери сталкиваются с дополнительными трудностями: ограниченным доступом к медицинской и социальной помощи, необходимостью демонстрации постоянного места жительства, языковыми барьерами и страхом перед депортацией. Это приводит к тому, что даже при

наличии правовых гарантий доступ к основным услугам оказывается затруднённым.

Одной из ключевых проблем является комплексный характер угроз, с которыми сталкиваются мигрирующие матери. В число таких угроз входят:

- юридическая неопределённость и зависимость от работодателя или спонсора;
- ограниченность доступа к психосоциальной и медицинской помощи;
- языковые и культурные барьеры, затрудняющие коммуникацию с органами власти и службами поддержки.

Эти проблемы усугубляются отсутствием специализированных правовых механизмов, адаптированных под нужды женской миграционной аудитории, что требует интегрированного подхода с учетом многоаспектной природы дискриминационных процессов.

Социальная защита и доступ к услугам для мигрирующих матерей

Одной из существенных составляющих правовой базы является обеспечение социальной защиты, включающей доступ к медицинским, психологическим и социальным услугам, гарантирующим минимальные условия для жизни и безопасности. Мигрирующие матери, как правило, сталкиваются с рядом структурных барьеров, мешающих им воспользоваться имеющимися правами.

Согласно исследованиям, мигрирующие женщины получают меньшее количество предродовых и послеродовых консультаций по сравнению с местными жителями, что приводит к более высокому уровню осложнений и ухудшению психического здоровья в перинатальный период. Языковые барьеры, отсутствие информации и страх перед выявлением миграционного статуса усугубляют ситуацию, ограничивая возможности для своевременного обращения за медицинской помощью.

Наряду с медицинской помощью важным аспектом является обеспечение доступа к психологической поддержке, особенно в контексте послеродового периода. Мигрирующие матери подвержены высокому риску развития депрессивных состояний, что обусловлено сложностями адаптации, культурным шоком и переживаниями, связанными с миграционным процессом. Отсутствие специализированных служб, способных предоставить качественную психологическую помощь с учетом культурных особенностей, является одной из причин ухудшения психического здоровья данной группы.

Наличие развитых информационных каналов и социальных сетей играет значимую роль в обеспечении доступа к услугам. В некоторых странах опыт показывает, что комплексная информационная поддержка и создание специализированных центров для мигрантов способствуют снижению уровня социальной изоляции и повышению доступности медицинской помощи и социальных сервисов. Однако практическое применение этих мер часто сталкивается с административными и финансовыми барьерами.

Таблица: Сравнительный анализ доступа к услугам для мигрирующих матерей

Аспект доступа	Международный стандарт	Национальное законодательство
Медицинская помощь	Право на первичную и специализированную помощь	Ограничения по миграционному статусу; недостаточное финансирование

Аспект доступа	Международный стандарт	Национальное законодательство
Психологическая поддержка	Доступ к психосоциальной реабилитации	Недостаточная интеграция услуг; языковые и культурные барьеры
Информационная поддержка	Обеспечение информационными ресурсами для всех групп	Низкий уровень информирования мигрантов; слабая связь с общественными службами

Таблица 1: Сравнительный анализ аспектов доступа к медицинской, психологической и информационной помощи для мигрирующих матерей.

Несмотря на наличие международных документов, регулирующих права трудящихся-мигрантов и членов их семей, существуют значительные пробелы в защите прав мигрирующих матерей.

Многие национальные законодательства ориентированы преимущественно на граждан и мигрантов с полным правовым статусом, в то время как мигрирующие матери, находящиеся в нерегулярном положении или обладающие временными статусами, остаются вне сферы полной правовой защиты. Отсутствие механизмов для регуляризации статуса и обеспечения правовой поддержки приводит к тому, что женщины остаются уязвимыми перед эксплуатацией, насилием и дискриминацией.

Международные соглашения, такие как Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, предусматривают равные права для всех, однако их реализация на бытовом уровне часто нарушается. Неоднородное применение международных стандартов становится причиной возникновения диспропорций в социальной защите и доступе к услугам у мигрирующих матерей.

Миграционный статус напрямую влияет на объем правовой защиты, предоставляемой мигрантам. Женщины с временным или зависимым статусом часто ограничены в своих правах на медицинскую и социальную помощь, а также в правах на трудовую занятость, что закрепляет их уязвимое положение. Такое различие приводит к возникновению двух уровней защиты: для граждан и для не полностью легализованных мигрантов.

Различные страны имеют свои подходы к защите прав мигрантов, включая мигрирующих матерей. Сравнительный анализ национальных законодательных практик позволяет выявить как успешные модели, так и основные проблемы, требующие решения.

В ряде европейских стран разрабатываются комплексные программы, учитывающие как медицинское обслуживание, так и социальное обеспечение для мигрантов независимо от их статуса. Эти программы предусматривают возможность получения интерпретационных услуг, психологической поддержки и информационных ресурсов для ориентирования в системе здравоохранения и социальной защиты. Такой целостный подход позволяет снизить уровень социальной изоляции и повысить доступность услуг для мигрирующих матерей.

Критерий защиты	Международный подход (конвенции, рекомендации)	Национальный подход (опыт отдельных стран)
Правовой статус	Универсальные стандарты недискриминации	Варьирование в зависимости от миграционного статуса

Критерий защиты	Международный подход (конвенции, рекомендации)	Национальный подход (опыт отдельных стран)
Доступ к медицинской помощи	Гарантированный доступ к базовым услугам	Ограничения для нерегулярных мигрантов, разная интерпретация
Социальная защита	Обеспечение прав на социальное обеспечение	Различия между гражданами и временными мигрантами
Информационные ресурсы	Требование к доступности информации для мигрантов	Часто наблюдается дефицит адаптированной информации

Таблица 2: Сравнительный анализ международных и национальных подходов к защите прав мигрирующих матерей.

Многие государства, несмотря на ратификацию международных конвенций, сталкиваются с трудностями в реализации правовой защиты мигрирующих матерей. Основные проблемы включают нецелевое расходование бюджетных средств, отсутствие межведомственного взаимодействия и недостаточное внимание к специфике женского опыта в миграционных процессах. Кроме того, мигранты часто остаются вне охвата социальных программ из-за административных барьеров, таких как необходимость предоставления подтверждающих документов или ограничения по месту жительства.

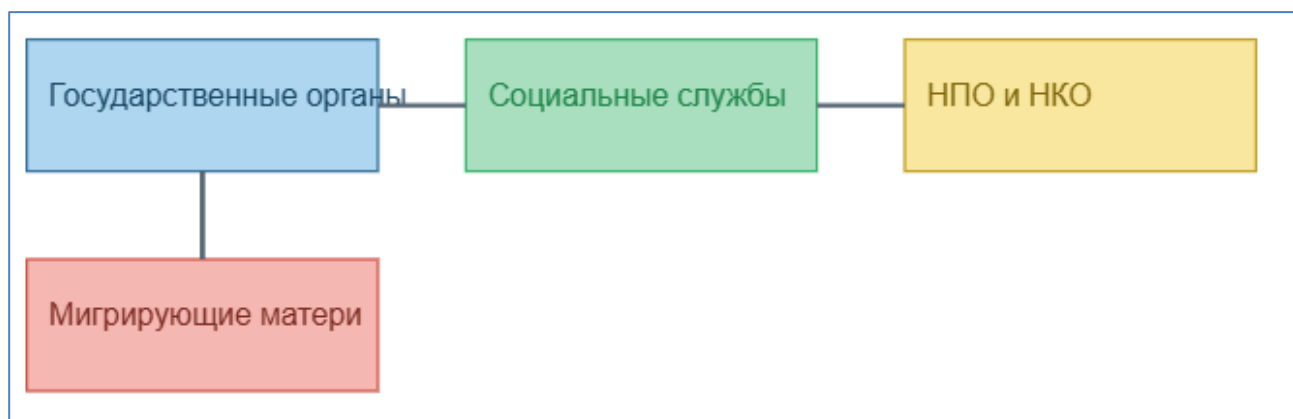

Рисунок 1: Схема взаимодействия государственных органов, социальных служб и общественных организаций в системе защиты прав мигрирующих матерей.

На основании проведенного анализа проблем и сравнительного обзора можно выделить следующие рекомендации, направленные на повышение уровня защиты прав мигрирующих матерей.

Необходимо обеспечить интеграцию усилий государственных органов, социальных служб и неправительственных организаций для создания единой системы поддержки мигрирующих матерей. Это позволит устранить разрыв между теоретическими гарантиями и практической реализацией правовых норм.

Следует внедрить целевые политики, нацеленные на мигрирующих матерей с учётом их уникальных потребностей. Особое внимание должно быть уделено организации специализированных центров, предоставляющих комплексную помощь: юридическую поддержку, психологическую реабилитацию и информационные консультации. Такие меры позволят снизить уровень социальной

изоляции и улучшить доступ к услугам.

Необходимо реформировать миграционные процессы таким образом, чтобы минимизировать зависимость мигрирующих матерей от работодателя или спонсора. Упрощение процедур регуляризации статуса и обеспечение оперативного рассмотрения заявлений о предоставлении убежища или изменении статуса помогут снизить риски правовых нарушений и эксплуатации.

Важным направлением является улучшение информирования мигрирующих матерей о своих правах и доступных услугах. Это может быть достигнуто за счёт разработки мультязычных информационных программ, проведения семинаров и траектории консультаций, ориентированных на культурные особенности целевых групп.

Направление совершенствования	Конкретные меры	Ожидаемые результаты
Межсекторное сотрудничество	Создание координационных центров с участием НПО	Улучшение коммуникации, комплексная поддержка
Специализированная поддержка	Организация специализированных консультационных центров	Повышение доступности правовой и психологической помощи
Реформа миграционных процедур	Упрощение процедур регуляризации статуса	Снижение зависимости от работодателей
Информационная адаптация	Мультязычные информационные кампании	Повышение уровня информированности и самостоятельности
Повышение контроля за реализацией	Введение независимого мониторинга и оценки программ	Повышение эффективности реализации мер защиты

Таблица 3: Комплекс мер и рекомендаций для совершенствования правовой защиты мигрирующих матерей.

Подводя итог проведённого анализа, можно сделать следующие выводы:

- Международно-правовые стандарты гарантируют недискриминацию и равный доступ к услугам, однако их реализация на национальном уровне часто ограничена особенностями миграционного законодательства.
- Социальная защита мигрирующих матерей страдает из-за языковых, культурных и административных барьеров, что приводит к неравномерному доступу к медицинским и социальным услугам.
- Пробелы в национальном законодательстве создают две системы защиты – для граждан и для мигрантов с временным или нерегулярным статусом, что усиливает уязвимость мигрирующих матерей.
- Сравнительный анализ национальных практик показывает, что успешные модели основаны на интеграции межведомственных усилий и комплексном подходе к проблеме, однако для их успешного применения необходимо учесть специфику мигрирующих матерей.
- Рекомендации по совершенствованию правовой базы включают межсекторное сотрудничество, разработку специализированных программ

поддержки, реформу миграционных процедур и повышение уровня информированности целевой аудитории.

Таким образом, для обеспечения справедливой правовой защиты мигрирующих матерей необходимо устранить законодательные пробелы, усовершенствовать миграционные процедуры, а также создать условия для обеспечения равного доступа к медицинской и социальной поддержке. Реализация данных мер позволит не только улучшить положение мигрирующих матерей, но и повысить общий уровень социальной справедливости в обществе.

Список источников

1. Zaidi M., Collins H., Penders R., Koren A., at... Public health, policy, and clinical interventions to improve perinatal care for migrant women and infants in high-income countries: a systematic review. - *eClinicalMedicine*. – 2024. - Volume 28, Issue 1. - <https://doi.org/10.1016/j.nwh.2023.09.004>
2. Kerrie S., Samuel E., at ... Public health, policy, and clinical interventions to improve perinatal care for migrant women and infants in high-income countries: a systematic review. - *eClinicalMedicine*. – 2024. - Volume 78. - <https://doi.org/10.1016/j.eclinm.2024.102938>
3. Pařízková A, Clausen JA, Balaam MC, Haith-Cooper M, Roosalu T, Migliorini L, Kasper A. Inclusiveness of Access Policies to Maternity Care for Migrant Women Across Europe: A Policy Review. - *Matern Child Health J*. – 2024. - №28(3). – P. 470-480. - <https://doi.org/10.1007/s10995-023-03785-3>
4. Montagnoli C., Neeser N. B., Elger B. S., Wangmo T. Facilitators and barriers of maternal and infant healthcare access for undocumented migrants in the first 1000 days of life: a systematic review of the literature. - *Sexual and Reproductive Health Matters*. - 2025. - №33(1). - <https://doi.org/10.1080/26410397.2025.2560189>
5. Arcilla J.T., Nanou A., Hamed S. et al. Racialized migrant women’s discrimination in maternal care: a scoping review. - *International Journal for Equity in Health*. – 2025. - №24(16). - <https://doi.org/10.1186/s12939-025-02384-8>
6. Riza E., Kalkman S., Coritsidis A., Koubardas S., Vassiliu S., Lazarou D., Karnaki P., Zota D., Kantzanou M. Community-Based Healthcare for Migrants and Refugees: A Scoping Literature Review of Best Practices. - *Healthcare (Basel)*. – 2020. - №8(2). - <https://doi.org/10.3390/healthcare8020115>

Информация об авторе:

ТУРЫСБЕКОВА ГУМА ГАБИТОВНА, PhD, старший преподаватель Q University

ПОНЯТИЕ «ЦИФРОВОЙ КОЧЕВНИК» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КАЗАХСТАНА И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. Цель данной статьи – провести комплексный анализ теоретических основ понятия «цифровой кочевник», оценить существующие правовые подходы в Казахстане и за рубежом, выявить пробелы в законодательстве и на основе сравнительного анализа предложить рекомендации по совершенствованию национальной правовой базы. Задачи включают: определение сущности и эволюции феномена цифровых кочевников; анализ национального законодательства Казахстана в контексте регулирования удалённого труда и миграционных процессов; обзор международного опыта, в частности, мер по предоставлению цифровых виз; проведение сравнительного анализа и разработку рекомендаций для закрепления правового статуса цифровых кочевников в Казахстане.

Исследование проведено в рамках грантового финансирования МНВО РК на 2025-2027 годы (ИРН АР26103687 «Цифровая миграция: новые горизонты социально-экономического развития и правовая интеграция»).

Ключевые слова: Цифровой кочевник, Регулирование удаленной работы, Правовой статус цифровых кочевников, Мобильность труда и цифровизация

Введение

Цифровая трансформация экономики и стремительное развитие информационных технологий в последние десятилетия кардинально изменили рынок труда. Ускоренный переход к удалённой работе, особенно после пандемии COVID-19, стал толчком для появления и стремительного роста феномена цифровых кочевников – лиц, использующих цифровые инструменты для работы и одновременно реализующих мобильный образ жизни [5]. В условиях глобальной конкуренции и необходимости адаптации к новым реалиям мировая политика и экономика вынуждены пересматривать традиционные подходы к регулированию трудовых отношений и миграционных процессов.

В Казахстане, где правительственные инициативы по цифровизации (например, программа «Цифровой Казахстан») уже продемонстрировали положительные результаты в развитии ИТ-сектора, вопрос о правовом статусе цифровых кочевников становится всё более актуальным [3]. При этом зарубежные страны, такие как Эстония, Португалия и Германия, уже успешно интегрировали специальные механизмы для привлечения удалённых специалистов через разработку цифровых виз и налоговых льгот [2].

Методологической основой исследования является сравнительно-правовой анализ, системный подход и тщательная библиографическая работа, включающая систематический обзор литературы по цифровым кочевникам [4]. Данное исследование имеет высокую практическую значимость, поскольку результаты могут стать базой для разработки новых законодательных инициатив, направленных

на повышение привлекательности Казахстана для высококвалифицированных специалистов в эпоху удалённой работы.

Теоретические аспекты понятия «цифровой кочевник»

Понятие «цифровой кочевник» (digital nomad) возникло на фоне стремительного развития информационных технологий и глобализации трудового процесса. Первоначально термин ассоциировался с идеей свободы от традиционных офисных рамок и стремлением к мобильности, что было популяризировано Тимоти Феррисом в книге «4-часовая рабочая неделя» [5]. С развитием интернета и появлением высокоскоростных коммуникаций данное понятие стало охватывать все больше категорий работников, способных совмещать профессиональную деятельность с путешествиями. Таким образом, современное цифровое кочевничество представляет собой уникальную синергию между трудовой деятельностью и туризмом, где границы между работой и отдыхом стираются.

Современные цифровые кочевники обладают рядом отличительных черт:

– Использование цифровых технологий. Основным инструментом для выполнения обязанностей выступают ноутбуки, смартфоны, облачные сервисы и платформы для видеоконференций.

– Мобильность. Для отработки профессиональных задач не требуется физическое нахождение в офисе – работники перемещаются между городами и странами, зачастую меняя место пребывания не менее трёх раз в год.

– Автономия и гибкость. Способность самостоятельно планировать график работы, выбирать место проживания и организовывать досуг является важной составляющей цифрового кочевничества.

– Разнообразие моделей организации труда. В литературе выделяют несколько типов цифровых кочевников: фрилансеры, владельцы бизнеса, наемные работники, экспериментальные кочевники и так называемые «armchair» кочевники.

Эти характеристики подтверждаются результатами систематического обзора литературы, в котором проанализированы 28 теоретических подходов, включая теорию агентства–структуры, карьерную теорию в путешествиях и многие другие. Таким образом, цифровое кочевничество рассматривается не только как новый способ организации труда, но и как специфический социально-экономический феномен, влияющий на традиционные модели миграции и туризма.

Цифровые кочевники не только изменяют ландшафт современного рынка труда, но и вносят существенный вклад в развитие туризма. Их активное прибытие в туристически привлекательные регионы способствует развитию местной инфраструктуры, созданию новых рабочих мест и обмену знаниями между культурами. Однако этот процесс имеет и свои отрицательные стороны: рост цен на жильё, культурное смещение и социальное напряжение в принимающих сообществах. Именно поэтому вопрос правового регулирования данного явления становится крайне важным для стран, стремящихся использовать потенциал цифровых кочевников для устойчивого экономического развития.

Законодательное регулирование статуса цифровых кочевников в Казахстане

В республике Казахстан нормативно-правовая база в области регулирования трудовых отношений, миграционных вопросов и налогового регулирования

представляет собой совокупность общих законодательных актов, охватывающих как граждан, так и иностранных специалистов. Однако специализированных норм, направленных непосредственно на цифровых кочевников, пока не существует. В настоящее время вопросы удалённой работы и миграционных процессов регулируются общими положениями трудового законодательства, Налогового кодекса и миграционных правил³. С одной стороны, общий правовой фундамент позволяет использовать существующие нормы для регулирования новых форм занятости, с другой – отсутствие специализированных механизмов ограничивает возможности привлечения и легализации цифровых кочевников.

Одной из ключевых программ, способствующих развитию цифровой экономики в Казахстане, является программа «Цифровой Казахстан» [3]. Эта инициатива направлена на развитие IT-инфраструктуры, цифровизацию государственных услуг и поддержку инновационных проектов. Благодаря данной программе создаются благоприятные условия для удалённой работы, однако законодательное обеспечение специально для цифровых кочевников остаётся на низком уровне. Существующие инициативы в области привлечения иностранных специалистов преимущественно касаются высококвалифицированных работников, и при этом не учитывают специфику мобильного образа жизни, предполагающего частую смену мест проживания.

Основными проблемами в области правового регулирования цифровых кочевников в Казахстане являются следующие:

– Отсутствие специализированного визового режима. В отличие от ряда зарубежных стран, Казахстан не предлагает специальных виз для цифровых кочевников, что затрудняет легальное пребывание и работу для иностранных специалистов.

– Налоговые трудности. Отсутствие ясной схемы налогообложения для кочевников ведёт к неопределённости в вопросах двойного налогообложения и отчетности, что может снизить привлекательность для удалённых работников.

– Неопределённость статуса. Существующие законодательные нормы не учитывают особенности гибкой работы и мобильности, что приводит к правам коллизиям между трудовыми и миграционными актами.

Эти пробелы препятствуют полноценной интеграции цифровых кочевников в экономику Казахстана и требуют разработки новых правовых механизмов, адаптированных под современные реалии.

Опыт зарубежных стран в регулировании цифровых кочевников

За рубежом уже сложилась достаточно развитая система регулирования цифровых кочевников. Например, Эстония стала пионером в данной области, разработав «цифровую визу», которая позволяет лицам, работающим удалённо, находиться в стране до года без сложных бюрократических процедур [2]. Португалия также ввела специальные визовые режимы и предоставила налоговые льготы для цифровых кочевников, способствуя привлечению иностранных специалистов и развитию местной экономики. Германия, а также некоторые другие государства Центральной и Восточной Европы, разрабатывают аналогичные проекты, ориентированные на создание благоприятного бизнес-климата для удалённых работников.

В странах-лидерах по цифровым визам ключевыми требованиями являются подтверждение стабильного дохода, наличие медицинской страховки и соблюдение минимальных критериев законности пребывания. Например, в Эстонии минимальный уровень дохода для получения цифровой визы составляет порядка €4500 в месяц, а в Португалии – около €3040 в месяц [2]. Такие условия позволяют государствам не только обеспечить порядок на своей территории, но и стимулировать приток высококвалифицированных профессионалов. Дополнительно, цифровые визы сопровождаются упрощёнными процедурами регистрации и налогового учета, что делает их привлекательными для мигрантов, стремящихся работать в других странах без необходимости длительного прохождения сложных административных процедур.

Несмотря на положительный опыт, зарубежные страны сталкиваются с рядом вызовов:

– Рост цен на жильё. Активное привлечение цифровых кочевников приводит к увеличению спроса на аренду, что может вызвать рост цен и затруднить доступное жильё для местного населения.

– Социальное напряжение. Массовое прибытие иностранных специалистов иногда сопровождается конфликтами с местными сообществами, вызванными культурными и экономическими различиями.

– Необходимость адаптации инфраструктуры. Для эффективной интеграции цифровых кочевников требуется создание специализированных рабочих пространств, улучшение транспортной системы и развитие сервисов, отвечающих запросам удалённых работников.

Сравнительный анализ

Сравнительный анализ показывает, что страны, активно развивающие цифровые визы (Эстония, Португалия, Германия), уже внедрили специализированные механизмы для поддержки цифровых кочевников. Эти механизмы включают:

- специализированное визовое оформление,
- упрощённые процедуры налогового учета,
- создание инфраструктуры для работы (коворкинг-пространства и технологические парки).

В то же время, законодательство Казахстана пока ориентировано на общие нормы трудового и миграционного регулирования, что создаёт правовой вакуум для цифровых кочевников. Ниже приведена сравнительная таблица основных элементов регулирования:

Показатель	Казахстан	Эстония / Португалия	Германия
Специальный визовый режим	Отсутствует	Да, цифровая виза	Разрабатывается
Налоговый режим	Общие нормы	Упрощённая схема, льготы	Специальные предложения
Инфраструктура для удалённой работы	В процессе развития	Развитая сеть коворкингов	Высокий уровень
Уровень требований (доход, страховка)	Не определён	Минимальный доход, страхование	Строгая проверка

Таблица 1: Сравнительный анализ основных параметров регулирования цифровых кочевников в Казахстане и ведущих зарубежных странах

Из таблицы видно, что зарубежные правительства уже сумели создать комплексные программы, направленные на поддержку удалённых специалистов, тогда как в Казахстане еще предстоит дополнительная работа по адаптации законодательства к новым реалиям.

Сравнительный анализ позволяет выделить несколько аспектов, которые могут быть адаптированы для улучшения правовой базы Казахстана:

- Введение специализированного визового режима. Пример Эстонии демонстрирует, что создание «цифровой визы» способствует легализации и привлечению удалённых работников, что может быть перенесено в законодательство Казахстана.

- Упрощение налоговой процедуры для кочевников. Разработка специального налогового режима может способствовать устранению проблем двойного налогообложения и повысить привлекательность для иностранных специалистов.

- Инфраструктурное развитие. Создание сети коворкингов и технологических центров, а также обновление телекоммуникационной инфраструктуры позволит обеспечить необходимые условия для комфортной работы цифровых кочевников.

Рекомендации по развитию национальной правовой базы

Для того чтобы Казахстан стал конкурентоспособным на глобальном рынке труда и привлёк цифровых кочевников, необходимо разработать и принять законодательные акты, учитывающие специфику данного явления. Рекомендуется:

- Ввести специальный закон «О цифровых кочевниках», который будет регулировать вопросы визового режима, налогообложения и правового статуса таких работников.

- Разработать механизм предоставления временного убежища для цифровых кочевников, предусматривающий упрощённую процедуру получения разрешения на работу.

- Внести изменения в налоговое законодательство для создания льготных условий, например, по снижению ставок или предоставлению налоговых вычетов для удалённых специалистов.

Возможности внедрения прогрессивных международных практик

Адаптация зарубежного опыта к реальным условиям Казахстана требует:

- Проведения масштабной дискуссии среди экспертов, представителей бизнеса и государственных органов для выработки оптимальной модели регулирования.
- Опыт Эстонии и Португалии свидетельствует, что успешное внедрение специализированных визовых режимов возможно при четкой координации между миграционными, налоговыми и трудовыми службами.
- Формирование партнерских отношений с международными организациями, такими как Международная организация труда (ИЛО), для обмена опытом и привлечения инвестиций в развитие инфраструктуры.

Роль цифровых кочевников в экономике и социальной трансформации Казахстана

Цифровые кочевники могут стать важным драйвером экономического роста:

- Они способствуют развитию туризма, расширяя сферу услуг и стимулируя локальный рынок аренды жилья.
- Обмен опытом и знаниями между иностранными специалистами и местными экспертами способствует развитию инновационных отраслей.
- Повышение привлекательности страны для международных инвесторов и создание новых рабочих мест в сфере ИТ и креативных индустрий.

Для визуального представления предлагаем следующую таблицу, сравнивающую ключевые параметры регулирования цифровых кочевников в Казахстане и зарубежных странах:

Ключевой параметр	Казахстан	Зарубежные страны (Эстония, Португалия)
Визовый режим	Отсутствует специализированная модель	Специальные цифровые визы с упрощённой процедурой
Налоговое регулирование	Общий режим, неопределённость	Льготные условия, налоговые вычеты
Инфраструктура	Развивающийся уровень	Готовая сеть коворкингов и технологических центров
Миграционные процедуры	Стандартные, не адаптированные	Упрощённые процедуры с поддержкой цифровых специалистов

Таблица 2: Сравнение основных аспектов регулирования цифровых кочевников в Казахстане и зарубежных странах

Заключение

В ходе данного исследования были рассмотрены теоретические основы цифрового кочевничества, его особенности и влияние на социально-экономическую жизнь. Основные выводы исследования можно суммировать следующим образом:

Цифровые кочевники представляют собой уникальную группу работников, характеризующуюся высокой мобильностью, автономией и активным использованием информационных технологий.

В Казахстане нормативно-правовая база не предусматривает

специализированного регулирования для данной категории, что создаёт правовые пробелы и ограничивает привлекательность страны для иностранных специалистов.

Зарубежные страны, такие как Эстония и Португалия, уже успешно внедрили специальные визовые режимы и налоговые льготы, что способствует интеграции цифровых кочевников в экономическую систему и улучшению инвестиционного климата.

Сравнительный анализ показал, что опыт зарубежных государств может быть адаптирован к условиям Казахстана, посредством создания специализированного законодательства с упором на визовые и налоговые реформы.

Основные задачи для дальнейших исследований заключаются в оценке экономического влияния цифровых кочевников на местные сообщества, изучении социальных аспектов интеграции иностранных специалистов и разработке детальных моделей правового регулирования, адаптированных к специфике национальной экономики.

Список литературы

Gupta, S., & Jaiswal, R. (2024). Digital nomads: a systematic literature review and future research agenda. *Tourism Review*4.

Cook, D. (2023). What is a digital nomad? Definition and taxonomy in the era of mainstream remote work. *World Leisure Journal*, 65(2), 256–2755.

Tuomela, I. (2022). Digital Nomads as Travellers in Europe. *Этический университет прикладных наук*6.

Нурмуханбетова, Г.А. (2020). Цифровая эпоха: новые возможности для рынка труда и образования. *Международный журнал информационных и коммуникационных технологий*, 1(4)3.

Mbekeani, T. (2025). Framing Mobility: A Comparative Case Study of Digital Nomad Visas in Estonia and Portugal. *Malmö University*2.

Reichenberger, I. (2018). Digital nomads – a quest for holistic freedom in work and leisure. *Annals of Leisure Research*.

Thompson, B.Y. (2019). The digital nomad lifestyle: (remote) work/leisure balance, privilege, and constructed community. *International Journal of the Sociology of Leisure*.

Müller, A. (2016). The digital nomad: Buzzword or research category? *Transnational Social Review*.

Nash, C., Jarrahi, M.H., Sutherland, W., & Phillips, G. (2018). Digital nomads beyond the buzzword: Defining digital nomadic work and use of digital technologies. In *Transforming Digital Worlds*.

Holleran, M. (2022). Pandemics and geoarbitrage: Digital nomadism before and after COVID-19. *City*.

Mancinelli, F. (2020). Digital nomads: Freedom, responsibility and the neoliberal order. *Information Technology & Tourism*.

Hannonen, O. (2020). In search of a digital nomad: Defining the phenomenon. *Information Technology & Tourism*.

Orel, M. (2019). Coworking environments and digital nomadism: Balancing work and leisure whilst on the move. *World Leisure Journal*.

Ferriss, T. (2007). *The 4-Hour Workweek: Escape 9-5, Live Anywhere, and Join the New Rich*. Crown Publishing Group.

International Labour Organization. (2020). *Working from home: From invisibility to decent work*.

Информация об авторе:

ИМАНГАЗИЕВ ТАИР АСХАТОВИЧ, магистр юридических наук, Q University

СТАЛКИНГКЕ ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛДЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ

ҚР Конституциясында «басқа адамдардың құқықтарын, бостандықтарын, абыройы мен қадір қасиетін құрметтеуге міндетті» және азаматтардың жеке бас бостандығын қорғау жөніндегі шараларды күшейту мақсатында және «Заң және тәртіп» тұжырымдамасын іске асыру шеңберінде 2025 жылғы 16 шілдеде Мемлекет басшысы, 2014 жылғы 3 шілдедегі №226-V ҚРЗ Қылмыстық кодексінде 115-1 – «Сталкинг» жаңа бабы енгізілген заңға қол қойды. Сталкинг - бұл адаммен байланыс орнатуға және (немесе) оның еркіне қайшы келетін, зорлық-зомбылықпен ұштаспаған, елеулі зиян келтірген әрекеттерден көрінетін адамды заңсыз қудалау [1].

Отандық заңнамада мұндай әрекеттер үшін алғаш рет 200 АЕК-ке дейін айыппұл, 200 сағатқа дейін қоғамдық жұмыстар немесе 50 тәулікке дейін қамауға алу түріндегі қылмыстық жауапкершілік көзделген [2].

Егер сталкинг зорлық-зомбылықпен, қорқытумен, бопсалаумен, жеке өмірге қол сұғылмаушылықты бұзумен қатар жүрсе, іс-әрекеттер қылмыстық кодекстің басқа баптары бойынша қосымша сараланатын болады. Сталкинг бабы бойынша қылмыстық қудалау нақты зиян болған кезде басталатынын білу маңызды. Мысалы, жеке өмірге құқықты бұзу, қозғалыс еркіндігін шектеу немесе психологиялық қысым. Жауапкершілікті енгізудің мақсаты - жәбірленушілерді ерте кезеңде қорғау және зорлық - зомбылық пен агрессивті мінез-құлыққа нөлдік төзімділікті қалыптастыру.

Сталкинг (ағылш. to stalk-қудалау) - обсессивті қудалаудың бір түрі. Кейде жәбірленуші басқа адамның назарын аударғанын білмеуі де мүмкін. Алайда, көп жағдайда, қақтығысқа тап болған адам қалаусыз назардың көріністерін айқын сезінеді: агрессор - көп гүлдер жібере алады, көп қоңырау шалып, SMS жібере алады, оқу және жұмыс орнына келеді, кейде бопсалау және физикалық зорлық-зомбылық қаупі бар. Осылайша, сталкингтің әртүрлі формалары мен көріністері бар.

Сталкингтің қоғамдық қауіптілігі, адам бостандығына конституциялық құқықты, оның ішінде басқа адамдармен қарым-қатынас еркіндігін бұзу болып табылады. Қаралып отырған қылмыстық құқық бұзушылықты жасаған кезде кінәлі өзінің обсессивті әрекеттерімен уақытты, тыныштықты алады, жәбірленушіге моральдық зиян келтіреді.

Сталкингтің объектісі - жеке тұлға, оның құқықтары мен бостандықтары.

Сталкингтің объективті жағы адамды заңсыз қудалауда, яғни зорлық-зомбылықпен ұштаспайтын, оның еркіне қайшы келетін адаммен байланыс орнатуға және (немесе) оның ізіне түсуге бағытталған әрекеттерде көрінеді.

Сталкинг құрамының субъективті жағы ниетпен сипатталады. Осы қылмыстық құқық бұзушылықтың субъектісі 16 жасқа толған есі дұрыс адам болуы.

Қарапайым сөзбен айтқанда, сталкинг - бұл бір адамды басқа адамға немесе адамдар тобына мәжбүрлеп қудалау. Бұл қажетсіз және қорқынышты мінез-құлық, ол жәбірленушіні бақылауда және үнемі обсессивті назарда болуы мүмкін. Қазіргі

кезеңде бұл жалған ақпаратты пайдалана отырып, интернет арқылы қудалау жүргізілетін киберсталкинг болуы, қоқан-лоқылармен немесе бопсалаумен бірге жүруі мүмкін [2].

Сталкинг үшін қылмыстық жауапкершілік алғаш рет 1990 жылы Калифорния штатында белгіленді. Бұл норма 1989 жылы актриса Ребекка Шефферді өлтіргеннен кейін енгізілді. Роберт Джон Бардо актрисаны үш жыл бойы аңдыды, содан кейін ол үйге кіріп, оны атып тастады. Кейіннен АҚШ-тың барлық Штаттары сталкинг үшін жазаны қарастыратын ұқсас заңдарды енгізді. Істің мән-жайына байланысты жазалау нұсқалары айыппұлдан 10 жылға дейін бас бостандығынан айыруға дейін белгіленеді. АҚШ-та 1994 жылы Конгресс әйелдерге қарсы зорлық-зомбылық туралы заң (VAWA) қабылдады, ол федералды деңгейде алғаш рет тұрмыстық зорлық-зомбылықты қылмыстық жауапкершілікке тартты. 2000 жылы оған сталкинг үшін жазалау ережелері енгізілді. АҚШ-тың әр штатында бір-бірінен ерекшеленуі мүмкін өзіндік сталкинг заңдары бар. Сонымен қатар, федералды сталкинг туралы заң сталкер адамды қуып, штаттар шекарасынан өткен жағдайда ғана күшіне енеді. Маңыздысы, бұл қиылысу физикалық болмауы керек: егер жанкүйер АҚШ-тағы адамға пошта немесе SMS арқылы мәжбүрлі түрде хабарлама жіберсе, онда бұл федералды қылмыс болып саналады. Федералды заң бойынша қудалау үшін сотталған адамға бес жылға дейін бас бостандығынан айыру және 250 мың доллар айыппұл салынуы мүмкін. Егер айыпталушының заңсыз әрекеті жәбірленушінің өліміне немесе дене жарақатына әкеп соқтырса, айыптау үкімі оны 10, 20 жылға немесе тіпті өмір бойы түрмеге қамауы мүмкін.

Қазіргі уақытта бұл әрекет Канадада, Бельгияда, Германияда, Үндістанда, Польшада және басқа да бірқатар елдерде қылмыстық жауапкершілікке тартылды [3].

1997 жылы Ұлыбританияда қудалауды қылмыстық жауапкершілікке тартқан қудалаудан қорғау туралы заң қабылданды. 2012 жылы заңнама зорлық-зомбылық қауіпмен байланысты қарапайым қудалау мен қудалау үшін жауапкершілік туралы екі жаңа баппен толықтырылды. Аталған қылмыс үшін ең жоғары жаза 10 жылға дейінгі мерзімге бас бостандығынан айыру түрінде қарастырылған. Ұлыбританияда екі немесе одан да көп рет кездескен кезде полицияға хабарласуға кеңес беріледі, онда олар қорғаныс ордерін жазып бере алады, онда қудалаушыға оның назарын аударатын немесе жиі кездесетін жерлерге баруға, адаммен байланысуға және әлеуметтік желілерде тікелей немесе жанама түрде сілтеме жасауға тыйым салынуы мүмкін. Сонымен қатар, адамға психологтың сессияларына, алкоголь мен есірткіге тәуелділерге арналған бағдарламаларға қатысуға, полиция бөлімінде үнемі атап өтуге міндеттелуі мүмкін [4].

Мұндай сталкингке қарсы ордерлер Ұлыбритания заңнамасында 2020 жылдың қаңтарында пайда болды. 2024 жылдың сәуірінде Үкімет тапсырысты шығару үшін қажетті сталкингтің дәлелдемелеріне қойылатын талаптарды төмендету туралы шешім қабылдады – енді полиция қызметкерлерінің әр жағдайда шешім қабылдауға көбірек мүмкіндіктері бар. Егер шабуылдаушы бұйрықты орындамаса, ол бес жылға түрмеге бару қаупін тудырады.

2024 жылдың желтоқсанында Ұлыбритания билігі полицияның ішкі нұсқауларын өзгертуді мақұлдады, ол қазір тәртіп сақшыларын сталкингтен зардап

шеккендерге олардың қуғыншысы кім екенін хабарлауға міндеттейді. Бұл үлкен проблема болды, әсіресе цифрлық сталкинг жағдайында, агрессор өз мақсатына жету үшін алдыңғы аккаунттарды қолдана алады, тіпті олардың артында кім тұрғанын білмеуі мүмкін.

Италияның қылмыстық кодексінде сталкинг (қудалау) үшін қылмыстық жауапкершілік 2009 жылдан бастап қарастырылған. Қудалау үшін жаза алты айдан бес жылға дейінгі мерзімге бас бостандығынан айыру түрінде қарастырылған. Сталкинг біреуді үнемі және ауыр мазасыздық немесе қорқыныш күйін тудыратын, өзінің немесе жақын туысының немесе онымен эмоционалды байланыста болған адамның қауіпсіздігі үшін негізделген қорқыныш тудыратын немесе оны өмір салтын өзгертуге мәжбүр ететін жолмен қайта қорқыту немесе қудалау ретінде анықталады. Сондай-ақ, егер бұл әрекетті ерлі-зайыптылар, тіпті ажырасқан немесе бөлек тұратын адам немесе жәбірленушімен байланысты немесе онымен байланысты адам жасаса немесе бұл әрекет компьютерлік немесе телекоммуникациялық құралдардың көмегімен жасалса, жаза күшейетіні көрсетілген.

Ресей Федерациясының қылмыстық кодексінің міндеттерінің бірі - адам мен азаматтың құқықтары мен бостандықтарын қылмыстық қол сұғудан қорғау. Жеке өмірге қол сұғылмаушылық құқығы Ресей Федерациясының конституциясымен кепілдендірілген жеке тұлғаның құқықтық мәртебесінің шарттарының бірі болып табылады.

Германиядағы сталкинг - бұл сталкердің әртүрлі әрекеттеріне ұшырайтын қылмыстық құқық бұзушылық, оның қудалау объектісінің қалыпты өмір сүруіне жол бермейді. Оларға агрессордың адамды физикалық жақындыққа мәжбүрлеу, адаммен байланысудың әртүрлі тәсілдері, сондай-ақ жеке деректерді заңсыз пайдалану және өмір мен денсаулыққа қауіп төндіретін тұрақты әрекеттері жатады. Қылмыстық кодекске алғаш рет қудалау ұғымы 2007 жылы енгізілді, бірақ 2017 жылы ол кеңейтілді. Заңнаманың ережелеріне сәйкес, адамның өмір салтын елеулі түрде бұзатын әрекеттер үшін үш жылға дейін бас бостандығынан айыру немесе айыппұл қарастырылған. Егер мұндай әрекеттердің нәтижесінде жәбірленушіге, оның туыстарына немесе жақындарына өлім немесе ауыр жарақат алу қаупі туындаса, кінәлі үш айдан бес жылға дейін бас бостандығынан айыру жазасына кесіледі. Егер бұзушының әрекеті жәбірленушінің, оның туыстарының немесе жақындарының өліміне әкеп соқтырған жағдайда, бір жылдан он жылға дейінгі мерзімге бас бостандығынан айыру түріндегі жаза көзделген.

Біздің заңнамаға қайта оралсақ, қазір заңда жаза нақты жазаланғанын атап өтуге болады және жауапкершіліктің еріксіздігі туралы хабардар болу ықтимал қудалаушыларды тоқтатады деген үміт бар. Өйткені, инновацияның басты мақсаты-агрессияның өршуіне жол бермей, адамдарды ерте кезеңде қорғау. Осыған қарамастан, осы баптың енгізілуімен де Қазақстанда сталкинг ауыр қылмыстық қылмыс болып саналмайды. Осылайша, егер адам біреудің оны бақылап отырғанын сезсе, ол жоғарыда аталған баптың ережелеріне сүйене отырып, полиция органдарына қорғауға жүгінуге және қауіптің алдын алуға толық құқылы.

Сталкинг - бұл адамды бақылаумен, қорқытумен, жеке кеңістікке басып кірумен және жәбірленушіге психологиялық қысым көрсетумен бірге жүретін

обсессивті және жүйелі түрде қудалау.

Сталкингті алғаш рет француз психиатры Гаэтан Гасян де Клерамбо өзінің «махаббат психозы» трактатында сипаттаған. М.С. Клеймановтың пікірінше, «сталкинг дегеніміз бір адамның «сталкер» деп аталатын шамадан тыс, обсессивті назары» деп түсініледі. К.А. Барышева «сталкингті, психологиялық терроризм, бірнеше жылға созылуы мүмкін адамды қорлау, бұл әрекеттің негізгі белгісі – жүйелілік» деп анықтайды.

Сталкингтің көріну формалары әр түрлі: физикалық қудалау, қорқыту, қажетсіз байланыстар орнату, қорлау, қарауыл, қудалау және ыңғайсыздық тудыруы мүмкін басқа әрекеттер. Сонымен қатар, соңғы уақытта киберсталкинг, яғни жәбірленушіні «интернет» желісі арқылы қудалау, атап айтқанда, жәбірленушінің әлеуметтік желілердегі аккаунтын бұзу, хабарламаларға спам мен жарнама жіберу, жәбірленушінің атынан сауда жасау, жәбірленушінің жеке басына назар аудару, жәбірленуші туралы ақпаратты интернетте орналастыру және т. б.

Көбінесе мұндай әрекеттер жәбірленушінің әдеттегі бағытын, телефон нөмірін, жұмыс орнын немесе тұрғылықты жерін өзгертуге мәжбүр болуына әкеледі. Мұндай әрекеттер жәбірленушіде психикалық аурулардың пайда болуына, сондай-ақ суицидтік көріністерге ықпал етуі мүмкін.

Соңғы жылдары елде тұрмыстық зорлық-зомбылықпен күресуге және әйелдер мен балаларды қорғауға бағытталған арнайы заңдар қабылданды. Осы тақырыптан туындаған қоғамдық резонанстан кейін зардап шеккендерді қорғауға қойылатын талаптар және мемлекеттік органдардың бақылауы күшейе түсті.

Соңғы уақытта қоғамның ең өткір және өзекті сұрауларының бірі сталкинг үшін жауапкершілікті қатаңдату болды. Бұрын біздің еліміздегі қактығыс отбасылық жанжал немесе тұрмыстық жанжал ретінде қабылданған. Қолданыстағы заңнамада тек бап қана емес, сонымен бірге бұл тұжырымдаманың анықтамасы да болған жоқ.

Тиісінше, құқықтық жауапкершілік өте бұлыңғыр болды. Қылмыстық іс қозғау сипатталған жағдайға азды-көпті сәйкес келетін бап бойынша жүргізілді. Шағымдардың көпшілігі ҚР Қылмыстық Кодексінің «жеке өмірге қол сұғылмаушылықты бұзу», «қауіп» және басқа да осыған ұқсас тармақтар бойынша қаралды. Қазіргі таңдағы заңға енгізілген жаңа бапта, келісімінсіз адаммен байланыс орнату, зорлық-зомбылықпен ұштаспайтын, бірақ елеулі зиян келтіретін іс-әрекеттер жасау, адамды қадағалау, кез келген өзге нысанда қудалау сияқты мінез-құлық нысандары кіреді. Бұл норма алғашқы ресми жарияланған күнінен кейін 60 күнтізбелік күн өткен соң қолданысқа енгізіледі.

Қорытындылай келе, егер адамда сталкингке күдік болса, олар мүмкіндігінше ертерек дәлелдер жинай бастауы керек. Мұндай дәлелдемелерге мыналар кіруі мүмкін: Тараптар арасындағы хат алмасу (мессенджерлерде, әлеуметтік желілерде), әлеуметтік желілердегі жарияланымдар мен жазбалар, хабарламалар, скриншоттар, дауыстық хабарламалар, қудалау фактісін растайтын аудио және бейнежазбалар. Мессенджерлердегі хат-хабарлардың заңды күші бар және оны дәлел ретінде пайдалануға болады. Әлеуметтік желілердегі скриншоттар, сталкердің үздіксіз телефон қоңыраулары бар бейнелер-мұның бәрі сотта дәлел ретінде ұсынылуы мүмкін.

Әдебиеттер тізімі:

1. Конституция РК от 30 августа 1995 года /электронный ресурс/ Режим доступа: [https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_\(дата_обращения_08.11.2025\)](https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_(дата_обращения_08.11.2025)).
2. Уголовный кодекс РК от 3 июля 2014 года № 226-V /электронный ресурс/ Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения 08.11.2025).
3. Айдамирова Л.Д. Уголовное преследование и его место в современном уголовном процессе / Наука через призму времени. 2017. № 6 (6). С. 59-63.
4. Kobets, P., Krasnova, K. Cyberstalking: Public danger, key factors and prevention, *Przeglad Wschodnioeuropejsk.* 2018. 9 (2). P. 43–53.
5. Золотухин С.Н. Меры борьбы с внутрисемейным насилием: Монография. – Челябинск: ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2021. – 137 с
6. Насилие в семье: Учебное пособие / Р.И. Ерусланова, К.В. Милохин. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2010. — 208 с
7. Абдукаримова З.Т., Кайназарова М.Б. Криминологическая оценка последствий от преступлений в семейно-бытовой сфере в отношении женщин. Вестник Атырауского университета имени Халела Досмухамедова. 2025;76(1):477-486.

Информация об авторе:

МУХАМЕДИНА А.Е., Лияс Жансүгіров атындағы Жетісу университетінің докторанты

Li Qian, Zharbolova A.Zh.

CONCEPT OF ADMINISTRATIVE JUSTICE

Administrative justice constitutes a specialized domain of judicial activity aimed at resolving disputes arising between individuals and public authorities. As an institutional safeguard within the framework of the rule-of-law state, it ensures the protection of individual rights and freedoms in the sphere of public-law relations and functions as a pivotal mechanism for maintaining legality in public administration.

Administrative justice may be defined as an integrated system of judicial bodies and procedural instruments designed to adjudicate disputes between private persons and public administrative entities. It represents the core mechanism of judicial oversight over the legality of administrative actions and plays a decisive role in enforcing the principle of the rule of law in the public-law domain.

Within the institutional perspective, administrative justice is viewed as a distinct branch of the judiciary entrusted with the protection of individuals from unlawful or arbitrary actions of state authorities. A classic example is the French dualistic judicial model, where administrative courts operate as an autonomous subsystem headed by the Conseil d'État (Council of State) [1, p. 43].

The functional approach conceptualizes administrative justice primarily as the judicial activity of resolving administrative disputes—regardless of whether such cases are heard by general courts or specialized tribunals. This model is typical for the United Kingdom, where administrative disputes are resolved by administrative tribunals embedded in the unified judicial system [2, p. 51].

A number of scholars interpret administrative justice as a distinct form of legal procedure characterized by specific procedural features such as a written process, a limited principle of party disposition, and an active judicial role in the gathering and evaluation of evidence.

Considering these theoretical dimensions, administrative justice may be defined as: “A complex of institutional and legal mechanisms enabling judicial resolution of disputes between private individuals or legal entities and public authorities, aimed at ensuring legality, protecting individual rights, and exercising judicial control over administrative actions in the sphere of public governance” [3, p. 59].

In contrast to civil justice, administrative justice addresses public-law relations in which a public authority is always a party. Unlike criminal justice, it does not concern issues of guilt or punishment; rather, it focuses on reviewing administrative decisions, acts, or omissions. Administrative justice is characterized by structural inequality of the parties and therefore requires additional procedural safeguards for the private individual.

Thus, administrative justice functions not only as a mechanism for protecting individual rights but also as a means of ensuring public accountability of the state. In many democratic constitutions, the state is obliged to justify its administrative actions and ensure their compliance with the law.

Administrative justice, therefore, provides a procedural channel for constructive dialogue between the citizen and the state, mitigating the inherent imbalance of power between them.

Article 6 of the European Convention on Human Rights guarantees the right to a fair hearing by an independent tribunal concerning civil rights and obligations — a foundational principle of administrative adjudication across Europe. The European Court of Human Rights (ECHR), in cases such as *Bentham v. Netherlands*, emphasizes that disputes with public authorities affecting legitimate interests cannot be excluded from judicial scrutiny [4].

Administrative justice should be viewed not merely as adjudication of administrative cases, but as an institutional mechanism of judicial oversight over the functioning of the state apparatus. It reflects the maturity of constitutional democracy and ensures the effective realization of the right to judicial protection.

Administrative justice, as an independent branch of judicial protection within the public-law domain, is distinguished by a system of stable characteristics that collectively separate it from other forms of adjudication. Each of these characteristics reflects the specific nature of disputes arising between private individuals and public authorities.

1. Specialization

One of the foundational features of administrative justice is its functional and subject-matter specialization. Administrative courts adjudicate disputes exclusively rooted in public-law relations, where one party is necessarily a public authority, an administrative official, or another state institution.

This specialization differentiates administrative courts from courts of general jurisdiction, which resolve disputes between legally equal private actors. Administrative justice is structurally centered around the conflict between the citizen and the state” [5, p. 47].

2. Procedural Autonomy

Administrative adjudication is governed by a distinct procedural framework that differs significantly from civil and criminal procedures. Among its defining features are:

- an active judicial role in gathering and evaluating evidence,
- a limited application of the principle of party autonomy (dispositivity),
- the predominance of written proceedings as the main form of adjudication.

The rationale for such procedural autonomy lies in the inherent inequality of the parties: the individual requires enhanced procedural safeguards to counterbalance the institutional power of the administrative authority.

The procedural uniqueness of administrative justice results from the public nature of the dispute and the need to provide strengthened protection to the weaker party — the citizen [6, p. 52].

3. Independence and Institutional Distinctiveness

In jurisdictions with well-developed systems of administrative justice, such courts operate independently from both the executive branch and the judiciary of general jurisdiction. This institutional autonomy ensures impartiality and objectivity when adjudicating disputes involving state authorities.

A prominent example is France, where administrative justice forms a separate judicial branch headed by the Conseil d'État (Council of State) [1, p. 43].

The structural independence of administrative courts is a fundamental guarantee of genuine justice in public-law disputes [7, p. 61].

4. Provision of Legal Protection in Public Administration

A core objective of administrative justice is to safeguard the rights and legitimate interests of individuals against arbitrary, unlawful, or ultra vires actions of public authorities. This protective function is carried out through:

- invalidation of unlawful administrative acts,
- annulment of administrative decisions,
- issuing mandatory orders (e.g., requiring the authority to provide information or perform a legal duty),
- awarding compensation for damages caused by unlawful administrative conduct.

Thus, administrative justice acts as an effective barrier to bureaucratic arbitrariness.

As aptly stated by B.A. Zhetpisbayev, “administrative justice functions as a legal filter that purifies state power from arbitrariness” [8, p. 41].

5. Preventive Function

Although administrative courts primarily examine actions that have already occurred, their role is inherently preventative. The mere existence of an effective administrative judiciary encourages public authorities to comply with legal requirements and act strictly within the limits of their powers, knowing that their decisions may be subject to judicial review. This dynamic contributes to the development of a preventive legal culture within public administration.

The presence of an effective system of administrative justice influences the behavior of administrative bodies even before a conflict arises [9, p. 80].

6. Jurisdictional Form of Legal Protection

Administrative justice is exercised exclusively through judicial proceedings, meaning that protection of rights occurs in a strictly jurisdictional form. Unlike non-judicial mechanisms — such as appeals to the prosecutor's office or higher administrative bodies

— judicial review ensures independence, adversarial procedure, and legal legitimacy of decisions.

Administrative justice is the institutionalized manifestation of the principle of legality within the sphere of public authority.

7. Inequality of the Parties and Compensatory Nature of Procedure

An essential characteristic of administrative adjudication is the inherent inequality of the parties: a public authority possesses state powers, while the individual does not. Consequently, administrative procedure is designed to compensate for this imbalance by granting the citizen a set of procedural advantages, including:

- simplified requirements for presenting evidence,
- the possibility of exemption from court fees,
- the presumption of unlawfulness of an administrative act unless the authority proves its legality.

These elements demonstrate the compensatory function of administrative justice, which is typical for public-law disputes.

8. Connection with the Principles of Good Governance

In European Union member states, administrative justice is considered an integral element of the broader “good governance” framework. Within this approach, the state is expected to:

- act transparently,
- provide reasoned and well-justified decisions,
- ensure the availability of effective remedies for individuals.

Thus, administrative justice operates not merely as a judicial mechanism but as a structural safeguard supporting democratic governance, accountability, and integrity of public administration.

By incorporating international standards, human-rights-oriented principles, the concept of good governance, and enhanced procedural guarantees, the understanding of administrative justice is significantly enriched. Together, these elements strengthen both the theoretical and practical significance of the institution of administrative justice.

References

1. Craig P. P. *Natural Justice in English Administrative Law: Continuity and Change from the 17th Century* // *Liber amicorum per Marco D'Alberti* (Torino, Giappichelli, 2022). – 2022.
2. Chapus R. *Droit du contentieux administratif*. 13e éd. Paris: Montchrestien, 2008. 1536 p.
3. Sunstein C.R. *After the Rights Revolution: Reconceiving the Regulatory State*. Cambridge: Harvard University Press, 1990. 289 p.
4. Mashaw J.L. *Bureaucratic Justice: Managing Social Security Disability Claims*. New Haven: Yale University Press, 1983. 234 p.
5. Rubin E.L. *Beyond Camelot: Rethinking Politics and Law for the Modern State*. Princeton: Princeton University Press, 2005. 312 p.
6. Craig P. *Administrative Law*. 8th ed. London: Sweet & Maxwell, 2016. 1045 p.
7. Zhetpisbayev B.A. *Administrativnyi process*. – Almaty, 2012. – 334 p.
9. Starilov Y.N. *Administrativnaya yustitsiya: teoriya, istoriya, perspektivy*. M.: Norma, 2001. 304 p.

LI QIAN, masters student of Law Faculty, Al-Farabi Kazakh national university

ZHARBOLOVA A.ZH., candidate of Law, senior Lecturer of Law Faculty, Al-Farabi Kazakh national university

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ МИГРАНТОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования и практические механизмы обеспечения конституционных прав мигрантов при проведении оперативно-розыскных мероприятий в Республике Казахстан. Анализируются национальные и международные нормы, определяющие пределы вмешательства государства в частную жизнь мигрантов, а также правовые гарантии защиты от произвольных действий правоохранительных органов. Выявлены основные проблемы, связанные с уязвимостью мигрантов в процессе оперативно-розыскной деятельности, и предложены пути их решения с учётом международных стандартов прав человека.

Ключевые слова. Мигранты, конституционные права, оперативно-розыскная деятельность, законность, гарантии, Республика Казахстан.

Современные миграционные процессы оказывают существенное влияние на социально-правовую систему Республики Казахстан. В условиях роста внутренней и внешней миграции перед государством встаёт задача обеспечения прав и свобод всех лиц, находящихся на его территории, включая иностранных граждан и лиц без гражданства. Особое внимание требует соблюдение их конституционных прав при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), поскольку именно мигранты чаще всего оказываются в уязвимом положении [1].

Вопросы соблюдения прав мигрантов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности актуализируются в связи с усилением мер по противодействию незаконной миграции и транснациональной преступности. При этом важно, чтобы такие меры не приводили к дискриминации и не нарушали основополагающих прав человека, закреплённых Конституцией Республики Казахстан и международными актами [2].

Конституция Республики Казахстан (ст. 12, 13) устанавливает, что права и свободы человека принадлежат каждому, независимо от гражданства, и обеспечиваются государством. Это означает, что мигранты обладают теми же основными правами, включая право на личную неприкосновенность, тайну переписки, неприкосновенность жилища и судебную защиту [3].

Вместе с тем, в процессе оперативно-розыскной деятельности органы внутренних дел и национальной безопасности получают доступ к личным данным мигрантов, могут применять наблюдение, опрос, проверку документов, что потенциально может привести к нарушению прав, если отсутствует достаточная правовая основа [4].

Для предотвращения подобных случаев в законодательстве предусмотрены следующие гарантии:

- проведение ОРМ исключительно на основании закона и с санкции суда;
- обязательный прокурорский надзор;

- право обжалования действий должностных лиц;
- запрет дискриминации по национальному или иному признаку (ст. 14 Конституции РК).

Республика Казахстан является участником ряда международных договоров, гарантирующих защиту прав мигрантов, включая:

- Международную конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990 г.);
- Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.);
- Конвенцию СНГ о правовом статусе трудящихся-мигрантов (2008 г.) [5].

Эти акты закрепляют принцип недискриминации, право на справедливое судебное разбирательство и защиту от произвольного вмешательства в личную жизнь. На основании этих норм Казахстан адаптировал внутреннее законодательство, установив равенство прав граждан и иностранных лиц в сфере уголовного и административного судопроизводства [6].

Как отмечает исследователь Н. А. Жуматаева, «эффективность защиты прав мигрантов напрямую зависит от того, насколько национальные органы применяют международные стандарты на практике, а не только провозглашают их в законе» [7].

Несмотря на наличие нормативных гарантий, в правоприменительной практике возникают сложности. Наиболее частыми нарушениями являются:

- проведение оперативных мероприятий без надлежащего судебного разрешения;
- изъятие документов или временное задержание мигрантов без уведомления адвоката;
- давление в ходе опросов или «профилактических проверок» [8].

Проблемы усугубляются языковым барьером, отсутствием знаний казахстанского законодательства и страхом депортации. В ряде случаев мигранты не используют своё право на обжалование незаконных действий правоохранительных органов [9].

Эксперты отмечают, что эффективная защита возможна лишь при создании прозрачных процедур и расширении правового просвещения среди мигрантов. Так, А. Р. Саидова указывает, что «необходимым элементом правового государства является доступность правовой информации для всех категорий населения, включая временно пребывающих иностранных граждан» [10].

Для повышения уровня защиты конституционных прав мигрантов при проведении ОРМ в Республике Казахстан целесообразно реализовать следующие меры:

1. Усилить судебный и прокурорский контроль за оперативными действиями, затрагивающими личные данные мигрантов;
2. Создать специализированные подразделения по взаимодействию с мигрантами при МВД, с участием переводчиков и правозащитников;
3. Ввести обязательное информирование мигрантов об их правах при контактах с правоохранительными органами;
4. Расширить гражданский контроль через институт Уполномоченного по правам человека и общественные советы;
5. Развивать международное сотрудничество по обмену опытом и

гармонизации законодательства [11].

Как отмечает Г. Т. Кунаева, успешная защита прав мигрантов возможна только при комплексном подходе, сочетающем правовые, институциональные и гуманитарные меры [12].

Обеспечение конституционных прав мигрантов при проведении оперативно-розыскных мероприятий является важнейшей задачей современного правового государства. Вмешательство в частную жизнь допустимо лишь при наличии достаточных правовых оснований, санкции суда и строгом соблюдении принципов необходимости и соразмерности.

Реализация международных обязательств Казахстана, развитие судебного и прокурорского контроля, повышение правовой грамотности мигрантов — ключевые направления совершенствования правоприменительной практики. Только при соблюдении данных условий возможно достижение баланса между интересами государства в сфере безопасности и защитой прав человека, независимо от его гражданства или статуса.

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г.
2. Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 г. № 154-ХІІІ.
3. Жуматаева Н.А. Права мигрантов в правовой системе Казахстана. — Астана: Фолиант, 2020.
4. Алимбеков Е.Т. Международные стандарты защиты мигрантов и их реализация в Казахстане. // Вестник КАЗГЮУ. — 2021. — № 3.
5. Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (ООН, 1990).
6. Конвенция СНГ о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей (2008).
7. Жуматаева Н.А. Правовые аспекты интеграции мигрантов. — Астана: Эль-Фараби, 2019.
8. Саидова А.Р. Проблемы защиты прав мигрантов при оперативных проверках. // Право и политика. — 2022. — № 2.
9. Кунаева Г.Т. Гуманитарное измерение миграционной политики Казахстана. — Алматы: Жеті Жарғы, 2021.
10. Алимов М.С. Международно-правовые стандарты недискриминации. // Право и государство. — 2020. — № 4.
11. Абдуллин Д.К. Современные тенденции прокурорского надзора в защите прав мигрантов. — Астана, 2023.
12. Кунаева Г.Т. Права человека и миграционные процессы. // Вестник Академии правосудия. — 2023. — № 1.

Информация об авторе:

АХМЕТОВ ЕРЛАН СЕЙДИЛЬДАЕВИЧ, Магистрант Q University, Казахстан

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются процесс становления и этапы развития антикоррупционной политики Республики Казахстан. Проводится анализ законодательных и институциональных основ противодействия коррупции, а также ключевых проблем, препятствующих эффективной реализации государственной политики в сфере противодействия коррупции. На основе проведенного анализа определены перспективы совершенствования антикоррупционных механизмов с учетом современных вызовов и международных стандартов. Проводится комплексный анализ процесса формирования и эволюции антикоррупционной правовой политики Республики Казахстан с момента обретения независимости до настоящего времени. Выделяются ключевые этапы становления антикоррупционного законодательства. Особое внимание уделяется текущему периоду, связанному с реализацией Концепции и внедрением принципов «слышащего государства». В статье указываются системные проблемы, препятствующие повышению эффективности противодействия коррупции, такие как избирательность правоприменения, недостаточный уровень прозрачности в отдельных сферах, а также необходимость дальнейшего укрепления антикоррупционной культуры в обществе. На основе проведенного анализа предлагаются пути совершенствования антикоррупционной политики, включающие внедрение зарекомендовавших себя международных практик в законодательство РК, цифровизацию государственных услуг, усиление роли гражданского общества.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, правовая реформа, государственное управление, Республика Казахстан.

Введение

Коррупция, в особенности противодействие ей являются одним из основных вызовов, стоящих перед государствами мира. Для нашей страны данная проблема имеет особую актуальность. Коррупция дискредитирует институты публичной власти, препятствует устойчивому экономическому развитию, создает неравные условия для экономической деятельности, снижает эффективность государственного управления. Является фактором, угрожающим национальной безопасности.

В связи с этим, актуальность статьи заключается в выработке последовательной и эффективной антикоррупционной правовой политики, так как это является одной из основных задач общества и государства в целом.

С момента обретения независимости наша страна предприняла значительные усилия по формированию комплексной антикоррупционной политики, включающей как нормативно-правовые, так и институциональные меры. Тем не

менее, несмотря на достигнутые успехи, проблема коррупции сохраняет системный характер и требует постоянного совершенствования правовых механизмов и управленческих подходов.

Целью настоящей статьи является анализ процесса становления и развития антикоррупционной правовой политики Республики Казахстан, выявление системных проблем на современном этапе и определение ключевых перспектив ее совершенствования.

Задачи исследования:

- Периодизация и характеристика основных этапов формирования антикоррупционного законодательства в Казахстане.
- Анализ современного состояния и институциональных основ противодействия коррупции.
- Выявление актуальных проблем в реализации антикоррупционной политики.
- Формулирование предложений по оптимизации и определению перспективных направлений развития антикоррупционной стратегии.

Основная часть

Становление антикоррупционной политики Казахстана можно условно разделить на три основных этапа.

Первый этап (1990-е – начало 2000-х гг.) – формирование правовой базы. Принятие Закона «О борьбе с коррупцией» (Закон Республики Казахстан от 2 июля 1998 года № 267) стало отправной точкой системного подхода к противодействию коррупции. Принятие в 1998 году первого специализированного закона стало важным шагом, однако его эффективность была ограничена ввиду отсутствия единого координирующего органа и преобладания карательных мер над профилактическими [1].

Второй этап (2005-2015 гг.) – институционализация и систематизация. Создание специализированных органов: Агентства по делам государственной службы и противодействию коррупции (2014), Комитета по борьбе с экономической и коррупционной преступностью. Принятие в 2015 году нового Закона РК «О противодействии коррупции» (от 18 ноября 2015 года № 410-V ЗРК) ознаменовало переход к более комплексному подходу. В центре внимания оказались не только наказание, но и профилактика, включая декларирование доходов госслужащих и их близких родственников, а также воспитание антикоррупционной культуры [2].

Третий этап (с 2015 г. по настоящее время) – внедрение Национальной антикоррупционной стратегии (2015–2025 гг.), переход к проактивной модели предупреждения коррупции, развитие электронного правительства и цифровых сервисов, этап комплексной модернизации [3].

Целью стратегии является повышение эффективности антикоррупционной политики государства, вовлечение в антикоррупционное движение всего общества путем создания атмосферы «нулевой» терпимости к любым проявлениям коррупции и снижение в Казахстане уровня коррупции.

Ключевыми направлениями противодействия коррупции, определенными стратегией, являются: противодействие коррупции в сфере государственной службы; внедрение института общественного контроля; формирование уровня антикоррупционной культуры; развитие международного сотрудничества по

вопросам противодействия коррупции.

Борьба с коррупцией осуществляется на основе: равенства всех перед законом и судом, обеспечения четкой правовой регламентации деятельности государственных органов, законности и гласности такой деятельности, государственного и общественного контроля за ней, приоритета защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, а также социально-экономической, политико-правовой, организационно-управленческой систем государства; восстановления нарушенных прав и законных интересов физических и юридических лиц, ликвидации и предупреждения вредных последствий коррупционных правонарушений; обеспечения личной безопасности и поощрения граждан, оказывающих содействие в борьбе с коррупционными правонарушениями; защиты государством прав и законных интересов лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций, и лиц, приравненных к ним, установления этим лицам заработной платы (денежного содержания) и льгот, обеспечивающих указанным лицам и их семьям достойный уровень жизни; недопустимости делегирования полномочий на государственное регулирование предпринимательской деятельности физическим и юридическим лицам, осуществляющим такую деятельность, а также на контроль и надзор за нею [4].

Вышеуказанные этапы позволили повысить прозрачность деятельности государственных органов и укрепить общественный контроль, однако остаются проблемы избирательности правоприменения и недостаточного уровня правосознания граждан. В то же время мы наблюдаем, как государство придает особое значение этому вопросу и предпринимает определённые шаги по ужесточению контроля и, если можно так сказать обузданию данного «монстра». Об этом свидетельствует недавняя передача функций по борьбе с коррупцией Комитету национальной безопасности РК [6].

Современные проблемы в сфере противодействия коррупции

Несмотря на наличие обширной нормативно-правовой базы, антикоррупционная политика Казахстана сталкивается с рядом устойчивых проблем. Эффективность антикоррупционной политики Казахстана сдерживается рядом факторов:

1. Избирательность правоприменения, правоприменительной практики. В ряде случаев наблюдается формальный подход к реализации антикоррупционных стандартов. У общества имеется восприятие, что привлечение к ответственности за коррупционные преступления может носить избирательный характер, что подрывает доверие к системе в целом [7].

2. Социальная терпимость к коррупции. Коррупция в сфере предоставления государственных услуг населению, как результат отсутствия нетерпимости к коррупционным проявлениям со стороны общества снижает результативность правовых мер.

3. Недостаточная прозрачность в государственных закупках и распоряжении государственной собственностью. Эти сферы продолжают оставаться зонами высокого коррупционного риска [9].

4. Недостаточная независимость антикоррупционных институтов. Хотя в связи с последними новшествами – передачей Комитету национальной безопасности

полномочий по противодействию коррупции. Остается риск политического влияния.

5. Низкий уровень вовлеченности гражданского общества. Хотя роль НПО, СМИ, блогерства возрастает, их потенциал как институтов общественного контроля используется не в полной мере [8].

6. Ментальное восприятие общества. К сожалению, часть населения до сих пор относится к так называемой «бытовой» коррупции лояльно, обосновывая это тем, что это значительно экономит время и их эмоциональное состояние.

Перспективы развития антикоррупционной правовой политики РК

Для повышения эффективности противодействия коррупции необходима реализация следующих мер:

1. Внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ). Углубление цифровой трансформации. Разработка софта по передаче части полномочий по контролю расходования бюджета ИИ. Продолжить внедрение цифровых платформ во все сферы взаимодействия государства и гражданина, минимизируя тем самым человеческий фактор.

2. Реформирование части нормативно-правовых актов регулирующих ответственность за совершение коррупционных правонарушений. В свое время мною было предложено внедрение института наставничества в государственные органы РК. Если говорить вкратце, то суть предложения состояла в том, чтобы при приеме на работу на должности, подверженные коррупционным рискам, закреплять за такими сотрудниками наставника из числа действующих работников для внедрения моральной ответственности «молодого» специалиста. При этом наказание за коррупционное правонарушение будут нести оба.

3. Усиление роли профилактики и воспитания. Необходимо внедрять образовательные программы по основам антикоррупционной культуры на всех уровнях образования, а также повышать эффективность антикоррупционной пропаганды.

5. Расширение международного сотрудничества. Активная имплементация стандартов ООН, ГРЕСО (Группа государств против коррупции) и других международных организаций в национальное законодательство и правоприменительную практику [10].

Заключение

Правовая политика Республики Казахстан в сфере борьбы с коррупцией прошла сложный путь становления и продолжает развиваться в направлении укрепления правового государства и демократических институтов. Несмотря на достигнутые успехи, борьба с коррупцией требует системного подхода, объединяющего правовые, институциональные и общественные механизмы.

Однако для достижения качественно новых результатов необходимо сосредоточить усилия на устранении системных проблем, прежде всего – на обеспечении неотвратимости и неизбирательности ответственности, а также на максимальной прозрачности процессов принятия государственных решений. Ключевыми факторами успеха станут усиление цифровизации, активное вовлечение гражданского общества, международное сотрудничество в сфере антикоррупционного противодействия. Перспективы дальнейшего развития на

прямую зависят от укрепления прозрачности, повышением ответственности должностных лиц и активным вовлечением гражданского общества.

Список использованной литературы:

1. Закон Республики Казахстан от 2 июля 1998 года № 267-І «О борьбе с коррупцией».
2. Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V ЗРК «О противодействии коррупции».
3. Национальная антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015–2025 годы.
4. Указ Президента Республики Казахстан от 26 января 2022 года № 8247 «Об утверждении Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы». // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.akorda.kz>
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (Нью-Йорк, 2003 г.).
6. Абдрасулов Е.Б. Антикоррупционная политика Казахстана: этапы развития и современные вызовы // Вестник КазНУ. Серия Юридическая. – 2021. – № 1 (92). – С. 15-23.
7. Нурбеков К.А. Институциональные основы противодействия коррупции в Республике Казахстан: проблемы и перспективы. – Алматы: НИИ частного права, 2020. – 180 с.
8. Нурғалиева Л.Р. Антикоррупционная политика Республики Казахстан: современное состояние и направления совершенствования. – Вестник КазНУ. Серия юридическая, №2(90), 2023.
9. Сатыбалдин И.И. Коррупция как системная угроза национальной безопасности РК: политико-правовой анализ. – Астана: Фолиант, 2019. – 254
10. Отчеты ОЭСР и ГРЕСО по оценке мер противодействия коррупции в Казахстане. // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.oecd.org>; <https://www.coe.int/greco>

Информация об авторе:

РАХИМЖАНОВ ТИМУР СЕРИКОВИЧ, магистрант 2 курса Q University

Lu Yizhen

DIGITALIZATION AS A FACTOR IN TRANSFORMING ANTI-CORRUPTION POLICY: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF KAZAKHSTAN AND CHINA

In the modern era, digital transformation has become one of the most powerful instruments for reshaping governance and enhancing transparency. The use of digital technologies has significantly changed the way states approach corruption prevention and detection, turning data, algorithms, and artificial intelligence into new tools for public accountability. This evolution is especially visible in countries where anti-corruption is not merely a legal task but a strategic priority such as Kazakhstan and China.

Kazakhstan and China, while differing in their political and administrative systems, share a common understanding of the need to integrate digital mechanisms into state control and public management. Both countries have realized that corruption thrives where there is a lack of transparency, ineffective data management, and weak citizen engagement. Therefore, digital transformation has become not only a technological advancement but also a profound policy shift toward “open

government,” automated monitoring, and predictive analytics in the fight against corruption.

At the same time, the implementation of digital technologies raises complex theoretical and legal questions. The integration of artificial intelligence, big data, and blockchain into public administration requires new approaches to accountability, data protection, and ethics. This article explores how Kazakhstan and China have transformed their anti-corruption frameworks through digitalization, combining theoretical analysis with an overview of real practices, reforms, and institutional innovations.

The concept of digitalization in anti-corruption policy can be defined as the systematic use of digital tools to enhance transparency, reduce human discretion, and facilitate real-time monitoring of government activities. From a theoretical perspective, this approach reflects the transition from reactive anti-corruption measures to preventive and analytical ones. Digital technologies enable early detection of risks, creation of integrity databases, and automation of compliance processes.

In Kazakhstan, the foundation for digital transformation in public administration was laid by the “Digital Kazakhstan” program (2018–2022), which aimed to modernize governance, improve service delivery, and strengthen transparency. The Anti-Corruption Agency of the Republic of Kazakhstan has implemented digital tools such as the Unified Register of Public Officials’ Declarations, the Open Budget platform, and the E-Procurement system. These initiatives have significantly reduced opportunities for corruption by ensuring that public spending and procurement processes are traceable and publicly accessible.

China’s experience, in turn, is characterized by a more centralized and technologically advanced model. Under the leadership of the Central Commission for Discipline Inspection (CCDI), China has developed a comprehensive digital supervision system that integrates data from various ministries and local authorities. One notable example is the “Smart Supervision” platform, which uses big data analytics to identify abnormal financial transactions, monitor officials’ lifestyles, and cross-check information from tax, real estate, and banking databases.

While Kazakhstan focuses on transparency and civic control as part of its democratic governance reforms, China emphasizes digital centralization and algorithmic discipline as part of its governance model. In both cases, digitalization serves as a deterrent against corruption by minimizing direct human contact, reducing bureaucratic discretion, and creating immutable records of government decisions. However, the legal and ethical challenges differ: in Kazakhstan, the emphasis is on balancing transparency with privacy protection; in China, it lies in ensuring due process and preventing misuse of surveillance data.

The theoretical foundation of this transformation lies in the shift from classical legal control mechanisms to a digital compliance paradigm. Traditional anti-corruption law relied on investigation, punishment, and deterrence. The digital paradigm, however, prioritizes prediction, automation, and system-based prevention. This aligns with modern theories of “smart governance,” which view corruption not merely as an ethical failure but as a data management problem.

From a practical perspective, both Kazakhstan and China have achieved

measurable results. Kazakhstan improved its ranking in the Transparency International Corruption Perceptions Index, moving from 124th place in 2016 to 93rd in 2023, partly due to digital reforms. China, meanwhile, reports thousands of corruption cases detected through algorithmic monitoring each year. Nevertheless, both systems face risks of technological dependence and “digital authoritarianism,” where control mechanisms may extend beyond corruption to general social surveillance.

An important legal issue arises regarding accountability for algorithmic decisions. When artificial intelligence or automated systems flag officials as corruption suspects, the question of legal responsibility becomes blurred. This challenge is currently being addressed in both countries through legislation on personal data protection and ethical guidelines for digital governance. Kazakhstan’s 2021 Law “On Personal Data and Their Protection” and China’s 2021 “Personal Information Protection Law” provide the basis for safeguarding rights in the digital anti-corruption process.

Furthermore, international cooperation plays an increasingly important role. Both Kazakhstan and China participate in UN and OECD initiatives promoting digital transparency and open government. The exchange of digital governance practices between these countries demonstrates the potential for harmonizing anti-corruption standards while respecting national sovereignty. The theoretical implication is that digitalization is not just a tool but a transformative factor that redefines legal institutions, administrative culture, and public trust.

The experience of Kazakhstan and China clearly illustrates that digitalization is not only a technological phenomenon but a systemic shift in the legal and institutional foundations of anti-corruption policy. By integrating data-driven governance, automation, and public transparency, both countries have redefined how corruption is identified, prevented, and punished. This transformation marks the emergence of a new legal model of integrity, where digital infrastructure becomes a guarantor of accountability.

At the same time, the success of digital anti-corruption strategies depends on the balance between efficiency and rights protection. Excessive centralization or lack of public oversight may transform digital tools into instruments of control rather than transparency. Therefore, legal frameworks must evolve to ensure algorithmic fairness, accountability, and respect for privacy. The development of clear legal standards for digital monitoring and data use is essential for maintaining the rule of law in the digital state.

Ultimately, the theoretical and practical lessons of Kazakhstan and China show that digitalization can serve as both a catalyst for progress and a source of new legal dilemmas. The challenge for modern states is to institutionalize digital ethics, create mechanisms of algorithmic justice, and integrate human oversight into digital governance. Only then can digital transformation truly become a sustainable foundation for an effective and lawful fight against corruption.

References

1. Anti-Corruption Agency of the Republic of Kazakhstan. Annual Report on the Implementation of the Anti-Corruption Strategy 2023 // <https://www.gov.kz/memleket/entities/antikor/documents/details/694171?lang=en>

2. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023. Available at: <https://www.transparency.org>
3. Central Commission for Discipline Inspection of the People's Republic of China. Smart Supervision Platform Overview, Beijing, 2023 // https://en.wikipedia.org/wiki/Central_Commission_for_Discipline_Inspection
4. National People's Congress of China. Personal Information Protection Law of the PRC (2021) // http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2021-12/29/c_694559.htm
5. Law of the Republic of Kazakhstan "On Personal Data and Their Protection" (as amended in 2021) // <https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z1300000094>
6. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Harnessing Digital Tools for Anti-Corruption Efforts: Asia-Pacific Report 2022 // <https://www.unodc.org>

LU YIZHEN, master's student of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Al-Farabi Kazakh National University

Long Jiangping

THE ROLE OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN COMBATING CORRUPTION IN CHINA: LEGAL AND INSTITUTIONAL ASPECTS

The issue of corruption has long represented a serious challenge to China's political stability and socio-economic development. While the Chinese Communist Party (CCP) has prioritized anti-corruption efforts as part of its governance agenda, the engagement of non-governmental organizations (NGOs) in this process adds a complex dimension to the country's governance model. Over the past two decades, China has witnessed a gradual yet significant transformation in the interaction between state institutions and civil society actors. Although NGOs operate under strict state supervision, their contribution to enhancing transparency, promoting civic education, and monitoring local governance has increasingly gained recognition within the broader anti-corruption framework.

The emergence of NGOs in China must be viewed within the broader context of administrative reforms and the shift toward "rule-based governance." Since the 2000s, the Chinese government has encouraged the professionalization of public service delivery, allowing registered NGOs to participate in areas such as poverty alleviation, environmental protection, and legal aid. These fields, though indirectly related to anti-corruption, have cultivated civic awareness and created platforms for accountability. The growing number of local NGOs - often registered as "social organizations" under the Ministry of Civil Affairs reflects an evolving balance between societal initiative and state oversight.

Nonetheless, China's civil society development remains embedded within an authoritarian governance structure that places strict limits on political advocacy. The state retains the power to register, monitor, and dissolve NGOs, especially those that receive foreign funding or engage in rights-based advocacy. Within this constrained

environment, Chinese NGOs have adopted innovative, legally compliant methods of contributing to anti-corruption goals - primarily through public education, data transparency projects, and cooperation with government agencies. Their activities have helped institutionalize public participation mechanisms without directly challenging the political authority of the state.

The legal foundation for NGO activity in China is primarily derived from the Charity Law (2016) and the Law on the Administration of Activities of Overseas NGOs within Mainland China (2017). These acts delineate the boundaries of permissible civil participation, emphasizing transparency and “public welfare orientation.” The Charity Law obliges organizations to disclose their finances, operational goals, and project outcomes, while simultaneously encouraging them to cooperate with local governments. This dual structure accountability combined with subordination has defined the operational landscape for NGOs seeking to contribute to anti-corruption work.

Institutionally, China’s anti-corruption regime is dominated by the Central Commission for Discipline Inspection (CCDI) and the National Supervisory Commission (NSC), which merged in 2018 to form the highest anti-graft authority. Within this framework, NGOs do not possess investigative powers, but they play an auxiliary role by supporting public awareness campaigns, whistleblower education, and local monitoring initiatives. For instance, certain community-based organizations have developed partnerships with municipal authorities to monitor the use of public funds and report cases of mismanagement through digital complaint systems.

A key contribution of Chinese NGOs lies in fostering civic ethics and integrity education. Through workshops, school programs, and public events, they promote the concept of “clean governance” as a social norm. The cooperation between NGOs and local propaganda departments has proven effective in embedding anti-corruption messages in community life. Examples include partnerships between the China Foundation for Poverty Alleviation (CFPA) and local governments to ensure transparent fund allocation and fair beneficiary selection thereby preventing corruption at the grassroots level.

The development of digital platforms has also empowered NGOs to participate indirectly in corruption control. Projects such as Open Government Data initiatives and online portals for budget disclosure have provided citizens with tools to scrutinize government spending. NGOs specializing in data transparency, like the Beijing Social Innovation Center, have promoted open-access information systems that facilitate citizen oversight. Although these platforms operate under government supervision, they have enhanced the procedural accountability of local administrations.

Foreign NGOs, operating under the 2017 regulatory framework, have contributed valuable expertise and resources to China’s anti-corruption capacity-building. International organizations such as Transparency International and the United Nations Development Programme (UNDP) have collaborated with Chinese research institutes to develop governance indicators and training programs for public officials. However, these partnerships are carefully controlled through the Ministry of Public Security’s registration system, ensuring alignment with national security interests and political priorities.

The integration of NGOs into the anti-corruption ecosystem has produced mixed outcomes. On one hand, it has diversified the mechanisms of social control and improved public access to information. On the other hand, the state's dominance over the organizational field restricts the autonomy of NGOs and limits their watchdog function. Many organizations prefer cooperative, service-oriented approaches rather than confrontational advocacy. This pragmatic adaptation sometimes termed "embedded activism" - allows them to survive and exert gradual influence within the constraints of China's political system.

Despite the restrictions, NGOs have become an indispensable component of China's governance modernization. Their role in monitoring local budgets, promoting transparency in procurement, and assisting whistleblowers complements the government's top-down anti-corruption strategy. By fostering a culture of participation and accountability, they contribute to the emergence of what scholars describe as a "consultative authoritarianism," where limited civic input enhances administrative efficiency without challenging regime stability.

Nevertheless, challenges persist. The lack of independent legal standing for many grassroots NGOs, coupled with limited financial resources and censorship of sensitive topics, continues to constrain their impact. Strengthening legal guarantees for information disclosure, whistleblower protection, and financial independence would allow these organizations to play a more substantive role in China's fight against corruption.

The experience of China demonstrates that even within a highly centralized political system, non-governmental organizations can play a constructive role in promoting integrity and transparency. Their contribution is not expressed through direct confrontation with the state but through incremental, cooperative engagement that aligns social initiatives with governmental objectives. This approach has helped embed anti-corruption values in everyday governance practices and foster public participation in a controlled yet meaningful form.

At the same time, the institutional environment remains highly restrictive. The balance between civic participation and political control determines the extent to which NGOs can influence systemic corruption. While the current legal framework provides opportunities for collaboration, it also imposes structural dependencies that limit genuine autonomy. Future reforms aimed at expanding the operational space for NGOs, especially in data transparency and civic oversight, could further enhance the effectiveness of China's anti-corruption strategy.

From a comparative perspective, the Chinese model offers valuable lessons for other countries with hybrid governance systems. It illustrates how a state-dominated system can integrate civil society actors into official policy networks without undermining political authority. However, sustaining this model requires continuous legal innovation and institutional trust. The gradual empowerment of NGOs through clearer regulatory standards and participatory mechanisms could transform them into a more dynamic partner in China's long-term anti-corruption agenda.

References

1. Charity Law of the People's Republic of China (2016) //

<https://npcobserver.com/legislation/charity-law>

2. Law on the Administration of Activities of Overseas NGOs within Mainland China (2017) // <https://www.registrationchina.com/articles/law/administration-of-activities-of-overseas-ngo-in-china>
3. Central Commission for Discipline Inspection (CCDI) and National Supervisory Commission Reports, 2018–2024 // en.m.wikipedia.org/wiki/CCFDI
4. Transparency International (2023). Corruption Perceptions Index: China Country Profile // <https://www.transparency.org/en/cpi/2023>
5. United Nations Development Programme (UNDP). Governance for Human Development: China Country Report (2022) // <https://www.undp.org/?l>
6. OECD (2023). Integrity and Transparency in Public Governance: East Asia Outlook.
7. China Foundation for Poverty Alleviation (CFPA). Annual Report on Public Participation and Transparency (2023).

LONG JIANGPING, master's student of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Al-Farabi Kazakh National University

Lyu Fei

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN CORPORATE GOVERNANCE: LESSONS FROM THE EUROPEAN UNION, THE UNITED STATES, AND CHINA

The idea that corporate power must be exercised in good faith is one of the oldest and most adaptable norms of company law. While its doctrinal expression varies, good faith functions as a meta-principle that constrains discretion, underwrites investor confidence, and legitimizes managerial authority vis-à-vis shareholders, creditors, employees, and the public. It is not merely an ethical aspiration. In most modern systems, it is a legal standard embedded in fiduciary duties, disclosure rules, and oversight obligations that together form the backbone of corporate governance.

In the European Union (EU), the good-faith imperative is most visible in rules structuring long-term shareholder engagement, related-party transactions, and transparent executive pay. By requiring meaningful information flows and accountability channels, the EU reframes good faith as a governance architecture rather than a free-floating moral duty. This architectural turn is reinforced by sustainability reporting obligations that make boards articulate how strategy, risk, and controls relate to societal and environmental effects - again, an institutionalization of good faith in board conduct and market communication.

Across the Atlantic, U.S. corporate law - particularly Delaware - treats good faith as part of the fiduciary duty of loyalty. Rather than a stand-alone duty, it operates as the doctrinal gateway for liability when directors consciously disregard their oversight responsibilities or act with an improper purpose. The famous Caremark line of cases, consolidated by *Stone v. Ritter*, and refined in *Marchand v. Barnhill*, delineates when failures of monitoring and compliance rise to bad-faith breaches. This jurisprudence

illustrates a distinctively American path: good faith is enforced ex post through derivative litigation, with standards calibrated by courts to preserve business judgment while demanding credible systems of reporting and control.

China's framework blends statutory codification with administrative oversight. The 2023 overhaul of the Company Law, effective July 1, 2024, strengthens the duties of loyalty and diligence for directors, supervisors, senior executives, and even de facto "controllers," articulating conflict-of-interest rules and prohibitions on self-dealing that anchor good faith in positive law. Listed companies are further guided by the CSRC's Code of Corporate Governance, which operationalizes board responsibilities, internal control expectations, and disclosure discipline. Recent policy consultations indicate an expanding reach of loyalty and diligence obligations to senior managers and dual controllers, tightening accountability across the control chain.

The core of good faith is fiduciary: power must be exercised for proper purposes, free of undisclosed conflicts, and with faithful attention to the corporation's interests. The OECD's 2023 Principles locate this within an ecosystem in which regulators and courts must preserve independence while protecting staff who act in good faith, and in which conflicts (public or private) are proactively mitigated. The Principles' diffusion effect is visible in the EU's shareholder engagement regime, in Delaware's oversight jurisprudence, and in China's statutory duties an example of soft-law convergence shaping hard-law outcomes in diverse legal cultures.

In the EU, good faith is translated into process duties that structure market behavior. The Shareholder Rights Directive II (SRD II) requires intermediaries to transmit information efficiently, incentivizes institutional investors and asset managers to adopt and disclose engagement policies, and compels say-on-pay transparency and safeguards around related-party deals. These mechanisms force boards to treat shareholder communications and conflicts not as optional courtesies but as obligations whose breach undermines the good-faith conduct of corporate affairs. CSRD pushes further by mandating standardized sustainability reporting on governance, strategy, and risk making integrity in narrative reporting an enforceable board responsibility.

In the United States, courts have sharpened the contours of bad faith. *Stone v. Ritter* clarified that good faith is subsumed under loyalty and that Caremark oversight failures require a showing of conscious disregard - either by failing to implement any reporting system or by ignoring red flags. *Marchand v. Barnhill* applied that standard to a food-safety crisis at a mono-line, heavily regulated firm, signaling that in mission-critical compliance areas boards must ensure board-level monitoring. Subsequent decisions and commentary document a measurable increase in Caremark claims surviving the pleading stage, including recognition that officers, not only directors, owe oversight duties. This trajectory embeds good faith in board architecture: committees, reporting cadence, and escalation protocols become legal risk controls.

China's statutory approach foregrounds ex ante clarity. The amended Company Law codifies loyalty and diligence with specific prohibitions (such as engaging in competing business without approval or exploiting position for improper gains) and authorizes remedies ranging from disgorgement to damages. The CSRC Code complements this by specifying internal control expectations and empowering securities regulators to instruct corrective action when governance breakdowns appear.

Together, these instruments promote a culture of procedural faithfulness - meeting formal duties and documenting them - within a market that has historically combined administrative guidance with evolving private enforcement.

A comparative lens shows both convergence and path dependence. All three systems link good faith to conflict management, truthful disclosure, and credible oversight. The EU relies more on public-law style duties (reporting and engagement) to create a “market for integrity.” The U.S. relies on litigation-driven standards tuned by case law to discipline board inattention without chilling risk-taking. China’s codification strategy uses statute and regulatory codes to express detailed expectations quickly and uniformly across markets, with administrative enforcement as a central lever. Each approach reflects legal culture: EU’s regulatory integration, U.S. private enforcement and judicial calibration, and China’s statutory-regulatory synthesis.

For boards and policymakers, the policy payoff of good faith is resilient trust. The EU’s reporting and engagement rules make capital markets more “informed,” internalizing ethical conduct as a prerequisite for access to long-term finance under the sustainability agenda. Delaware’s oversight doctrine aligns board incentives with credible risk management in mission-critical domains, reducing tail risks that threaten firm value and stakeholder welfare. China’s recalibrated duties aim to professionalize governance in a rapidly scaling market, reducing tunneling and related-party abuses that erode minority protection.

At the same time, good faith now operates beyond bilateral shareholder–board relations. Under CSRD, boards must explain how governance and strategy affect and are affected by social and environmental risks; failure to integrate these considerations can be a governance failure, not a mere public-relations lapse. In Delaware, the expansion of oversight duties to officers underscores that good faith is an enterprise-wide obligation. In China, the extension of loyalty and diligence to de facto controllers and senior executives recognizes modern control realities in pyramid and group structures. The trajectory in all three jurisdictions is toward enterprise-level integrity obligations anchored in board systems, not just individual virtue.

The comparative record suggests three takeaways. First, the legal meaning of good faith is increasingly procedural: systems to surface red flags, disclose conflicts, and assure credible reporting are the substance of the duty. Second, enforceability matters: where courts or regulators credibly signal that process failures can trigger liability or sanctions, boards invest in governance infrastructure. Third, soft-law benchmarks - OECD Principles in particular - operate as a lingua franca aligning national reforms, even as doctrinal formulations differ.

For reformers, the EU’s integration of shareholder engagement and sustainability reporting offers a template for hard-wiring integrity into market plumbing. For boards, Delaware jurisprudence provides a cautionary map of oversight expectations, especially in industries where compliance is mission-critical. For emerging markets, China’s statutory codification demonstrates how articulating duties with specificity can raise the compliance floor quickly, provided that supervisory capacity and judicial or administrative remedies keep pace. The direction of travel is clear: good faith is not optional culture but enforceable governance design.

Future challenges include calibrating standards to avoid cosmetic compliance;

harmonizing cross-border expectations as multinational groups face EU reporting, U.S. litigation exposure, and Chinese statutory duties; and ensuring that smaller issuers can implement systems without prohibitive cost. Yet the normative through-line remains stable. Good faith - understood as loyal purpose, conflict vigilance, and truthful, timely governance communication - continues to do the quiet work of sustaining corporate legitimacy in complex markets.

References

1. OECD Corporate Governance Factbook 2023. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/09/oecd-corporate-governance-factbook-2023_6bae0258/6d912314-en.pdf
2. Directive (EU) 2017/828 (Shareholder Rights Directive II). EUR-Lex. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX%3A32017L0828>
3. European Commission, Corporate sustainability reporting (CSRD overview). https://finance.ec.europa.eu/capital-markets-union-and-financial-markets/company-reporting-and-auditing/company-reporting/corporate-sustainability-reporting_en
4. Directive (EU) 2022/2464 (Corporate Sustainability Reporting Directive). EUR-Lex. <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2022/2464/oj/eng>
5. Stone v. Ritter, 911 A.2d 362 (Del. 2006) (duty of good faith as part of loyalty). Case summary and opinion access via Justia.
6. Marchand v. Barnhill, 212 A.3d 805 (Del. 2019) (Caremark oversight). Delaware Supreme Court opinion.
7. Delaware developments on Caremark and officer oversight. V&E (2024) and Morris James (2023). <https://www.velaw.com/insights/delaware-supreme-court-decision-shows-continued-momentum-for-caremark-plaintiffs/>; <https://www.morrisjames.com/p/102j9mb/court-of-chancery-rules-that-corporate-officers-have-a-duty-of-oversight-within-t/>
8. PRC Company Law (2023 amendment; in force July 1, 2024). Overviews: Pillsbury (2024); JunHe (2024); DLA Piper (2024).

LYU FEI, master's student of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Al-Farabi Kazakh National University

Ye Teyong

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND HUMAN RIGHTS: LEGAL CHALLENGES AND PROSPECTS FOR GLOBAL GOVERNANCE

Artificial intelligence (AI) has become one of the most transformative forces of the 21st century, reshaping economies, governance, and daily human interactions. Its rapid development opens vast opportunities in healthcare, education, public administration, and industry, but at the same time raises fundamental legal and ethical challenges. One of the most pressing concerns is the protection of human rights in the digital age, where AI technologies increasingly mediate access to services, opportunities, and justice. The question of whether existing legal frameworks are sufficient to safeguard human rights against the risks posed by AI remains a subject of active international debate.

At the national level, approaches to AI regulation differ considerably. The European Union has taken the lead by adopting the AI Act in 2024, the first comprehensive legal framework that classifies AI systems according to their risk level (unacceptable, high-risk, limited-risk, and minimal-risk) and establishes strict obligations for developers and users of high-risk systems. The AI Act explicitly prohibits practices that violate fundamental rights, such as social scoring by governments or manipulative biometric surveillance. By embedding human rights protections into its legal framework, the EU aims to create a safe and trustworthy AI ecosystem.

In contrast, countries like the United States rely on a more decentralized model, combining sectoral regulations with voluntary standards and ethical guidelines, though discussions about adopting a federal AI Bill of Rights have intensified since 2022. China, on the other hand, emphasizes state control and security, integrating AI into social governance but raising concerns about mass surveillance, censorship, and restrictions on freedom of expression. Kazakhstan and other developing states are in the process of drafting national strategies for AI development, but their legal frameworks remain at an early stage, largely influenced by international models and “soft law” standards. In Kazakhstan, for example, the 2023 Concept for Digital Transformation and AI Development highlights AI as a driver of economic modernization but provides only general principles regarding ethics and data protection.

At the international level, there is still no single binding treaty on AI. However, a number of initiatives have shaped the global debate. The UNESCO Recommendation on the Ethics of AI (2021) became the first universal instrument adopted by 193 member states, emphasizing human dignity, fairness, non-discrimination, privacy, transparency, and accountability. The OECD Principles on AI (2019), later endorsed by the G20, also highlight respect for the rule of law, human rights, democratic values, and diversity. The United Nations, through its Roadmap for Digital Cooperation (2020), stressed the need for global cooperation in the governance of AI, including the establishment of a multi-stakeholder advisory body.

The Council of Europe has taken a leading role by preparing the first legally binding Framework Convention on AI, Human Rights, Democracy and the Rule of Law, which was finalized in 2024 and is expected to enter into force in 2025. This convention explicitly requires states to ensure that AI systems comply with human rights standards, particularly regarding privacy, freedom of expression, and non-discrimination. This marks a new step in international AI governance, bridging the gap between ethical guidelines and binding international law.

Human rights challenges posed by AI are multifaceted. First, privacy and data protection are threatened by mass collection of personal information, biometric identification, and profiling. The General Data Protection Regulation (GDPR) of the EU remains the most advanced legal framework in this regard, but even it faces difficulties in addressing cross-border data flows and algorithmic opacity. Second, non-discrimination and equality are at risk when AI algorithms replicate or exacerbate existing biases, leading to unfair outcomes in areas such as hiring, lending, or law enforcement. High-profile cases, such as biased facial recognition systems in the US

and UK, have shown how vulnerable minorities can be to algorithmic discrimination. Third, freedom of expression may be curtailed through algorithmic content moderation, raising questions about censorship and access to information. Fourth, the right to due process and a fair trial is challenged when automated decision-making is applied in judicial or administrative proceedings without adequate human oversight.

New concerns have emerged in 2023–2025 with the rapid development of generative AI systems like ChatGPT, Bard, and MidJourney. These systems, while enabling innovation and productivity, also raise concerns about misinformation, intellectual property rights, and the manipulation of public opinion. The European AI Act now includes specific provisions on generative AI, requiring transparency obligations such as content labeling and disclosure when interacting with AI. This reflects a growing recognition that AI governance must adapt to emerging risks in real time.

Addressing these challenges requires not only national legislation but also coordinated international efforts. Scholars increasingly emphasize the need for a binding global convention on AI and human rights, similar to the Universal Declaration of Human Rights but adapted for the digital era. Such a treaty could set minimum standards for transparency, accountability, and algorithmic fairness, while also establishing mechanisms for international monitoring and dispute resolution. However, political differences between states, especially regarding surveillance, security, and control of information, make the adoption of such a convention a difficult task.

Another promising avenue is the development of technical standards by international organizations such as ISO, IEC, and ITU, which focus on the interoperability, safety, and explainability of AI systems. These standards complement legal frameworks by providing practical guidelines for developers and companies. For example, ISO/IEC standards on machine learning transparency and AI system safety are becoming reference points for both regulators and industry. In 2023, ISO released a new guideline on the “explainability” of AI systems, requiring developers to design algorithms that provide clear and understandable outputs for non-experts.

Civil society and academia play a crucial role in ensuring that human rights remain at the center of AI governance. Initiatives such as the UNODC’s Education for Justice (E4J) program promote awareness of ethics and human rights in AI among students and young professionals. Independent watchdogs, NGOs, and journalists help expose abuses of AI, from predictive policing to manipulative online advertising. Public participation in shaping AI policy is essential to prevent technocratic decision-making and ensure democratic accountability.

Looking ahead, the prospects for global AI governance depend on balancing innovation with human rights protection. Three major approaches can be identified:

1. Repressive models (e.g., China) prioritize state control and security, often at the expense of individual freedoms.
2. Preventive models (e.g., Nordic countries) emphasize ethical education, social trust, and equality.
3. Integrated models (e.g., EU, Singapore, Estonia) combine strong enforcement with systemic integrity-building and digital innovation.

For Kazakhstan and other developing states, the challenge lies in adapting

international best practices while considering national legal traditions and socio-economic realities. Priorities should include updating data protection laws, establishing independent oversight bodies, introducing ethical codes for AI developers, and ensuring public participation in AI policymaking. Importantly, Kazakhstan should actively participate in international forums on AI governance to ensure its voice is represented in shaping global standards.

In conclusion, artificial intelligence represents both unprecedented opportunities and significant risks for human rights. The effectiveness of legal regulation depends on the ability of national and international actors to create a comprehensive system that combines binding norms, ethical principles, technical standards, and civic engagement. Integrity, transparency, and accountability must form the foundation of AI governance. Only by embedding human rights into the design, deployment, and use of AI can the global community ensure that technological progress serves humanity rather than undermines it.

List of references

1. European Union. (2024). Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (AI Act). Official Journal of the European Union.
2. UNESCO. (2021). Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris: UNESCO General Conference.
3. OECD. (2019). OECD Principles on Artificial Intelligence. OECD Publishing. Retrieved from: <https://oecd.ai>
4. United Nations. (2020). Roadmap for Digital Cooperation of the UN Secretary-General. New York: UN.
5. Council of Europe. (2024). Framework Convention on Artificial Intelligence, Human Rights, Democracy and the Rule of Law. Strasbourg: Council of Europe.
6. Transparency International. (2023). Corruption Perceptions Index 2023. Berlin: Transparency International.
7. United Nations. (2003). United Nations Convention against Corruption (UNCAC). New York: United Nations.
8. ISO/IEC. (2023). ISO/IEC 23894:2023 Artificial Intelligence — Guidance on Risk Management. Geneva: International Organization for Standardization.

YE TEYONG, Student of Al-Farabi Kazakh National University, Faculty of Law

Zhang Yiqiu

**LEGAL MECHANISMS FOR PREVENTING AND REGULATING
CONFLICTS OF INTEREST IN PUBLIC ADMINISTRATION: PROBLEMS
OF THEORY AND PRACTICE**

Conflicts of interest represent one of the most persistent and complex challenges in the sphere of public administration. They undermine the integrity and legitimacy of state institutions, erode citizens' trust, and create fertile ground for corruption and abuse of power. While the notion of conflict of interest has been embedded in the discourse on good governance for decades, it remains one of the least concretely operationalized concepts in public law. Governments around the world continue to struggle to strike a balance between protecting public officials' private rights and ensuring the impartiality of state decision-making.

In theoretical terms, the conflict of interest issue sits at the crossroads of ethics, administrative law, and anti-corruption policy. The very nature of public service combining individual discretion and public responsibility makes such conflicts inevitable in some form. Modern states, therefore, focus not on their complete eradication, which is unrealistic, but on the creation of preventive and regulatory legal mechanisms that minimize their negative consequences. The Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) defines conflict of interest as "a situation where a public official has private interests that could improperly influence the performance of official duties." This definition has become the foundation for most contemporary national legal frameworks.

The problem's relevance has increased dramatically with the expansion of digital governance and complex public-private partnerships. As decision-making increasingly involves hybrid structures - consultants, contractors, and temporary project teams - traditional ethical norms and disclosure requirements prove insufficient. The legal response to this reality varies across countries, but everywhere it reveals similar difficulties: ensuring transparency, maintaining professional independence, and preserving citizens' confidence in the state.

In practical terms, most modern legal systems rely on a triad of preventive mechanisms: declaration of interests, incompatibility of functions, and institutional oversight. The first element disclosure is the cornerstone of all anti-conflict regimes. In the European Union, the Code of Conduct for Members of the European Commission obliges officials to declare not only financial holdings but also non-financial interests such as positions in NGOs or family relationships that may influence decisions. Similar rules exist in the United Kingdom under the Civil Service Code and the Nolan Principles of Public Life. Kazakhstan and other post-Soviet states have gradually incorporated this instrument through electronic asset declaration systems and registers of affiliated persons, though enforcement remains a key challenge.

The second mechanism - functional incompatibility - prevents situations where a public servant simultaneously occupies a position in a commercial entity or supervisory board. In France, this principle is enshrined in the Law on Transparency, the Fight against Corruption and the Modernization of Economic Life (Sapin II), which prohibits

public officials from holding managerial posts in private companies for three years after leaving public service. The United States applies a similar concept through the Ethics in Government Act and the Standards of Ethical Conduct for Employees of the Executive Branch issued by the Office of Government Ethics (OGE), which strictly limit post-employment lobbying activities. Such rules help prevent the so-called “revolving door” phenomenon - the rotation of officials between government and business positions that creates high corruption risks.

The third mechanism involves establishing independent oversight bodies and ethics commissions empowered to investigate, advise, and impose sanctions. For instance, the UK’s Advisory Committee on Business Appointments (ACOPA) provides recommendations to former officials regarding potential conflicts, while Canada’s Conflict of Interest and Ethics Commissioner can conduct inquiries and issue public reports. In Kazakhstan, the Agency for Civil Service Affairs and Anti-Corruption plays a similar supervisory role, though scholars note that its authority remains limited compared to Western models. Strengthening such institutions is essential to ensure that conflict of interest regulation moves beyond formal compliance and becomes a practical deterrent.

However, the effectiveness of these legal mechanisms depends not only on the existence of rules but also on their implementation and the broader ethical culture of governance. Many countries face the same problem: declarations are submitted but rarely verified, sanctions are applied selectively, and conflicts are often resolved informally. According to Transparency International’s Global Corruption Barometer 2023, more than 60% of respondents in transitional economies believe that conflicts of interest are “common” or “very common” among public officials. This demonstrates that legislation alone cannot solve the issue without a change in institutional mindset and civic oversight.

Theoretical discourse also emphasizes the importance of distinguishing between potential, apparent, and actual conflicts of interest. While actual conflicts clearly violate the law, potential and perceived conflicts can be equally damaging for public trust. Legal frameworks, therefore, must not only punish wrongdoing but also establish proactive procedures for early identification and voluntary disclosure. In this regard, the World Bank and the OECD recommend developing “integrity systems” that integrate ethics training, whistleblowing protection, and public accountability tools such as open registers and e-governance portals.

Digitalization opens both opportunities and risks in this domain. On one hand, automated asset declarations and data analytics make it easier to detect inconsistencies or hidden relationships. On the other hand, the growing use of artificial intelligence in decision-making raises new ethical dilemmas: how to ensure that algorithms used by public bodies remain free from bias or manipulation by officials with vested interests. Some EU member states, including Estonia and Finland, are already testing integrated integrity databases that cross-check declarations, procurement data, and corporate registries - an approach that could be highly relevant for Central Asia as well.

In Kazakhstan, significant progress has been made in recent years. The Law “On Public Service” (2015) and the Anti-Corruption Law (2015) introduced clear definitions of conflict of interest and established procedures for its prevention and

resolution. These include mandatory notification of superiors, the possibility of recusal from decision-making, and disciplinary liability for failure to disclose. The Agency for Civil Service Affairs regularly issues methodological guidelines and conducts training for civil servants. Nonetheless, experts point out the need for more consistent judicial interpretation, stronger protection for whistleblowers, and greater public access to information on conflicts of interest among senior officials.

From a theoretical standpoint, regulating conflicts of interest involves a constant search for balance — between trust and control, transparency and privacy, loyalty and independence. The law can set boundaries, but it cannot substitute for ethical responsibility. Therefore, many modern approaches shift the focus from punitive measures to preventive ones: fostering a culture of integrity, promoting awareness, and embedding ethical standards in every stage of public service. Legal mechanisms work most effectively when they are supported by education, institutional openness, and real accountability.

In conclusion, conflict of interest regulation has evolved from an ethical guideline into a comprehensive legal institution essential for the credibility of public administration. Its success depends on a combination of clear legal provisions, strong enforcement institutions, and civic engagement. While countries differ in their models, the global trend points toward integration of preventive, technological, and cultural tools within a unified framework of public integrity.

Kazakhstan's experience demonstrates the importance of adapting international standards to national realities. The country's transition from formal declarations to practical enforcement mechanisms reflects a broader shift toward transparency and responsible governance. Continued progress will require not only legal refinement but also a deep institutional commitment to integrity as a public value. This means empowering oversight bodies, enhancing digital monitoring, and involving civil society in evaluating the ethical performance of the state.

Ultimately, the fight against conflicts of interest is not a technical or bureaucratic task - it is a long-term process of building trust between citizens and their government. Legal instruments can only serve as the scaffolding for that trust; the foundation must be laid in the moral and professional culture of those who serve the public good.

References

1. Managing Conflict of Interest in the Public Service: OECD Guidelines and Country Experiences. Paris: OECD Publishing, 2005.
2. Transparency International. Global Corruption Barometer 2023: Citizens' Voices on Public Integrity. Berlin, 2023 // www.transparency.org/en/cpi/2023
3. Strengthening Public Integrity and Preventing Corruption: Policy Note. Washington, DC, 2021.
4. Code of Conduct for Commissioners. Official Journal of the European Union, 2018 // https://commission.europa.eu/about/service-standards-and-principles/ethics-and-good-administration/commissioners-and-ethics/code-conduct-members-european-commission_en
5. UK Cabinet Office. Civil Service Code and The Seven Principles of Public Life (Nolan Principles). London, 2020 // <https://www.gov.uk/government/publications/the-7-principles-of-public-life/the-7-principles-of-public-life--2>
6. France. Loi n° 2016-1691 relative à la transparence, à la lutte contre la corruption et à la modernisation de la vie économique (Sapin II). Journal Officiel de la République Française, 2016 //

https://www.legifrance.gouv.fr/loda/article_lc/LEGIARTI000045391755

7. United States Office of Government Ethics. Standards of Ethical Conduct for Employees of the Executive Branch. Washington, DC, 2020.

8. On the civil service of the Republic of Kazakhstan, 23 November 2015 // <https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z1500000416>

9. Republic of Kazakhstan. Law on Combating Corruption, No. 410-V, 18 November 2015 // <https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z1500000410>

ZHANG YIQIU, master's student of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Al-Farabi Kazakh National University

Wang Yuqiao

REQUIREMENTS FOR THE PROCESSING OF PERSONAL DATA IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: A COMPARATIVE ANALYSIS WITH GDPR

Kazakhstan, being a country deeply integrated into the global political and economic space, demonstrates impressive rates of inclusion into the global information society both at the level of state institutions and at the level of society. This process is accompanied by the active implementation of digital technologies, the expansion of access to internet services, the development of e-government, and the emergence of new forms of communication between the state and citizens. Insufficient attention to the opportunities as well as to the risks and threats associated with digitalization may result in the country falling out of the general trend of global development and being pushed to the periphery of international processes.

The establishment and development of the e-government system in Kazakhstan has become an important factor that, on the one hand, has democratized public–state relations by ensuring transparency and accessibility of government services, and, on the other hand, has significantly reduced budgetary expenditures on administration and managerial processes. At the same time, the intensification of network interconnectivity within society, both in its cybernetic and social dimensions, has led to the loss of the state’s monopoly on exercising power. In this context, power is understood as the ability to influence the activities and behavior of other actors, to set the directions of social movement, and to shape key value orientations. Under conditions of digitalization, those who possess technical capabilities to influence the content of information flows acquire tools for manipulating mass consciousness, which creates new challenges for national security.

The realization of this challenge and the futility of responding solely through administrative means – such as the creation of firewalls or the introduction of national security certificates – have pushed national governments, including Kazakhstan, to revise and reshape their strategies of information policy. In this regard, special attention

has been paid to the development of comprehensive measures to ensure cybersecurity, the legal regulation of digital processes, as well as the formation of a digital culture within society.

Nevertheless, alongside positive transformations in Kazakhstan's information and communication sphere, there is a consistent trend of increasing real threats in the field of information and cybersecurity. Among them are the growth of cyberattacks on state information resources, data leaks of personal information, the use of digital technologies for illicit purposes, as well as the risks associated with transnational cybercrime. In the context of globalization of the information space, such threats become not only a national but also an international problem, requiring collective response measures, the exchange of experience, and the incorporation of best global practices into national legislation.

Thus, for Kazakhstan, the main task lies not only in further integration into the global information space, but also in building a sustainable system of legal, technical, and organizational protection. This would not only minimize risks and threats but also strengthen citizens' trust in the digital institutions of the state.

The protection of personal data across different regions of the world acquires distinct shades, as it is largely connected with internet governance and control, and consequently with the growing rise of authoritarianism. In essence, the internet has turned into the modern public sphere, while social networks and search engines hold immense power and bear considerable responsibility to ensure that their platforms serve the public good. The unrestricted collection of personal data undermines the individual's right to privacy and solitude, without which peace, prosperity, and personal freedom the fruits of democratic society – cannot be preserved or exercised.

While some countries, such as those in the European Union, have made tangible progress in ensuring internet freedom, others, conversely, have imposed stricter restrictions and limitations. One striking example is Malaysia, where citizens voted for a prime minister who promised to repeal a recently adopted law on «fake news», a law that had been actively used by his predecessor as a political tool.

The most notable cases in shaping trends of cyberspace development, and therefore in influencing the protection of personal data and digital rights, are undoubtedly Russia and China, which present an alternative to the European GDPR model. When Mark Zuckerberg testified before the U.S. Congress in early 2018 regarding Facebook's data – sharing practices, he warned that regulating the company's use of personal data would cause the United States to lag behind Chinese firms in data – intensive innovations such as artificial intelligence. His argument reflected the widely held perception that China's internet industry benefits from massive volumes of user data collected under weak regulatory restrictions. Over the past two decades, the so – called Great Firewall of China has evolved into a frighteningly effective - and for many authoritarian regimes, appealing – instrument of censorship and digital surveillance. Moreover, China has undertaken steps to export its model abroad by organizing large - scale training programs for foreign officials, providing surveillance technologies to authoritarian governments, and demanding that international companies comply with Chinese rules even outside China's territory. These trends pose a significant threat to the future of an open internet, to the prospects

of democratic societies, and to the values of an open global community.

Despite the paradoxical nature of the situation, personal data protection has also become a priority for China itself. Several high - profile cases and the public reaction to them have reshaped domestic debates about digital rights. In 2016, the death of an 18 year old schoolgirl following a case of telephone fraud sparked widespread discussions on online privacy. This tragedy became the catalyst for China's legislation on personal data protection, when the Standing Committee of the National People's Congress adopted the Cybersecurity Law, which came into force on June 1, 2017. The law prohibits online service providers from collecting or selling personal data without user consent, sets out basic privacy requirements, bans network operators from gathering irrelevant data, restricts the exchange of personally identifiable information without consent, and requires companies to protect user information.

While the law did not specify how companies should comply with these principles, additional clarification was provided in a national standard published by the National Information Security Standardization Technical Committee (TC260). The Personal Information Security Specification outlined requirements for the collection, storage, use, sharing, transfer, and disclosure of personal information.

Public controversies further shaped this debate. In early 2018, Baidu founder Robin Li's remarks about users being willing to «trade privacy for convenience» provoked outrage, sparking a lawsuit against Baidu over unauthorized data collection, which the company later dropped after removing problematic features. Another striking case was the viral popularity of the Zao app in 2019, which allowed users to create deepfakes by swapping their faces with celebrities. Concerns quickly arose when the app's user agreement granted global rights to use any content created on the platform. Following a wave of public backlash, the company clarified its policies and pledged to delete users' data once accounts were removed, in line with new privacy rules. A third case concerned Ant Financial, the financial arm of Alibaba, which launched the Zhima (Sesame) Credit system for digital credit scoring based on online activity and social media records. Users discovered they had been enrolled automatically and without consent, which led to public outrage and an official apology from Alibaba.

In Russia, alongside allegations of interfering in the 2016 U.S. presidential elections and orchestrating large-scale disinformation campaigns in the CIS, the EU, and the U.S., the government has sought to promote the concept of a «sovereign internet» at the UN and within the Eurasian Economic Union, while also discussing the creation of a Eurasian equivalent of GDPR. The hallmark of Russia's approach to internet governance is a strong emphasis on state sovereignty. The Yarovaya Law of 2016 mandated telecommunications providers to store the content of text messages, phone calls, images, and videos for six months, along with metadata for three years, and to provide this information to security agencies upon request.

The so-called «Sovereign Internet Law», adopted by the State Duma in November 2019, granted officials broad powers to restrict and control traffic within the Russian segment of the internet. Many experts fear that this legislation paves the way for a Chinese style firewall. The law enables Roskomnadzor to block websites more effectively through deep packet inspection (DPI), establishes a Russian national

domain name system (DNS), obliges internet providers to identify traffic sources and filter content (censorship), and allows the government to shut down the internet in emergencies.

Although experts believe that full implementation of a sovereign internet in Russia would be technically difficult, this model clearly intensifies state control over society and creates additional challenges for both Russian and foreign companies. It is expected to accelerate the fragmentation of the global internet and deepen Russia's reliance on Chinese technologies. At the same time, Russia has been actively promoting this alternative model of internet governance, based on strong state sovereignty, within the International Telecommunication Union (ITU) of the United Nations.

In conclusion, it is important to emphasize that at this stage there exist several alternative approaches to creating a legal regime for the protection of personal data. It must be understood that the development and adoption of a dedicated law, the delegation of powers to specialized authorities, or the establishment of regulatory bodies, as well as progress in international rankings on internet freedom or cybersecurity, represent only the initial steps in a long term process of building a sustainable digital ecosystem.

For Kazakhstan, which is undergoing large scale digitalization with the aim of integrating into global information and economic processes, it is essential not only to implement legislative and institutional initiatives to regulate this sphere, but also to concentrate efforts on raising awareness of the importance of personal data protection and on promoting a culture of digital rights through digital literacy and cyber hygiene. It is evident that Kazakhstan will face significant challenges in balancing between the three main actors the European Union, the Russian Federation, and the People's Republic of China in its search for and development of a distinct national approach to the protection of personal data in practice.

List of references:

1. E-Estonia. Security and safety, <https://e-estonia.com/solutions/security-and-safety/ksi-blockchain/>
2. Patchwork legislation makes data privacy difficult, Best VPN, <https://bestvpn.org/privacy-index/#tab-con-7>
3. Adrian Shahbaz, "Freedom on the Net 2018. The Rise of Digital Authoritarianism," Freedom House, 2018, <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/freedom-net-2018/rise-digital-authoritarianism>
4. Wei Sheng, "One year after GDPR, China strengthens personal data regulations, welcoming dedicated law," Technode, June 19, 2019, <https://technode.com/2019/06/19/china-data-protections-law/>
5. Zack Doffman, "Chinese Deepfake App ZAO Goes Viral, Privacy Of Millions 'At Risk'," Forbes, September 2, 2019,
6. Alena Epifanova, "Deciphering Russia's "Sovereign Internet Law," DCAP Analysis, January 16, 2020, <https://dgap.org/en/research/publications/deciphering-russias-sovereign-internet-law>
7. "Russia internet: Law introducing new controls comes into force," BBC News, November 1, 2019, <https://www.bbc.co.uk/news/world-europe-50259597>

DIGITAL GOVERNANCE AND ANTI-CORRUPTION: LEGAL SAFEGUARDS AND EMERGING CHALLENGES

Corruption remains one of the most serious threats to sustainable development, eroding public trust, undermining democratic institutions, and creating inefficiencies in governance. According to the United Nations, global losses from corruption reach approximately USD 2.6 trillion annually, equivalent to more than 5% of global GDP. Transparency International's 2023 Corruption Perceptions Index shows that corruption continues to be a systemic challenge: nearly two-thirds of countries scored below 50/100, indicating serious governance vulnerabilities. These figures underscore the necessity of addressing corruption not only through traditional enforcement and sanctions but also by developing preventive systems rooted in transparency, accountability, and digital governance.

In the modern era, digitalization has become one of the most effective tools for reducing corruption risks. By automating public services, introducing online procurement systems, and ensuring open access to budgetary information, governments can significantly limit opportunities for bribery and abuse of discretion. Kazakhstan provides a vivid example of this transformation: through the implementation of the “Digital Kazakhstan” program and its Anti-Corruption Strategy 2015–2025 and Anti-Corruption Policy Concept 2022–2026, the country has prioritized digital technologies as strategic tools for combating corruption. As of 2023, more than 95% of state procurement in Kazakhstan was carried out electronically, reducing the scope for informal negotiations and fostering greater competition among suppliers.

At the same time, digital technologies are not merely a tool for administrative convenience; they represent a new paradigm of governance. Platforms such as eGov.kz offer more than 700 online services, from property registration to healthcare appointments, cutting bureaucratic barriers and saving millions of citizen-hours annually. The introduction of the “Open Budgets” portal has allowed citizens to monitor how public funds are allocated and spent, laying the foundation for civic oversight. Moreover, the introduction of electronic declarations of income and assets for public servants in Kazakhstan signals an effort to institutionalize transparency at the highest levels of administration.

However, despite these significant achievements, digital governance also introduces new risks and challenges. One pressing issue is the digital divide: while urban populations often benefit from e-services, rural areas with limited internet connectivity and lower digital literacy levels remain excluded, thereby creating inequality in access to anti-corruption tools. Another concern lies in cybersecurity threats. In 2022, more than 1,000 cyberattacks per day were recorded against Kazakhstan's government systems, including attempts to breach procurement platforms and databases. Such vulnerabilities open the door to manipulation of information, identity theft, and fraud, which can indirectly fuel corruption.

Artificial intelligence (AI) and big data analytics offer powerful opportunities but

also raise significant legal and ethical dilemmas. Predictive algorithms can identify corruption-prone areas, flagging suspicious procurement patterns or unusual financial transactions. Yet, opaque AI systems create risks of hidden manipulation, discriminatory practices, or “black box” decision-making. For this reason, global regulatory initiatives such as the EU Artificial Intelligence Act (2024) emphasize algorithmic transparency, risk classification of AI systems, and human oversight as necessary safeguards. These measures aim to ensure that digital governance remains accountable and does not inadvertently create new forms of corruption.

International experience demonstrates the critical role of legal safeguards in maximizing the benefits of digital governance. Estonia, often called the “digital republic,” has embedded blockchain technologies into its e-governance systems, ensuring immutability of public records and drastically reducing risks of tampering or fraud. Singapore, consistently ranked among the least corrupt countries, combines digital monitoring with a culture of zero tolerance toward corruption, strong enforcement, and ethical training of civil servants. South Korea has introduced real-time budget monitoring platforms and AI-powered auditing systems that automatically flag suspicious spending, significantly increasing oversight efficiency.

For Kazakhstan, these models highlight important lessons. Digital platforms must be accompanied by robust legal frameworks, including laws on data protection, cybersecurity, whistleblower protection, and algorithmic accountability. Furthermore, reforms should prioritize civic participation. Open data portals and digital registers empower NGOs, journalists, and citizens to act as independent watchdogs. Initiatives such as “Adaldyk Alany” (Integrity Spaces) in Kazakhstan demonstrate the growing role of civil society in overseeing public institutions. Strengthening such mechanisms, combined with legal guarantees of freedom of expression and access to information, ensures that digital governance is not only technologically advanced but also socially embedded.

It is also important to emphasize the transnational nature of corruption in the digital era. Illicit financial flows, offshore banking, and cryptocurrency-based money laundering transcend national borders. No country can effectively combat such challenges in isolation. Kazakhstan’s participation in international frameworks such as the United Nations Convention against Corruption (UNCAC), the OECD Anti-Bribery Convention, and the Financial Action Task Force (FATF) reflects its commitment to aligning national reforms with global standards. Multilateral cooperation, peer reviews, and international monitoring mechanisms remain essential to ensure accountability in an interconnected digital world.

Equally vital is the cultural and ethical dimension. Without a strong culture of integrity, even the most advanced digital and legal systems may fail. Societies that normalize nepotism, favoritism, or “gift-giving” traditions undermine the effectiveness of transparency mechanisms. As Transparency International notes, countries with high social tolerance toward corruption are less responsive to legal reforms. Thus, anti-corruption education becomes a strategic priority. Integrating civic ethics, digital literacy, and integrity training into school and university curricula ensures long-term transformation. Programs such as the UNODC “Education for Justice” (E4J) initiative illustrate how ethics-based education strengthens resistance to corruption globally.

Looking forward, Kazakhstan's anti-corruption policy should prioritize several areas:

- Expanding the use of blockchain technologies in procurement and land distribution to ensure tamper-proof records;
- Leveraging big data and AI for predictive detection of corruption risks, with strict legal safeguards for transparency and non-discrimination;
- Strengthening whistleblower protection laws to encourage reporting of corruption without fear of retaliation;
- Promoting public-private partnerships to integrate corporate compliance and business ethics into national integrity systems;
- Enhancing international cooperation to combat cross-border digital corruption schemes.

Ultimately, digital governance represents both an opportunity and a challenge. If properly regulated, it can drastically reduce corruption risks, strengthen public trust, and boost investment attractiveness. If neglected, however, it risks creating new vulnerabilities, from algorithmic manipulation to cyber-enabled corruption.

In conclusion, digital technologies are not a panacea but an indispensable component of modern anti-corruption strategies. The law must serve as the cornerstone, ensuring accountability, transparency, and ethical use of innovations. Kazakhstan's experience shows that progress is possible, but success requires a comprehensive approach that integrates legal safeguards, technological innovations, ethical standards, and civic engagement. Only through such synergy can digital governance become a true engine of transparency, enabling societies to move toward more just, accountable, and sustainable futures.

List of references:

1. Government of the Republic of Kazakhstan. (2015). Law of the Republic of Kazakhstan "On Combating Corruption" №410-V. Astana.
Government of the Republic of Kazakhstan. (2015). Civil Service Law of the Republic of Kazakhstan № 416-V. Astana.
2. Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs and Anti-Corruption. (2015). Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan 2015–2025. Astana.
3. European Union. (2016). General Data Protection Regulation (GDPR). Official Journal of the European Union.
4. FATF. (2022). Guidance on Digital Identity: Mitigating Money Laundering and Terrorist Financing Risks. Paris: Financial Action Task Force.
5. Rose-Ackerman, S., & Palifka, B. (2016). Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.

GONG XUEJUN, Student of Al-Farabi Kazakh National University, Faculty of Law

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE RIGHT TO INFORMATION AND THE RIGHT TO PROTECTION OF THE CHILD'S PERSONAL DATA IN CYBERSPACE

In the twenty-first century, the digital environment has become the principal arena for socialization, education, and self-expression of children. The Internet offers immense opportunities for access to information, learning, and participation in cultural and civic life. At the same time, it exposes minors to unprecedented risks of surveillance, profiling, commercial exploitation, and data misuse. The duality of cyberspace - simultaneously empowering and threatening - makes it necessary to rethink how fundamental rights interact in the digital age. Two of these rights, the right to information and the right to personal data protection, often appear to be in tension, yet they are interdependent in ensuring children's full and safe participation in the information society.

International human-rights instruments recognize both rights as essential. Article 13 of the UN Convention on the Rights of the Child (CRC) guarantees the child's right "to seek, receive and impart information," while Article 16 safeguards the right to privacy and protection against unlawful interference. Digital transformation has amplified the relevance of these provisions: children increasingly exercise their information rights through online platforms, while personal data has become the key currency of those same ecosystems. The global regulatory response - through frameworks such as the EU General Data Protection Regulation (GDPR), the Children's Online Privacy Protection Act (COPPA) in the United States, and regional initiatives in Asia—aims to reconcile openness with safety. However, the balance remains fragile, especially as algorithmic personalization and data-driven business models blur the line between access to content and exploitation of identity.

The theoretical problem is that both rights are positive obligations on states: the right to information requires active promotion of access and digital inclusion, whereas the right to data protection requires restriction and oversight of information flows. When applied to children, these obligations may conflict in practice. Excessive control may stifle freedom of expression and learning, while insufficient regulation may expose minors to manipulation and loss of autonomy. The law must therefore construct a normative equilibrium - allowing children to engage freely online while ensuring that their personal data is collected and processed only under strict, child-sensitive safeguards.

The GDPR provides the most advanced example of such balancing. It affirms the right to data protection as a fundamental right under Article 8 of the EU Charter and sets a specific rule for children's consent in Article 8 of the Regulation. Parental authorization is required for processing personal data of children under 16 (or a lower age defined nationally, but not below 13) when offering information-society services. Simultaneously, Recital 38 of the GDPR recognizes that children "may be less aware of the risks, consequences, and safeguards," and therefore deserve special protection. Yet the GDPR also strengthens the right to information by requiring controllers to

provide transparent, accessible notices “in clear and plain language,” especially when addressed to a child. This creates a dual duty: to protect data through limitation, and to empower through understanding.

The United States follows a more sector-specific approach through COPPA, which mandates verifiable parental consent before collecting personal information from children under 13. The law reflects a strong paternalistic model, where the parent is the gatekeeper of consent. However, scholars note that this framework, while protective, may restrict older minors’ autonomy and access to digital resources. In contrast, the United Kingdom’s Age-Appropriate Design Code (Children’s Code) under the Data Protection Act 2018 introduces a progressive model of “privacy by default,” where services likely to be accessed by children must design settings that minimize data processing, limit profiling, and provide clear explanations. This approach promotes informed participation rather than pure restriction, aligning privacy with access to trustworthy information.

Beyond Western jurisdictions, countries such as Kazakhstan are gradually integrating similar principles into their national laws. The Law on Personal Data and Their Protection (2013, amended 2023) establishes general requirements for data processing but lacks detailed provisions specific to minors. Complementary acts, such as the Law on the Protection of Children from Information Harmful to their Health and Development (2018), address content regulation rather than privacy per se. In recent years, Kazakhstan - together with UNICEF and the Safe Online initiative - has launched programs to prevent online exploitation and strengthen digital literacy. These measures aim to operationalize the child’s right to both information and privacy through education, awareness, and legislative modernization. Nevertheless, enforcement remains a challenge, particularly regarding consent mechanisms, age verification, and cross-border data transfers involving global platforms.

The heart of the issue lies in information asymmetry. Children rarely understand how their digital footprints are monetized or shared. Even when privacy policies are accessible, they are written for adults, often in complex legal language. The GDPR’s emphasis on transparency and the OECD’s Recommendation on Children in the Digital Environment urge service providers to adapt communication to the comprehension level of minors. True realization of the right to information thus includes the right to comprehend the data environment itself - a precondition for meaningful consent and autonomous participation. Where the law guarantees access to information about processing activities, it simultaneously strengthens data protection by enabling informed control.

Technological evolution adds another dimension. Artificial intelligence, recommender systems, and big-data analytics increasingly mediate children’s access to information. Algorithmic curation may amplify or limit exposure to content, shaping perceptions and opportunities. These mechanisms rely heavily on behavioral data, making children’s personal information both the input and the outcome of the information economy. International regulators now stress algorithmic accountability: under the forthcoming EU AI Act, systems interacting with minors must ensure transparency, traceability, and human oversight. Integrating such standards into domestic law is crucial for maintaining the delicate balance between informational

empowerment and informational exploitation.

From a rights-based perspective, the interplay between access and protection cannot be resolved through simple prioritization. Both are expressions of the child's evolving capacity and dignity. Access to information enables participation in the knowledge society; data protection safeguards identity and autonomy within it. The Committee on the Rights of the Child, in its General Comment No. 25 (2021) on children's rights in the digital environment, emphasizes that states must ensure accessibility, literacy, and privacy simultaneously, treating them as complementary pillars rather than competing interests. This integrated approach implies that governments should not only restrict harmful data processing but also invest in child-friendly digital public goods—open educational platforms, secure communication tools, and transparent data-governance infrastructures.

Achieving such balance requires multi-level governance. International law provides guiding norms; national legislatures translate them into enforceable obligations; regulators and courts interpret them in light of context. Data-protection authorities, child-rights ombudspersons, and educational institutions must cooperate to create coherent policy ecosystems. In Kazakhstan, the current trend toward digital transformation of public administration and education underscores the urgency of embedding child-specific data safeguards within e-government services. Regional cooperation through the Eurasian Economic Union and alignment with OECD and EU practices could accelerate harmonization, ensuring that the right to information and the right to privacy evolve together rather than diverge.

Ultimately, protecting children's data in cyberspace is not merely a technical issue but a constitutional one. It concerns the scope of autonomy society grants to its youngest citizens. The dialectic between information freedom and data protection reflects deeper values - trust, responsibility, and the moral limits of digital markets. A mature legal order must recognize that children's participation in the digital public sphere is both a right and a vulnerability, demanding a proactive, rights-based, and educationally grounded response.

In conclusion, the relationship between the right to information and the right to protection of personal data of the child is one of complementarity, not contradiction. Guaranteeing meaningful access requires robust privacy safeguards, while privacy itself depends on the child's informed understanding of information flows. Law and policy should therefore pursue "empowered protection" - an approach where transparency, education, and accountability coexist. This model aligns with the UN's holistic vision of children's rights as mutually reinforcing.

Going forward, digital-era child protection demands continuous legislative adaptation and institutional innovation. States should adopt age-appropriate data-protection standards, promote digital literacy among children and parents, and require service providers to implement privacy-by-design principles. The integration of AI-governance norms and cross-border cooperation will be critical to sustaining an ethical digital environment for minors.

Ultimately, the measure of a society's digital maturity will be its ability to preserve children's freedom to explore information without sacrificing their privacy and dignity. Protecting both rights simultaneously ensures that the digital revolution

remains human-centred, child-safe, and grounded in the rule of law.

References

1. United Nations. Convention on the Rights of the Child (1989). Articles 13 & 16. <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-child>
2. Committee on the Rights of the Child. General Comment No. 25 (2021) on Children's Rights in Relation to the Digital Environment. https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC/C/GC/25
3. European Union. General Data Protection Regulation (GDPR). <https://gdpr-info.eu>
4. Federal Trade Commission (U.S.). Children's Online Privacy Protection Act (COPPA). <https://www.ftc.gov/legal-library/browse/rules/childrens-online-privacy-protection-rule-coppa>
5. United Kingdom Information Commissioner's Office. Age-Appropriate Design Code (Children's Code). <https://ico.org.uk/for-organisations/age-appropriate-design-a-code-of-practice-for-online-services/>
6. OECD. Recommendation on Children in the Digital Environment (2021). <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0389>
7. Law of the Republic of Kazakhstan "On Personal Data and Their Protection" (2013, as amended 2023). <https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z1300000094>
8. Law of the Republic of Kazakhstan "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development" (2018). <https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z1800000169>
9. UNICEF Kazakhstan. Protecting Children from Online Violence, Abuse and Exploitation Project. (2025). <https://www.unicef.org/kazakhstan/en/press-releases/children-digital-world-kazakhstan-strengthens-protection>
10. European Commission. EU Artificial Intelligence Act – Official Journal Publication (2024). <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/>

KE JINKUN, master's student of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Al-Farabi Kazakh National University

**THE RIGHT TO PRIVACY IN THE AGE OF DIGITALIZATION:
INTERNATIONAL STANDARDS AND THE CASE OF KAZAKHSTAN**

In the context of rapid globalization and the dynamic development of information and communication technologies, the issue of the correlation between international law, including the sphere of human rights, and national legislation is acquiring particular significance. Digital technologies today have become one of the key drivers of economic modernization, as well as the advancement of education, healthcare, and culture. Their positive impact is reflected in the improvement of business processes, the expansion of communication opportunities, increased access to information, the development of online education, telemedicine, and other digital services. Digitalization has undoubtedly elevated the quality of public and banking services, making the potential of e-government more accessible to broad segments of the population.

At the same time, the rapid development of the digital age has intensified the problem of personal data protection. Each year, the amount of personal information collected and processed by various organizations, including government bodies, grows at an exponential rate. This process necessitates the creation of effective mechanisms to protect individuals from the misuse of their personal data for criminal or unethical purposes. As a result, the concept of privacy protection has become a central element in the modern discourse on human rights.

The protection of personal data is an integral part of the constitutional right to privacy and has a pronounced international legal dimension. In Kazakhstani legal scholarship, it is noted that international experience demonstrates diverse approaches to balancing privacy rights and the public interest. For example, in relation to public figures, a higher level of public scrutiny of private life is considered permissible compared to that of ordinary citizens. In domestic constitutional doctrine, personal inviolability is understood as a subjective right enshrined in the Constitution and legislation of the Republic of Kazakhstan, encompassing state protection not only of the physical, psychological, and spiritual aspects of an individual, but also of the conditions that enable individuals to freely realize their personal needs, provided that this does not contradict the interests of society and the state.

Particularly important in the digital era is the development of state standards regulating the processing and storage of personal data. This sphere is directly linked to the principle of constitutional privacy and has become the subject of significant academic and professional debate. Modern legal scholarship increasingly emphasizes the need for clear international standards governing the development and use of artificial intelligence technologies, especially in cases where such technologies may conflict with constitutional values, such as mass facial recognition and other forms of biometric identification carried out by public or private actors.

In Europe, legal mechanisms for the protection of personal data have been actively developed. The institution of privacy emerged in the region as early as the 19th century, when lawyers, particularly advocates, argued for the regulation of issues related to the

protection of personal information. The Christian tradition of the secrecy of confession played a notable role in shaping this perspective. Today, personal information encompasses a much broader range of data, including biometric identifiers stored in identity documents used by modern public and private institutions.

In Kazakhstan, the protection of personal data is overseen by the Committee on Information Security of the Ministry of Digital Development, Innovation and Aerospace Industry. The Committee's main functions include regulatory support for cybersecurity, the development of recommendations, and the enforcement of the principles of legality and confidentiality. At the same time, the protection of personal data inevitably falls within the scope of authority of almost all state bodies. On January 28, 2025, during an expanded meeting of the Government, President Kassym-Jomart Tokayev emphasized the necessity of consolidating the efforts of the Government, the National Security Committee, the General Prosecutor's Office, and other state agencies to support the Ministry of Internal Affairs in combating crimes involving personal data and ensuring the maximum possible level of protection for citizens.

This situation demonstrates that in practice, the development of data protection mechanisms often outpaces the refinement of the relevant legal framework. Under these conditions, Kazakhstan can benefit greatly from studying the experience of European states, where comprehensive systems of privacy protection are in place. The materials for this study included the regulatory framework of the European Union, in particular the General Data Protection Regulation (GDPR), the legislation of the Republic of Kazakhstan, as well as case law. The research applied comparative legal, dialectical, analytical, logical, and structural-functional methods of scientific inquiry, which made it possible to identify both general patterns and specific features of national and international regulation in the sphere of personal data protection.

A comparative analysis of Kazakhstan's legislation and the approaches enshrined in European law provides a deeper understanding of the regulation of personal data protection and the right to privacy. In the modern context, where digital technologies are rapidly transforming social relations and intensifying the globalization of information flows, this issue acquires particular relevance.

The Kazakhstani legal system in the field of personal data protection relies on both international and national legal acts, forming a comprehensive regulatory framework. At the same time, the European experience, embodied in the General Data Protection Regulation (GDPR), demonstrates a more detailed and stringent approach, which has a significant influence on the development of legal systems beyond the European Union.

One of the key international sources that establishes the right to privacy is the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR), ratified by Kazakhstan in 2005. Article 17 of the Covenant guarantees the right of every individual to protection against arbitrary or unlawful interference with their privacy, family, home, or correspondence, as well as against attacks on their honor and reputation. In the context of digitalization, these provisions are interpreted as a guarantee of the protection of information relating to a person's private life, thereby emphasizing the necessity of strict regulation of the collection, storage, and processing of personal data. Ratification of the Covenant imposed on Kazakhstan international obligations to

develop a legislative framework ensuring the realization of these rights. Moreover, the UN Human Rights Committee has repeatedly highlighted that the protection of personal data constitutes an integral part of the right to privacy, thus reinforcing the international foundation for national regulation.

The European experience is primarily represented by the General Data Protection Regulation (GDPR), adopted by the European Parliament and the Council of the EU in 2016 and enforced in 2018. This document is regarded as one of the most advanced and stringent legal acts in the field of personal data regulation at the global level. GDPR establishes a comprehensive set of requirements: lawfulness, fairness, and transparency of data processing; the principle of data minimization, which restricts the collection to only what is necessary; limits on data retention; the obligation to obtain consent from data subjects; and the rights of individuals to access, correct, or erase their data. Additionally, it places particular emphasis on the responsibilities of data controllers and their obligations to ensure data security.

Although Kazakhstan is not a participant in the GDPR framework, this regulation exerts substantial influence on the formation of national standards for personal data protection in many countries. Consequently, it can serve as an important benchmark for improving Kazakhstani legislation and harmonizing it with best international practices in the field of privacy and confidentiality protection.

For Kazakhstan, the European model of personal data protection does not represent a ready-made template for direct adoption but rather serves as a benchmark that can stimulate the search for optimal solutions. In the context of large-scale digitalization and the growing challenges associated with the security of personal information, adapting elements of the European experience while taking into account national legal, social, and cultural particularities will allow the country to establish an effective system of personal data protection. Thus, comparative analysis demonstrates that harmonizing national legislation with international standards, while preserving sovereign priorities, constitutes the most rational path for Kazakhstan.

List of references:

1. Court of Justice of the European Union. Judgment of the Grand Chamber of 13 May 2014 in Case C-131/12 "Google Spain SL, Google Inc. v. Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja González". – [Electronic resource]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62012CJ013> (date of reference: 01.01.2025).
2. European Court of Human Rights. Case of Gaughran v. The United Kingdom, Application No. 45245/15, Judgment of 13 February 2020. - [Electronic resource]. –
3. Overview of the retention periods of business records // Hermann Schwelling Maschinenbau (HSM). - [Electronic resource]. – Access mode: <http://surl.li/pgarc> (date of reference: 28.12.2024).
4. Gil González E., De Hert P. Understanding the legal provisions that allow processing and profiling of personal data—an analysis of GDPR provisions and principles // Era Forum. – Berlin/Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2019. – V. 19. – №. 4. – P. 597-621.
5. Tsesis A. The right to erasure: Privacy, data brokers, and the indefinite retention of data // Wake Forest L. Rev. – 2014. – V. 49. – P. 433-484.

LIU GUOXIONG, Student of Al-Farabi Kazakh National University, Faculty of Law

DIGITAL INNOVATIONS IN ANTI-CORRUPTION POLICY: EXPERIENCE AND PERSPECTIVES OF KAZAKHSTAN

Corruption remains one of the most serious threats to sustainable development, undermining democratic institutions, slowing down economic growth, and eroding citizens' trust. According to United Nations estimates, the annual damage to the global economy from corruption amounts to around USD 2.6 trillion, which exceeds 5% of global GDP. Transparency International also reports that more than USD 1 trillion in bribes are paid worldwide each year, with devastating effects on development, inequality, and public confidence. These figures clearly show that combating corruption should not be limited to punitive mechanisms but must also include the formation of a systemic culture of transparency and accountability. In this context, the integration of digital technologies into anti-corruption policy has become increasingly relevant.

Kazakhstan has taken significant steps toward digitalizing public governance in recent years. The implementation of the “Digital Kazakhstan” program, as well as the Anti-Corruption Strategy 2015–2025 and the Anti-Corruption Policy Concept 2022–2026, demonstrate that the state views digital technologies as a strategic tool for minimizing corruption risks. E-government platforms, online services, digital procurement portals, and “open budgets” have become key elements of transparency systems, enabling citizens to access services remotely, reducing direct contact with officials, and consequently lowering opportunities for corruption.

However, digitalization in the anti-corruption field is not merely a convenient tool for interaction between society and the state. It represents part of a broader institutional reform aimed at improving the quality of governance. The core role of digital technologies lies in the automation of decision-making processes, elimination of human factors, and the creation of reliable bases for monitoring and analytics. For example, the eGov.kz portal, which offers over 700 electronic services, has significantly accelerated service delivery and reduced bureaucratic barriers. Similarly, the online state procurement system (goszakup.gov.kz), which conducts more than 95% of tenders electronically, has increased competition and transparency.

The introduction of the “Open Budgets” portal has enabled citizens to observe the allocation of public funds, thereby establishing a foundation for civic oversight. Another crucial measure has been the adoption of electronic declarations of income and assets for civil servants, designed to increase responsibility and transparency in public administration. Together, these reforms create a more trustworthy environment between the state and society, where transparency becomes a norm rather than an exception.

Nevertheless, despite these achievements, several challenges remain in Kazakhstan. One of the most pressing issues is the low level of digital literacy, particularly in rural regions, which limits access to online services. Additional challenges arise from cybersecurity threats: hacking attacks and potential breaches of government information systems create new forms of corruption risk. The insufficient

openness of artificial intelligence algorithms used in e-governance also presents risks. When such algorithms remain opaque, they may enable manipulation or discriminatory outcomes, undermining public trust in digital governance. Moreover, the legal framework often lags behind rapid technological advancements, creating regulatory gaps in new forms of digital interaction.

International experience demonstrates that digitalization can become a powerful factor in reducing corruption only when it is integrated with institutional and cultural reforms. Estonia, often referred to as the “digital state,” has shown that digital solutions must be embedded into governance at all levels. The use of blockchain technology in maintaining public records has minimized risks of data tampering and fraud. In Singapore, digital innovations are combined with strict enforcement and the cultivation of a culture of intolerance to corruption, which has allowed the country to consistently rank among the least corrupt globally. South Korea actively integrates intelligent auditing systems and online monitoring tools, ensuring effective oversight of budget expenditures.

For Kazakhstan, these practices provide valuable lessons. In the near future, key development areas should include the use of Big Data for analyzing public spending, the adoption of blockchain platforms in procurement procedures, the development of artificial intelligence for predicting corruption risks, and the creation of digital platforms for citizen participation in monitoring government activities. The effectiveness of these instruments, however, depends largely on public trust and the willingness of citizens to actively engage in oversight.

Thus, digital innovations are becoming an integral part of anti-corruption policy, enabling not only the reduction of corruption risks but also the formation of a new governance culture based on transparency, accountability, and fairness. For Kazakhstan, which is undergoing active institutional reforms, this development path is of strategic importance. The successful integration of digital technologies into anti-corruption policy can strengthen public trust in government, increase the country’s investment attractiveness, and lay a solid foundation for building a just and sustainable future.

While digital tools provide governments with powerful instruments to reduce corruption, their effectiveness largely depends on international cooperation and active participation of civil society. Corruption is a transnational phenomenon: illicit financial flows, offshore schemes, and cross-border money laundering cannot be effectively countered by a single country acting alone. In this regard, Kazakhstan’s accession to international agreements, such as the United Nations Convention against Corruption (UNCAC) and participation in OECD initiatives, reflects its commitment to aligning national policies with global standards. Multilateral platforms like the Financial Action Task Force (FATF) and the G20 Anti-Corruption Working Group play a crucial role in developing coordinated responses to cross-border corruption schemes.

Equally important is the empowerment of civil society, the media, and academia in monitoring government actions. The availability of open data portals, access to public registers, and transparency in public procurement allow NGOs and journalists to act as independent watchdogs. Citizen engagement, particularly through digital platforms and social networks, creates additional layers of accountability. Surveys

show that societies with strong civic activism and a free press demonstrate significantly lower corruption risks, as transparency becomes not only institutionalized but also socially embedded.

In Kazakhstan, the development of youth initiatives and public monitoring projects - such as “Adaldyk Alany” (Integrity Spaces) - illustrates the growing importance of civic participation in shaping an anti-corruption culture. By combining state-led digital reforms with grassroots civic oversight, Kazakhstan can foster a systemic and irreversible shift toward transparency and integrity.

The integration of digital technologies into anti-corruption policy is not merely a technical innovation but a strategic transformation of governance. As the case of Kazakhstan demonstrates, digital reforms such as e-government platforms, open budget initiatives, and electronic procurement systems have significantly enhanced transparency and accountability, laying the groundwork for systemic improvements. However, the effectiveness of these tools depends on overcoming challenges such as digital inequality, cybersecurity risks, and the need for continuous adaptation of the legal framework to new technological realities.

International experience underscores that digitalization alone cannot eradicate corruption; it must be complemented by institutional reforms, cultural change, and the promotion of integrity at all levels of society. For Kazakhstan, combining digital innovations with the strengthening of judicial independence, civic oversight, and international cooperation creates the foundation for sustainable progress.

Ultimately, the fight against corruption requires a holistic approach in which technology, law, and society function in synergy. By institutionalizing integrity, empowering civil society, and ensuring global cooperation, Kazakhstan has the potential not only to minimize corruption risks but also to become a regional leader in building transparent, accountable, and future-oriented governance. In this way, digital transformation serves not only as an anti-corruption tool but also as a cornerstone of sustainable development and public trust.

List of references:

1. Anti-Corruption Agency of the Republic of Kazakhstan. Concept of Anti-Corruption Policy of the Republic of Kazakhstan for 2022–2026. – Astana, 2022.
2. Law of the Republic of Kazakhstan No. 410-V ZRK of November 18, 2015. On Combating Corruption. – [Electronic resource]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410>
3. Law of the Republic of Kazakhstan No. 416-V ZRK of November 23, 2015. On Civil Service of the Republic of Kazakhstan. – [Electronic resource]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416>
4. Committee on Legal Statistics and Special Records of the General Prosecutor’s Office of the Republic of Kazakhstan. Statistical Data on Registered Corruption Crimes (2019–2023). – Astana, 2024.
5. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023. – Berlin: Transparency International, 2024. – URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2023>
6. United Nations. United Nations Convention against Corruption (UNCAC). – New York: United Nations, 2003. – URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/convention.html>

LIU SHIQI, Student of Al-Farabi Kazakh National University, Faculty of Law

**CORRUPTION: HISTORICAL ROOTS, CONTEMPORARY CHALLENGES,
AND ANTI - CORRUPTION MEASURES IN KAZAKHSTAN**

Corruption has deep historical roots and has accompanied the development of human society for centuries. Its origins can be traced to gift-giving traditions, where valuable presents were used to gain favor and influence decision-making. Over time, such practices evolved into a persistent social mechanism, ultimately transforming into modern forms of corruption.

According to ST RK 3049-2017 «Anti-Bribery Management System. Requirements and Guidelines for Application», corruption is defined as the offer, promise, transfer, acceptance, or solicitation of material assets (both financial and non-financial) in violation of the law, whether directly or indirectly, through intermediaries or otherwise, with the aim of obtaining benefits or rewards that may influence the actions or inaction of an individual.

Today, corruption is recognized as one of the most destructive global problems. According to the World Bank and the United Nations, annual economic losses from corruption amount to approximately USD 2.6 trillion, which equals more than 5% of global GDP. Transparency International further reports that over USD 1 trillion is paid in bribes every year, undermining governance efficiency, reducing quality of life, deepening inequality, and eroding trust in public institutions. Ultimately, corruption obstructs sustainable development, distorts competition, and weakens the investment attractiveness of states.

In the Corruption Perceptions Index (CPI) 2023, Kazakhstan ranked 93rd out of 180 countries with a score of 39 out of 100. For comparison, in 2020 Kazakhstan ranked 94th with the same score, reflecting systemic difficulties and limited progress in combating corruption. At the same time, Kazakhstan performs better than some of its Central Asian neighbors, such as Uzbekistan (121st, 31 points) and Kyrgyzstan (140th, 26 points), but significantly lags behind global leaders like Singapore (5th, 83 points).

The social consequences of corruption are no less harmful than its economic effects. Society's tolerance towards corrupt practices fosters a culture of indulgence, where bribery and abuse of power are normalized. This poses a particular danger, as corruption tends to become systemic, permeating all levels of governance and society.

In Kazakhstan, criminal liability for corruption is enshrined in the Criminal Code. According to the Committee on Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor's Office of Kazakhstan, in 2023 there were 1,048 registered corruption crimes, of which nearly 70% were cases of bribery (Art. 366 of the Criminal Code), 20% cases of offering bribes (Art. 367), while the remainder were related to mediation and abuse of office. Despite a decline compared to 2020 (1,234 cases), the level of latent corruption remains high.

To minimize corruption risks, Kazakhstan has been actively implementing international standards. Of particular importance is ST RK 3049-2017 (ISO 37001:2016), which sets out universal requirements for anti-bribery management

systems applicable to organizations of any size. The standard provides for the development of “zero tolerance” policies towards corruption, regular risk assessments, compliance procedures, and internal control mechanisms, including financial oversight, transparent procurement, and whistleblower protection.

Digitalization remains a key direction. The «Digital Kazakhstan» state program and the development of the e-government portal (www.egov.kz) have helped automate public service delivery and reduce direct citizen–official interaction, thereby limiting opportunities for corruption. International experience, particularly from Singapore and Estonia, demonstrates that digital governance significantly mitigates corruption risks.

An integral part of Kazakhstan’s anti-corruption strategy is the promotion of a culture of intolerance towards corruption. Educational initiatives, courses in ethics and legal literacy, and civic engagement contribute to reducing societal acceptance of corruption in the long term.

Thus, Kazakhstan’s contemporary anti-corruption policy integrates criminal law mechanisms, institutional reforms, digital technologies, and civil society engagement. However, further progress requires stronger harmonization of national approaches with international standards, enhanced public oversight, and greater legal awareness among citizens. Only a comprehensive approach can reduce the scale of corruption and ensure the sustainable socio-economic development of the country.

The Republic of Kazakhstan recognizes that corruption is not only a domestic issue but also a transnational challenge requiring coordinated international efforts. As a member of the United Nations Convention against Corruption (UNCAC, 2003) and the Council of Europe Criminal Law Convention on Corruption (1999), Kazakhstan has assumed obligations to harmonize its national legislation with international standards.

In 2022, Kazakhstan strengthened its cooperation with the OECD Anti-Corruption Network for Eastern Europe and Central Asia (OECD ACN) by implementing recommendations under the Istanbul Anti-Corruption Action Plan. Among the key areas were the improvement of asset declaration systems, protection of whistleblowers, and the development of transparent procurement mechanisms. Additionally, Kazakhstan is actively cooperating with the Financial Action Task Force (FATF) to prevent corruption-related money laundering.

International peer reviews have proven to be an important driver for national reforms, as external assessments encourage transparency and provide an incentive for compliance with best practices. However, Kazakhstan still faces challenges in ensuring the practical enforcement of international standards at the local level, particularly in rural regions and the quasi-public sector.

Over the past decade, Kazakhstan has undertaken a series of institutional reforms aimed at modernizing the public administration system and enhancing accountability. The adoption of the Law on Civil Service (2015) introduced a merit-based career model and transparent recruitment procedures. The principle of “meritocracy” has reduced nepotism and facilitated equal opportunities for candidates regardless of social status.

Civil society plays an increasingly important role in anti-corruption monitoring. Special Monitoring Groups, composed of representatives of NGOs, academia, and independent experts, have been established under the Anti-Corruption Agency. These

groups evaluate the implementation of national strategies and provide feedback on government transparency.

Furthermore, Kazakhstan has promoted public participation in decision-making through mechanisms such as Open Government platforms and public councils. These initiatives have created new opportunities for civic oversight, though their effectiveness still depends on adequate access to information and institutional independence.

While digitalization has proven to be a powerful tool against corruption, it has also created new risks. The growing use of Big Data, artificial intelligence, and blockchain technologies in governance raises issues of cyber security, data privacy, and algorithmic transparency. The potential misuse of digital platforms for manipulating procurement, election processes, or public registries remains a concern.

For instance, although the e-procurement system has increased efficiency and reduced opportunities for bribery, cases of collusion and manipulation of bids still occur. Therefore, further reforms should focus not only on expanding digital platforms but also on enhancing their security, monitoring, and citizen accessibility. Lessons from Estonia's e-governance model illustrate that digitalization must be accompanied by strong cybersecurity measures and clear legislative frameworks.

Looking ahead, Kazakhstan's anti-corruption strategy for 2022–2026 emphasizes a comprehensive approach combining legal, institutional, technological, and cultural measures. Among the key priorities are:

- Strengthening the independence and capacity of the Anti-Corruption Agency;
- Introducing full-scale electronic asset and income declaration by 2025;
- Expanding whistleblower protection mechanisms;
- Enhancing corporate compliance and private sector responsibility;
- Promoting a culture of integrity through educational initiatives at all levels of society.

The long-term success of these reforms depends on the synergy between the state, business, and civil society. Only through collective action can Kazakhstan overcome entrenched corruption practices and establish a sustainable governance model.

Corruption remains one of the most serious challenges to Kazakhstan's socio-economic development and national security. Although significant progress has been achieved through legislative reforms, digital transformation, and international cooperation, systemic challenges persist. Kazakhstan's experience demonstrates that punitive measures alone are insufficient; instead, an integrated approach that combines criminal law enforcement, preventive mechanisms, civic engagement, and digital innovation is essential.

By aligning its policies with international standards and investing in a culture of transparency and accountability, Kazakhstan has the potential not only to reduce corruption levels but also to strengthen its global reputation as a reliable and competitive state.

List of references:

1. Anti-Corruption Agency of the Republic of Kazakhstan. Concept of Anti-

Corruption Policy of the Republic of Kazakhstan for 2022–2026. – Astana, 2022.

2. Law of the Republic of Kazakhstan No. 410-V ZRK of November 18, 2015. On Combating Corruption. – [Electronic resource]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410>

3. Law of the Republic of Kazakhstan No. 416-V ZRK of November 23, 2015. On Civil Service of the Republic of Kazakhstan. – [Electronic resource]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416>

4. Committee on Legal Statistics and Special Records of the General Prosecutor’s Office of the Republic of Kazakhstan. Statistical Data on Registered Corruption Crimes (2019–2023). – Astana, 2024.

5. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023. – Berlin: Transparency International, 2024. – URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2023>

6. United Nations. United Nations Convention against Corruption (UNCAC). – New York: United Nations, 2003. – URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/convention.html>

LIU JIAWEI, Student of Al-Farabi Kazakh National University, Faculty of Law

Li Qian, Zharbolova A.Zh.

FUNCTIONS OF ADMINISTRATIVE JUSTICE

Administrative justice, as a distinct mechanism of judicial protection within the sphere of public-law relations, performs a number of essential functions that ensure the effective implementation of the rule of law and the stability of a democratic legal order. These functions are recognized both in legal doctrine and in the practical experience of foreign jurisdictions.

1. Rights-Protection Function

The primary and fundamental function of administrative justice is to guarantee effective judicial protection of the rights and freedoms of individuals whose interests have been violated through acts, omissions, or decisions of public authorities. In situations where administrative bodies may act arbitrarily, beyond the scope of their legal authority, the court becomes the central guarantor safeguarding the individual from unlawful interference.

Through administrative judicial proceedings, an individual is able to:

- challenge both normative and individual administrative acts;
- appeal unlawful refusals to provide public services or access to information;
- seek compensation for damage caused by illegal administrative actions.

As N B.A. Zhetpisbayev notes, “administrative justice is an institution that provides the citizen with a real opportunity to restore violated rights in the public sphere” [1, p. 75].

2. Supervisory (Control) Function

Administrative justice also performs the essential supervisory function — the

judicial control over the legality of actions taken by public authorities. This type of oversight imposes clear legal boundaries on administrative conduct, protecting society from arbitrary rule.

The court is empowered to:

- invalidate an unlawful administrative act;
- compel an authority to remedy a violation;
- recognize an action or omission of the administration as unlawful.

This supervisory mechanism operates as a legal restraint, encouraging administrative bodies to act strictly within the law.

As D.N. Bahrah observes, “the supervisory function of administrative justice renders public power observable and accountable to civil society” [2, p. 63].

3. Preventive Function

Although courts usually respond to violations that have already occurred, administrative justice also performs a significant anticipatory or preventive function. The awareness that administrative actions may be judicially reviewed induces public authorities to act with caution, comply with legal requirements, and avoid arbitrary decisions.

This preventive effect contributes to the development of legal discipline within public administration.

Judicial review motivates administrative bodies to assess the legality of their actions in advance.

4. Educational Function

Administrative justice also fulfills an educational function, influencing both citizens and public authorities:

- For citizens: it enhances legal awareness, strengthens understanding of rights, and builds trust in the judiciary.

- For authorities: it develops a culture of respect for law, accountability, and responsible exercise of public power.

According to B.A. Zhetpisbaev, administrative justice “forms legal culture and institutional discipline within the behavior of public authorities” [1, p. 43].

5. Stabilizing Function

In adjudicating disputes between individuals and public authorities, administrative justice performs a stabilizing function within the system of public relations. Judicial review allows conflicts to be resolved strictly within the legal framework, preventing their escalation into social confrontation, civil disobedience, or political turbulence.

This role is especially significant in transitional societies where institutional structures are still developing and the risk of instability is heightened. As M.Yu. Tikhomirov notes, “administrative justice promotes social stability by legally resolving conflicts between the authorities and society” [3, p. 119].

6. Institutional-Restraining Function

Administrative justice also fulfills an institutional-limiting function by placing legal constraints on the exercise of executive power. Serving as a structural barrier to arbitrary administrative discretion, it operates as a “legal boundary” that public authorities are prohibited from crossing.

Through this mechanism, administrative justice helps to maintain institutional equilibrium among branches of government, which is especially critical in countries with a particularly strong executive. Administrative adjudication creates a system of institutional safeguards against governmental arbitrariness.

7. Compensatory and Restorative Function

A further key role of administrative justice lies in restoring violated rights and providing compensation for damage caused by unlawful administrative acts or conduct — including material, moral, or economic losses such as lost profit.

This function gains special importance in connection with:

- the right to compensation for harm caused by the state (Article 13 of the European Convention on Human Rights),
- the development of doctrines on the liability of public authorities, including strict liability where powers have been exceeded.

In many jurisdictions, where internal administrative control may be weak, judicial protection becomes the primary — and sometimes the only — means of reinstating justice.

8. Digital-Regulatory Function (Emerging)

In the context of the digital transformation of governance and justice (GovTech, e-Justice), administrative courts increasingly serve as key institutions overseeing the legality of digital administrative decision-making. This includes:

- algorithmic decision-making systems used in public services,
- automated allocation of social benefits,
- the functioning of electronic registries, platforms, and data systems.

As public administration becomes digitized, administrative justice must safeguard individuals not only from human misconduct but also from “digital arbitrariness.”

European Union legal scholarship is actively developing the concept of digital due process, which requires administrative judges to scrutinize the transparency, explainability, and legality of algorithmic decisions that affect individual rights [4].

9. Educational and Normative Function

Judicial decisions in administrative cases, especially those issued by higher courts, play a significant doctrinal and norm-setting role. They shape consistent judicial practice, provide authoritative interpretations of legal provisions, influence legislative processes and even the drafting of regulatory acts.

Thus, administrative justice becomes an informal yet powerful source of administrative law, guiding public authorities toward lawful and proper administrative behavior. Judicial practice in administrative cases reflects the overall quality of public administration.

10. Social-Legitimizing Function

In a democratic legal system, public trust in government is essential. When authorities violate rights and the judiciary effectively restores them, this trust is preserved. Conversely, the absence of fair judicial protection undermines the legitimacy of state power.

Administrative justice therefore acts as a “social shock absorber, maintaining civic stability, reducing political conflict, and preventing public dissatisfaction from escalating beyond institutional boundaries. Its purpose is to transform protest into a

legal claim, and the public arena into the courtroom — where disputes are resolved lawfully, not through confrontation.

Different countries have developed distinct models of administrative justice:

1. France: a separate and autonomous system of administrative courts headed by the Conseil d'État.

2. Germany: a three-tier administrative judiciary fully independent of courts of general jurisdiction.

3. United States: administrative judges operate within the executive branch but enjoy considerable independence in adjudication [5, p. 89].

These models illustrate the diversity of institutional arrangements shaped by each country's legal traditions, historical evolution, and socio-political context.

Administrative justice performs several essential functions that ensure the lawful and accountable exercise of public power. Its primary role is to provide individuals with an effective mechanism to challenge actions, decisions, or inaction of public authorities. Through this system, citizens can seek protection when administrative bodies exceed their powers or act unfairly.

One of its core functions is rights protection, as administrative courts safeguard individuals against violations committed by public institutions. Closely connected to this is the control function, which ensures judicial oversight over the legality and reasonableness of administrative conduct. By reviewing administrative decisions, courts prevent abuses of authority and reinforce the rule of law in public governance.

Administrative justice also has a preventive function. The possibility of judicial review encourages public authorities to act carefully, transparently, and within their legal limits, knowing that any unlawful decision may be overturned in court. In this way, administrative justice fosters a culture of legality within the public administration.

Another important role is the restorative function, which focuses on correcting unlawful administrative actions. Courts can annul decisions, require authorities to act, or order compensation for damage caused by unlawful administrative behavior. This serves both justice and the restoration of public trust.

Finally, administrative justice carries a stabilizing function, helping maintain social balance by resolving conflicts between the state and citizens within a legal framework. By providing a structured and fair means of dispute resolution, it prevents social tensions from escalating and supports the overall legitimacy of public institutions.

- Rights-protection function: safeguarding and enforcing the rights and freedoms of individuals in their interactions with the state.

- Supervisory (control) function: exercising judicial oversight over the legality of actions and decisions of public authorities.

- Preventive function: deterring potential violations of citizens' rights by administrative bodies.

- Law-shaping function: contributing to the development and refinement of administrative legislation through judicial practice.

References

1. Zhetpisbayev B.A. Administrativnyi process. – Almaty, 2012. – 334 s.

2. Bahrah D.N. Administrativnoe pravo Rossii. 6-e izd. M.: Eksmo, 2010. 816 s.
3. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge: Harvard University Press, 1971. P. 235-236.
4. Kingsbury B., Krisch N., Stewart R.B. The Emergence of Global Administrative Law // Law and Contemporary Problems. 2005. Vol. 68. P. 15-61.
5. Zweigert K., Kötz H. Introduction to Comparative Law. 3rd ed. Oxford: Clarendon Press, 1998. P. 68-73.

LI QIAN, masters student of Law Faculty, Al-Farabi Kazakh national university

ZHARBOLOVA A.ZH., candidate of Law, Senior Lecturer of Law Faculty, Al-Farabi Kazakh national university (scientific supervisor)

РЕЗОЛЮЦИЯ

международной научно-практической конференции «Миграция в цифровой реальности: социально-экономические эффекты и правовые механизмы адаптации»

Преамбула

Настоящая резолюция принята по итогам Международной научно-практической конференции «Миграция в цифровой реальности: социально-экономические эффекты и правовые механизмы адаптации», состоявшейся 6 ноября 2025 года в городе Алматы, Республика Казахстан. Конференция объединила 60 специалистов, представляющих академические институты, государственные учреждения и международные экспертные организации. В рамках конференции было представлено около 40 докладов, охватывающих широкий спектр вопросов, связанных с влиянием цифровизации на миграционные процессы. Конференция прошла в очном формате с возможностью дистанционного участия.

Мероприятие стало площадкой для обмена знаниями и опытом между экспертами из Казахстана, России, Узбекистана, Кыргызстана и других стран Евразийского пространства.

В ходе дискуссий была подтверждена необходимость синергии между правовыми нормами, технологическими решениями и социально-экономическими стратегиями для эффективного управления миграционными процессами в условиях цифровизации. Особое внимание было уделено потребностям в развитии статистики миграции и создании цифровых репозиториев для оперативного доступа к актуальным данным. Подчеркнута ключевая роль научных учреждений и международного сотрудничества в формировании эффективной политики миграции, отвечающей вызовам цифровой эпохи.

Постановляющая часть

На основании представленных докладов, проведенных дискуссий и обмена мнениями, участники конференции приняли следующие предложения, рекомендации и решения:

1) Разработка международной методологии сбора и анализа миграционных данных в цифровой среде:

Необходимо разработать унифицированную методологию сбора и анализа миграционных данных, учитывающую специфику цифровой среды.

Данная методология должна включать показатели занятости, образования, здравоохранения и правового статуса мигрантов, а также учитывать аспекты цифровой грамотности и доступа к цифровым технологиям.

Методология должна быть разработана с учетом международных стандартов и рекомендаций, обеспечивая сопоставимость данных между различными странами и регионами.

2) Создание многоуровневой политики миграции, ориентированной на цифровое пространство:

Политика должна предусматривать создание законных каналов миграции и упрощенные процедуры для целевых категорий мигрантов, таких как высококвалифицированные специалисты в сфере цифровых технологий.

Необходимо разработать и внедрить программы интеграции мигрантов в образовательную систему, рынок труда и систему социального обеспечения, учитывая их потребности в цифровой адаптации.

Ключевым элементом политики должно быть обеспечение защиты прав мигрантов, недискриминация и обеспечение доступа к правосудию, особенно в случаях, связанных с киберпреступностью и нарушением персональных данных.

3) Учреждение региональных механизмов обмена информацией и сотрудничества по предотвращению кризисов миграции:

Необходимо создать региональные платформы для обмена информацией о миграционных потоках, возникающих рисках и передовом опыте в области управления миграцией.

Следует разработать кризис-планы и системы мониторинга для оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации, связанные с массовой миграцией, вызванной, в том числе, технологическими изменениями и киберугрозами.

Важным аспектом сотрудничества является совместное противодействие нелегальной миграции и торговле людьми в цифровом пространстве.

4) Усиление роли научных учреждений в исследовании миграционных процессов:

Необходимо создать международные исследовательские сети, объединяющие ученых и экспертов в области миграции и цифровых технологий.

Следует обеспечить финансирование совместных исследовательских проектов и публикаций по миграционной тематике, с акцентом на цифровые аспекты.

Важно поддерживать создание и развитие специализированных научных центров, занимающихся изучением миграционных процессов в цифровой среде.

5) Внедрение образовательных программ и тренингов для государственных служащих, правовых экспертов и представителей гражданского общества по вопросам миграции:

Необходимо разработать образовательные программы и тренинги, направленные на повышение квалификации государственных служащих, правовых экспертов и представителей гражданского общества в вопросах миграционного права, управления миграцией и защиты прав мигрантов в цифровом пространстве.

Программы должны включать изучение актуальных трендов в миграции, связанных с цифровыми технологиями, а также обучение навыкам работы с цифровыми инструментами для управления миграционными процессами.

б) Привлечение частного сектора и гражданского общества к программам миграционной интеграции:

Необходимо активно привлекать частный сектор и гражданское общество к реализации программ миграционной интеграции, предлагая механизмы финансовой и организационной поддержки.

Среди перспективных форм сотрудничества – организация стажировок для мигрантов, волонтерские программы и поддержка социальных предприятий, ориентированных на трудоустройство и адаптацию мигрантов.

Важно создавать платформы для диалога между мигрантами, принимающим сообществом и представителями бизнеса.

Рекомендации для решения конкретных задач:

Задача 1: Повышение точности миграционной статистики в регионах с высоким миграционным притоком.

Внедрить единые стандарты учета мигрантов, основанные на использовании цифровых технологий и межведомственном взаимодействии.

Развивать цифровые реестры граждан и мигрантов, обеспечивая их актуальность и доступность для уполномоченных органов.

Обеспечить доступность открытых данных о миграции для исследователей, журналистов и широкой общественности.

Наладить обмен данными между ведомствами, ответственными за миграцию, занятость, здравоохранение и образование.

Задача 2: Обеспечение прав мигрантов на труд и образование.

Упростить процедуры допуска мигрантов к рынку труда, особенно в секторах, испытывающих дефицит кадров.

Внедрить языковые и профессиональные курсы для мигрантов, адаптированные к требованиям цифровой экономики.

Обеспечить мониторинг соблюдения трудовых прав мигрантов и защиту их от эксплуатации.

Создать условия для доступа мигрантов к образованию и повышению квалификации, в том числе с использованием дистанционных образовательных технологий.

Задача 3: Снижение риска стигматизации мигрантов.

Проводить информационные кампании, направленные на формирование позитивного образа мигрантов и борьбу с ксенофобией.

Обеспечить защиту прав мигрантов и пресечение дискриминации в отношении них.

Развивать адвокационные инициативы, направленные на защиту интересов мигрантов и продвижение их прав.

Поддерживать проекты, способствующие межкультурному диалогу и интеграции мигрантов в принимающее сообщество.

Задача 4: Укрепление международной кооперации.

Подписывать двусторонние и региональные соглашения о сотрудничестве в области миграции, включая вопросы обмена информацией, взаимного признания квалификаций и защиты прав мигрантов.

Организовывать обмен лучшими практиками в области управления миграцией между странами и регионами.

Создавать совместные кризисные центры для координации усилий по реагированию на чрезвычайные ситуации, связанные с миграцией.

Настоящая резолюция является выражением консолидированной позиции участников Международной научно-практической конференции и призывает к ее активному внедрению в практику управления миграционными процессами в условиях цифровой реальности.

Ғылыми басылым

«ЦИФРЛЫҚ ШЫНДЫҚТАҒЫ ХАЛЫҚТЫҢ КӨШІ-ҚОНЫ:
ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ӘСЕРЛЕР ЖӘНЕ
БЕЙІМДЕЛУДІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТЕТІКТЕРІ»
халықаралық ғылыми-практикалық конференцияның жинағы
6 қараша 2025

Научное издание

«МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ И ПРАВОВЫЕ
МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ»
материалы международной научно-практической конференции
Алматы, 6 ноября 2025

Scientific edition

«MIGRATION IN THE DIGITAL REALITY:
SOCIOECONOMIC EFFECTS AND LEGAL
ADAPTATION MECHANISMS»
proceedings of the international scientific and practical conference
November 6, 2025

Подписано в печать 10.11.2025 г. Формат 60x84 1/16.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13.
Тираж 100 экз. Отпечатано с готового оригинал-макета.
Заказ № 000411.